

714230

Ф. ЮЛДАШБАЕВА

ИЗ ИСТОРИИ
АНГЛИЙСКОЙ
КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
в АФГАНИСТАНЕ
и СРЕДНЕЙ АЗИИ

ГОСИЗДАТ УЗССР

Ф. Х. ЮЛДАШБАЕВА

ИЗ ИСТОРИИ
АНГЛИЙСКОЙ
КОЛОНИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ
В АФГАНИСТАНЕ
И СРЕДНЕЙ АЗИИ

(70—80 годы XIX в.)

714230

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УЗБЕКСКОЙ ССР
Ташкент—1963

64

Ответственный редактор

доктор исторических наук профессор А. Х. БАБАХОДЖАЕВ

Центральна Наукова
БИБЛІОТЕКА при ХДУ
Ім. М.

Юлдашбаева Ф. Х.

Из истории Английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии (70—80 годы XIX в.). (Отв. ред. д-р ист. наук проф. А. Х. Бабаходжаев). Т., Госиздат УзССР, 1963. 192 стр. Тираж 2000.

9И1-327.2

ВВЕДЕНИЕ

Накануне присоединения Средней Азии к России, особенно в 40-х годах XIX века, английское проникновение на Средний Восток, в Среднюю Азию и Западный Китай усилилось. Правящие круги Британии стремились установить и укрепить свои позиции в Иране, Афганистане, в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах, рассматривая их территории не только как рынок сбыта и источник сырья, но и как плацдарм для наступления на юго-восточные границы России. Английские фабричные товары наводнили Иран, Афганистан, Синьцзян и в известной степени Среднюю Азию. Английские колонизаторы вторглись в Афганистан и в Иран. Их агенты вели постоянную подрывную деятельность в среднеазиатских ханствах.

Происки английского империализма на Среднем Востоке достигли своего кульминационного момента в 70-80-е годы XIX века, когда англо-индийские власти стремились под предлогом демаркации русско-афганской границы расчлениить, захватить значительные части территории Средней Азии. Это привело к резкому обострению не только англо-русских, но также и русско-афганских отношений. В. И. Ленин дал блестящую характеристику положения, создавшегося в этой части земного шара. «В 1885 году Россия была на волосок от войны с Англией потому, что обе делили (грабили) Среднюю Азию»¹.

Русско-афганское разграничение как своеобразная форма англо-русской борьбы за Средний Восток, не нашло еще достаточного отражения в исторической лите-

¹ В. И. Ленин. Тетради по империализму, стр 620.

ратуре, что и побудило автора избрать темой данной работы и поставить перед собой задачу осветить некоторые стороны русско-афганского разграничения и английской колониальной политики в Афганистане и в Средней Азии в 70-80 гг. XIX в.

Актуальность этой темы станет тем более очевидной, если учесть, что буржуазные фальсификаторы в целях оправдания колониальной политики английского империализма стремятся всячески очернить политику России по отношению к странам Среднего Востока, в частности и Афганистану.

Афганистан граничит с Узбекской Советской Социалистической Республикой. В Ташкенте в 1946 году проходили основные работы советско-афганской смешанной комиссии по демаркации границ СССР и Афганистана на основе советско-афганского соглашения от 13 июня 1946 года. Советско-афганская смешанная комиссия по демаркации советско-афганской границы руководствовалась русско-афганским соглашением, подписанным в 1887 году и составляющим основное содержание настоящей работы.

В основу этого договора положены добрососедские отношения и дружба между Афганистаном и СССР. Советско-афганская комиссия решала пограничные вопросы в интересах обоих государств. Так, например, договором 1946 года граница между Афганистаном и СССР дала возможность Афганистану использовать амударьинские воды для судоходства. Следует отметить, что по договору русско-афганского разграничения 1887 года граница проходила по левому берегу Аму-Дарьи, вследствие чего афганцы не могли пользоваться водами реки.

Для того, чтобы разобраться в особенностях русско-афганского разграничения, необходимо было исследовать комплекс проблем, созданных англо-русскими отношениями на Среднем Востоке и в Средней Азии во второй половине XIX века.

Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса — «Англия и Россия в Афганистане», «Действительно спорный пункт в Турции», «Британское владычество в Индии», «О Восточном вопросе», труды В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Тетради по империализму» явились основной теоретической базой работы, пролили свет на особен-

ность англо-русского соперничества в странах Востока и вскрыли причины возникновения и обострения империалистических противоречий между буржуазными государствами в их борьбе за рынки сбыта и источники сырья.

В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса дается подробная характеристика английской агрессивной политики не только в Индии, но также и на Среднем Востоке, где английские захватчики преследовали далеко идущие цели. Английские колонизаторы не случайно толкали правителей Герата против Ирана и Афганистана, оказывая им материальную и военную помощь.

«Герат является,— писал Энгельс,— местом, которое в руках сильной державы может стать командным пунктом как над Ираном, так и над Туркестаном»¹. Учитывая это обстоятельство, правящие круги Англии стремились любой ценой овладеть Гератом и закрепить свое влияние в этом районе.

При изучении международных отношений и исторических событий на Среднем Востоке в период 70—80 гг. XIX в. особое значение имело изучение гениальной ленинской теории империализма. «Империализм есть капитализм»,— указывает В. И. Ленин,— на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами...»².

В. И. Ленин, анализируя процесс формирования империалистической стадии капитализма в Англии, указывал, что «...две крупные отличительные черты империализма имели место в Англии с половины XIX века: громадные колониальные владения и монопольное положение на всемирном рынке»³.

Это определение В. И. Ленина раскрывает движущие пружины английской агрессивной колониальной политики в Афганистане и в Средней Азии.

Источниками для разработки темы послужили также документальные материалы Государственного исторического архива Узбекской ССР. Они помогли изучить колониальную политику царского самодержавия в Сред-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. I, стр. 134.

² В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 253.

³ Там же, стр. 270.

ней Азии во второй половине XIX в., ее дипломатические связи с государствами Среднего Востока, вскрыть агрессивную политику Великобритании в Афганистане и в Средней Азии. В фондах ЦГИА УзССР содержатся материалы дипломатической части канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, имевшего, как известно, право внешних сношений. В них сосредоточена вся дипломатическая переписка Туркестанского генерал-губернатора фон Кауфмана, которую он вел с правителями и сановниками Ирана, Афганистана, Кашгара, Бухары, Хивы.

В работе использован фонд 715 ЦГИА УзССР. Большая часть фонда представляет собой подготовленные А. Г. Серебрянниковым «Материалы для истории завоевания Туркестанского края», составленные по многочисленным документам архивов Петербурга, Москвы, Омска, Оренбурга и Тифлиса, то есть городов, где находились государственные и военные органы, связанные с политикой царского правительства в Средней Азии.

Изучение сосредоточенных в этом издании архивных источников помогло разобраться в сущности колониальной политики царского самодержавия в Средней Азии, познакомиться с коварными методами агрессивной колониальной политики английских империалистов в Афганистане и Средней Азии. Например, когда афганский народ, отстаивая независимость своей страны, вел отчаянную борьбу против английских агрессоров, британское правительство отдало следующее приказание вице-королю Индии: «Следует наказать афганский народ беспощадно, а столицу Афганистана, г. Кабул, следует сжечь окончательно и сравнять с поверхностью земли так, как равняют земли под посевы»¹.

Автором использованы опубликованные в виде сборника документы, касающиеся русско-афганского разграничения 70—80 годов. Они были изданы в 1886 году Министерством иностранных дел России под названием «Русско-афганское разграничение».

Использован уникальный «Туркестанский сборник», в котором собрано большое число журнальных и газетных статей, рассказывающих об исторических событиях, происходивших на территории Средней Азии, о происках

английских колонизаторов в Афганистане, Иране, Кашгаре и Среднеазиатских ханствах.

Ценные материалы получены из «Сборников географических, топографических и статистических материалов по Азии», издававшихся военно-ученым Комитетом Главного штаба, ряда изданий дореволюционной исторической и мемуарной литературы, воспоминаний членов дипломатических миссий и сообщений участников военных походов. Хотя данные материалы зачастую грешат отсутствием серьезного политического и экономического анализа, вместе с тем в них можно найти интереснейшие сведения, проливающие определенный свет на политическую обстановку в России и странах Востока; они имеют также значение для определения политики правящих кругов России и ее британского соперника по колониальному дележу Среднего Востока.

Нами также использованы статьи А. Л. Попова «Борьба за среднеазиатский плацдарм» и «Из истории завоевания Средней Азии», характеризующие позиции России и Англии на Среднем Востоке во второй половине XIX века и раскрывающие сущность англо-русских противоречий в этом районе. К числу серьезных трудов, освещающих рассматриваемую проблему, следует отнести работу М. К. Рожковой: «Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия».

В изучении истории соседнего государства Афганистана серьезные заслуги принадлежат советским историкам-афганистам: И. М. Рейснеру, Е. Л. Штейнбергу, Л. Р. Гордон, Азизу Ниалло, Н. А. Халфину, М. Г. Пикулину, А. Х. Бабаходжаеву и др. Они на основе богатого фактического и архивного материала осветили проблемы образования и развития афганского государства, состояние и развитие его экономики и культурного роста, борьбу героического афганского народа против иностранных поработителей. Труды советских ученых создали прочную базу для дальнейшего изучения и разработки истории народов Среднего Востока вообще и в особенности истории Афганистана.

Основная задача данной работы — показать провал колониальной политики английских империалистов в Афганистане и Средней Азии в период русско-афганского разграничения 70—80 годов XIX века. Главное вни-

¹ ЦГИА УзССР, фонд Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора (ф. КТГГ), оп. 3, д. 424.

манье уделено разоблачению политики английских империалистов в Афганистане и Средней Азии.

Одним из наиболее важных афганских источников можно считать «Автобиографию Абдурахман-хана». Известное значение имеет книга «Сирадж-ат-таварих» (святильник истории), составленная Файз Мухаммедом по поручению и при участии Хабибуллы-хана, эмира Афганистана. Правда, в ней освещается не столько история Афганистана, сколько излагается история царствующей фамилии, походов и войн. Но в этой книге приводятся интересные факты, разоблачающие английскую политику в Афганистане в период англо-русского разграничения и неопровержимо доказывающие, что англо-индийские власти толкали Афганистан на открытый конфликт с Россией.

Для изучения истории Афганистана значительный интерес представляет изданная в Москве в 1958 году в переводе на русский язык книга буржуазного историка Сеид Касема Риштия «Афганистан в XIX в.». Она помогает лучше понять многие события истории Афганистана и характер борьбы афганского народа против английских колонизаторов. В ней использованы материалы английских публикаций и мемуары, а также документы советских государственных архивов и пр. Работа Сеида Касема Риштия охватывает период от начала XIX века до завоевания Афганистаном независимости.

Освещению положения в Афганистане и Средней Азии в рассматриваемый период посвящены многочисленные работы английских авторов. Из них можно назвать книги А. Бернса, А. Конолли, И. Вольфа; они написаны разведчиками, проводившими по заданию английского правительства разведывательную деятельность на территории Афганистана, Ирана, Кашгара и ханств Средней Азии.

Работы А. Бернса и А. Конолли достаточно известны. Меньшей известностью пользуется книга И. Вольфа; между тем она представляет значительный интерес для исследователя английской колониальной политики в Средней Азии. В книге подробно излагается поездка Вольфа в Бухару в 1843—1845 годы, предпринятая якобы для выяснения судьбы английских разведчиков — полковника Стоддарта и капитана Конолли, арестованных и казнённых бухарским эмиром. В книге приводится ряд фактов,

которые вопреки желанию автора разоблачают английскую агрессивную и разведывательную деятельность на Среднем Востоке и, в частности, в Средней Азии. Характерно, что И. Вольф прибыл в Среднюю Азию через Константинополь, где получил подробный инструктаж от английского посланника Статфорда Каннинга. Он снабдил Вольфа рядом необходимых ему для поездки в Бухару документов, в частности — фирманом турецкого султана к эмиру Бухары с указанием «...отпустить на свободу английских путешественников — полковника Стоддарта, капитана Конолли». Кроме этого Вольфу было вручено письмо к наиболее влиятельным муллам Бухары, Хивы и Коканда.

Вольф приводит интересные факты, свидетельствующие о том, что английская агентура пыталась подкупить высших сановников бухарского ханства и с их помощью попытаться склонить эмира бухарского, а также хивинского и кокандского ханов на сторону англичан, организовать союз среднеазиатских ханств против России, оказать им военно-материальную помощь, парализовать русское продвижение в Среднюю Азию с тем, чтобы укрепить в этих краях влияние Англии.

Нами широко использована книга Бетти Бальфур (1876—1880 гг.), особенно документы, которые хранились в личном архиве ее отца, лорда Литтона, занимавшего в 1876—1880 годах пост вице-короля Индии.

Бальфур опубликовала переписку Литтона с Дизраэли и другими английскими министрами, директивы британского кабинета вице-королю Индии. Опубликована также переписка Литтона с руководителями англо-индийской пограничной администрации, дипломатическая переписка с афганским эмиром, записки из дневника вице-короля и т. д. Эти документы почти не использованы в исторической литературе, а между тем они представляют большой интерес для разоблачения английской агрессивной политики в Средней Азии. Эти документы показывают, что англо-индийское правительство искало предлога для войны с Афганистаном или повода для свержения Шир-Али-хана эмира Афганского, что явилось бы сигналом для междоусобной войны. Тогда англичане приложили бы все усилия, чтобы посадить на афганский престол удобного им кандидата, при котором им было легче расчленил Афганистан.

Агрессивные планы английского империализма не ограничивались Афганистаном. В письме министру по делам Индии Кренбуру Литтон предлагал из отдельных территорий Афганистана и Средней Азии создать Западно-Афганское ханство.

Буржуазная историческая наука всячески замалчивала книгу Б. Бальфур, ибо документы, опубликованные в ней, против желания автора, разоблачают политику английского империализма.

В последнее время в связи с агрессивными планами американского империализма на Востоке, американская историография начала проявлять интерес к истории стран Среднего Востока и, в частности, Афганистана. В США издан ряд работ, крайне тенденциозно освещающих историю Афганистана и Средней Азии. К числу таких работ относится и книга В. Хаббертона. В ней автор восстанавливает миф о русской угрозе Индии, о «вынужденном» вторжении англичан в Афганистан и т. д. Хаббертон крайне высокомерно относится к народам Востока, и, в частности, к афганцам. Однако некоторые документы, впервые опубликованные Хаббертоном, использованные им материалы периодической печати представляют известный интерес.

Для фальсификаторской деятельности западной буржуазной историографии характерна статья, опубликованная в английском востоковедческом журнале «Сентрал эйшн ревью» (Среднеазиатское обозрение) № 2 за 1958 год, содержащая рецензию на статью Ф. Юлдашбаевой, помещенную в «Трудах Среднеазиатского государственного университета им. Ленина» под названием «Русско-афганское разграничение и усиление английской агрессии в Средней Азии и Афганистане (1872—1880)».

Автором рецензии является старый чиновник английской колониальной администрации в Индии Олаф Кэро. Его перу принадлежит реакционная работа «Россия и ее империя». Редактор «Среднеазиатского обозрения» считает, что критические замечания на статью Ф. Юлдашбаевой, данные Олафом Кэро, очень ценны. Кэро, будучи секретарем департамента по внешним делам в правительстве Индии в 1939—1945 годах и губернатором Северо-Западной пограничной провинции в 1946—1947 годах, глубоко знает этот вопрос. Поэтому редакция, публикуя рецензию Кэро, рассчитывала опровергнуть наши поло-

жения относительно оценки колониальной политики английских империалистов в Афганистане и Средней Азии.

Олаф Кэро из кожи лезет вон, чтобы оправдать доверие своих высоких покровителей. Он, например, указывает: «Царское правительство на протяжении всей статьи Юлдашбаевой изображается многострадальным и неагрессивным, побуждаемым искренним стремлением к миру»¹.

«Вся статья,— безапелляционно заявляет Кэро,— дает повод для высказывания: скрыть истину — все равно, что солгать»².

Однако с полным основанием можно заявить, что истину скрывает английский рецензент, а не автор статьи, рассматривающей экономические, политические и стратегические соображения, приведшие к колониальному захвату Россией среднеазиатских земель, ход завоевания с 1865 по 1884 годы, приведший к установлению в Средней Азии для трудящихся двойного гнета: колониального и феодального.

В нашей статье дана оценка колониальной политике как России, так и Англии, вскрыто стремление правящих кругов Великобритании захватить огромные районы Средней Азии. Вот это положение взбудоражило сторонников колониальной экспансии и определило решение редакции «Среднеазиатского обозрения» посвятить сравнительно небольшой статье огромную рецензию — опровержение.

Современная реакционная английская буржуазная историография в силу своих фальсификаторских тенденций стремится обелить агрессивную империалистическую политику Англии во второй половине XIX века и одновременно преувеличить и раздуть цели внешней и колониальной политики России. Олаф Кэро пишет: «Объяснить все это можно тем обстоятельством, что если бы англичане ослабили сопротивление русскому продвижению в Азии в 1865—1886 гг., то Турция, Персия, Афганистан, возможно и Индия, тоже были бы сейчас частью Советской империи. Русские утвердились бы на Средиземном море и Персидском заливе и контролировали бы основные мировые источники энергии и теплые моря»³.

¹ Журнал «Сентрал эйшн ревью» № 2, 1958 г., стр. 226—228.

² Там же.

³ Там же.

Здесь все поставлено с ног на голову.

В XIX веке русское правительство и не помышляло о подобной операции. Об этом были хорошо осведомлены в Лондоне и Калькутте. Нельзя также забывать указания Ф. Энгельса о том, что «приближение к границам Индии соперничавшей с Англией державы могло активизировать освободительное движение народов»¹.

Следует также отметить, что «знаток» современной истории — Олаф Кэро — в своей рецензии допускает грубые антиисторические ошибки. Он не хочет замечать, что в результате Великой Октябрьской социалистической революции в России на территории бывшей царской империи образовалась не «советская империя», как указывает Кэро, а процветающие Союзные советские социалистические республики.

Народы нашей великой страны, строящие коммунистическое общество, с симпатией относятся к народам Афганистана, столь много страдавшим от английских агрессоров. Нет сомнений в том, что дружба народов Советского Союза и Афганистана будет продолжаться, расти и крепнуть. В этих условиях изучение героического прошлого народов зарубежного Востока, их самоотверженной борьбы против английских и иных колонизаторов представляет большой интерес и имеет важное научное и политическое значение.

* * *

Автор благодарит и принял сердечно все товарищеские замечания и пожелания, высказанные канд. ист. наук Г. Л. Бондаревским, докт. ист. наук Л. Х. Бабаходжаевым, докт. ист. наук М. Г. Пикулиным, докт. ист. наук А. В. Станишевским, докт. ист. наук Н. А. Халфиным.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 34.

ПРОИСКИ АНГЛИЙСКИХ КОЛОНИЗАТОРОВ НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ.

Вторая половина XIX века сопровождается необычайным расцветом английской промышленности. Начиная с 50-х и кончая 70-ми годами прошлого века, она достигла своего торжества на мировом рынке. Заводы и фабрики метрополии требовали все новых рынков сбыта и новых источников сырья. Великобритания в указанный период стремилась расширить свои рынки сбыта за счет новых колониальных захватов.

Захватив большую часть Индии и превратив ее в базу широкой экономической и военно-политической экспансии в Азии и Африке, английские империалисты устремились жадные взоры на богатейшие районы Среднего Востока и Средней Азии. Английских купцов и банкиров эти страны интересовали как объекты колониального грабежа и как удобный плацдарм на южных и юго-восточных рубежах России.

Англия особенно усиливает агрессивную политику на Среднем Востоке после подавления национально-освободительного восстания в Индии (1857—1859 гг.). Укрепив свои позиции и установив тесный контакт с индийскими феодалами, английские правящие круги вновь начали разрабатывать обширные завоевательные планы. Британские войска вторглись в Иран и Афганистан, их агенты вели подрывную деятельность в Бухаре, Хиве, Коканде и Синьцзяне.

Свою захватническую политику английские империалисты маскировали версней «о русской опасности», усиленно распространяя слухи о русских планах вторжения в Индию. Таким образом, английские колонизаторы, прикрывая свою грабительскую, колониальную политику,

призывали к «обороне Индии от французской и русской угрозы», а захватив северо-западную Индию, стремились к установлению преобладающего влияния в Афганистане, а затем проникновению в Иран и среднеазиатские ханства.

Однако в Средней Азии интересы английских монополий столкнулись с экономическими и политическими интересами русского царизма. Феодално-крепостническая Россия, связанная прочными экономическими узами с западноевропейскими государствами, главным образом с Англией, увеличила ежегодный оборот внешней торговли более чем вдвое.

Значительное место занимали торговые операции с Ираном и Средней Азией. Если в начале XIX века из России в Среднюю Азию ежегодно вывозилось товаров на сумму в 988 тыс. рублей, то к концу первой четверти XIX века эта сумма увеличилась до 4390 тыс. рублей. Одновременно и импорт товаров из Средней Азии в Россию возрос с 2071 до 5759 тыс. рублей¹. Царское правительство в целях оживления торговли со Средней Азией отказалось от ранее действовавших запретительных мероприятий: среднеазиатским купцам был разрешен въезд в глубь России и на русские ярмарки, — в первую очередь, на Нижегородскую. Так, уже в первой четверти XIX века Россия завоевала прочное положение на среднеазиатском рынке².

Английские капиталисты в поисках новых рынков сбыта стали уделять значительное внимание Ирану, Афганистану и среднеазиатским странам, сопредельным с Индией. Англия в 20-х годах XIX века считала необходимым открыть судоходство по реке Инду, чтобы облегчить доставку английских товаров в Среднюю Азию³, удешевить стоимость товаров, вытеснить со среднеазиатских рынков русских купцов и укрепить свое влияние на северо-западе Индии, Иране и Афганистане. С этой целью англо-индийское правительство направляло в Афганистан и среднеазиатские ханства своих разведчиков.

Между 1810 и 1833 годами в Афганистан под видом торговцев и путешественников, направляющихся за Амударью, были посланы: Мукрафт (погибший за Гиндуку-

¹ История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 215.

² Там же.

³ Там же.

шем), Стирлинг, И. Вольф, капитан Артур Конолли, Александр Бернс, Мессон, Фрезер и другие¹. Сообщение афганского историка Сеида Касема Риштия совпадает с другими данными о том, что в 1819—1825 годах Мукрафт через Северную Индию проник в Бухару.

В 1822—1830 годах Фрезер был направлен в Герат, а Артур Конолли побывал в Тегеране и Кандагаре. И. Вольф, будучи в Мешхеде, в 1829 году встретил Конолли и по пути в Мешхед, Герат, Кандагар шел непосредственно за своим «превосходным и благочестивым» другом². И. Вольф по заданию своего правительства побывал в Турции, Иране, Афганистане, Бухаре, Туркестане, Кашмире и Индустане³.

В 1831—1833 годах лейтенант Александр Бернс по поручению правительства Великобритании совершил путешествие из Индии в Кабул, Бухару и на север Ирана. После возвращения он написал трехтомный отчет о поездке под названием «Путешествие в Бухару»⁴. Содержание отчета проливает свет на всю деятельность Бернса и вскрывает задания, с которыми он был послан. В каждом томе дано не только географическое описание, но и государственное устройство и политическое положение стран, их экономический потенциал и военные силы.

Например, в 8 главе I тома А. Бернс писал: «Бухара служит центром обширной торговли... Ее положение в военном и политическом отношении весьма важно и выгодно. Она первенствует между окружающими ее узбекскими владениями, которые смотрят на нее как на свою столицу и хотя, однако, не добровольно, признают власть ее правителя»⁵.

Английский разведчик воспользовался простотой и добродушием бухарцев. «Узбеки, — пишет он, — простые в обращении и, хотя они не знали, кто я такой, но это не препятствовало им откровенно говорить с нами обо всем, начиная от политики их государей до состояния базаров. Простаки думают, что лазутчикам необходимо только вы-

¹ Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX веке. М., 1958, стр. 135.

² И. Вольф. Рассказ о миссии в Бухару в 1843—1845 гг. Лондон, 1846, стр. 9—28.

³ Там же.

⁴ А. Бернс. Путешествие в Бухару, М., 1848.

⁵ Там же, стр. 421

меривать их крепости и стены, и того не понимают как важны разговоры»¹.

Бернс собрал сведения о политическом состоянии и военных силах, а также о торгово-экономическом положении Бухарского эмирата. Он указывает, что «бухарские войска набираются из разных округов государства: в количестве 20 тысяч конницы и 400 пехоты при 41 орудии. Кроме того эльджары, или милиция, 50 тысяч, из которых 10 тысяч набирают в Балхе и в странах на юге Оксуса (Аму-Дарьи) и у туркмен. В войсках отсутствует дисциплина»² и т. д.

Английский разведчик интересовался также положением в Афганистане, вступил в контакт с правителем Пенджаба Ранджитом Сингхом под предлогом переговоров об открытии судоходства по р. Инд. На самом деле контакт был необходим для получения права на прокладку прямой дороги в Афганистан и Среднюю Азию.

В 1836—1838 годах английское правительство снова послало экспедицию во главе с А. Бернсом с задачей — исследовать течение реки Инд и найти удобный пункт для организации большой ярмарки по типу русской Нижегородской, перетянуть на нее всех азиатских купцов и, таким образом, подорвать значение Нижегородской ярмарки, роль которой, как «всероссийского торжища», англичанам была хорошо известна. Экспедиция наметила для ярмарки пункт Дера — Газихан³. Этим британское правительство стремилось расширить свои торговые связи с другими восточными странами и взять на себя главенствующую роль в торговле в ущерб интересам России.

Английская экспедиция затем отправилась в Кабул, откуда члены экспедиции майор Лич и лейтенант Вуд проследовали в Кундузское ханство и к истокам Оксуса (Аму-Дарьи)⁴.

В этой обстановке особое значение приобретали англо-афганские отношения. Англичане стремились превра-

тить афганское государство в зависимое от Англии, что, по их мнению, могло разрешить такие сложные проблемы, как распространение английского владычества на Среднем Востоке, «открытие» новых рынков сбыта.

В 1836 году Дост-Мухамед-хан после долгих лет междоусобной борьбы стал эмиром Афганистана и задался целью объединить разрозненные части государства, вернуть потерянные территории и восточные области Афганистана, которые были захвачены Р. Сингхом — правителем Пенджаба.

Эмир понимал, что он не располагает достаточными силами для ведения серьезной войны против державы сикхов. Однако стремление афганцев к объединению побудило эмира начать военные действия.

В феврале 1836 года афганские войска выступили из Кабула. Перед наступлением эмир отправил два письма: одно на имя английского представителя капитана Вайда и другое — на имя генерал-губернатора Индии. В письмах он напоминал о дружественных отношениях, существовавших между Афганистаном и Англией в эпоху Садозаев, и просил у англичан помощи в войне против сикхов для освобождения Пешавара¹.

23 августа 1836 года лорд Окленд, генерал-губернатор Индии, ответил афганскому эмиру, что «магараджу Ранджита Сингха Британия считает своим искренним другом, а потому желает, чтобы оба ее друга разрешили свой спор дружеским путем» и лицемерно заявил, что принципы британского правительства не позволяют ему вмешиваться в дела других государств. Получив такой ответ, эмир использовал испытанный метод — взаимное соперничество своих соседей и обратился за помощью к шаху Ирана и русскому царю. Эмир писал, что он считает себя другом русского царя. Далее он упомянул о своей борьбе с сикхами (пенджабцами), об английском покровительстве последним и одновременно указал, что если он потерпит поражение, то тем самым будет прекращена торговля с Бухарой².

Русское и иранское правительства в своих ответах выразили сочувствие Афганистану. Шах обещал двинуть

¹ А. Бернс. Путешествие в Бухару, М., 1848, стр. 421.

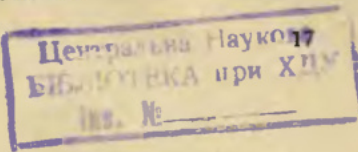
² Там же, стр. 422.

³ Е. Н. Куцева. Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX в. Исторический сборник, т. 3, Л., 1934, стр. 140—145.

⁴ Там же.

¹ Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX веке, М., 1958, стр. 137.

² Там же.

свои войска на Герат, русское правительство одобрило действия Ирана.

В свою очередь в том же 1837 году английская миссия Бернса прибыла в Кабул, ко двору эмира Дост-Мухаммед-хана. Афганцы встретили англичан с почетом: это была первая европейская миссия, официально принятая при Кабульском дворе. Сразу же после начала переговоров выявилась позиция английской делегации. Англия стремилась подчинить своему влиянию Герат — важный военно-стратегический пункт на стыке дорог в Среднюю Азию и Иран и приняла все меры к тому, чтобы не допустить перехода гератского княжества под власть иранского шаха. Англичане оказали военную и материальную помощь гератскому правителю и прикомандировали к нему офицера Поттингера, на которого была возложена обязанность возглавить оборону Герата. Бернсу, кроме задач, связанных с политической разведкой, было поручено помешать сближению правителей Кабула и Кандагара с Ираном и заключению ирано-афганского союза против правителя Герата Камран-мирзы¹. Поэтому английская миссия пыталась склонить эмира на сторону Англии и тем самым укрепить свое влияние в Кабуле и Герате².

В 1837 году тайный комитет Ост-Индской компании по указанию Пальмерстона направил Окленду специальное предписание, которым предлагалось принять решительные меры для обстоятельного изучения положения в Афганистане под предлогом противодействия «русскому влиянию».

В свою очередь эмир в качестве основного условия союза с англичанами потребовал помочь Афганистану вернуть Пешавар и ликвидировать угрозу со стороны сикхов. Но англичане не решались поддерживать Дост-Мухаммед-хана. Для осуществления далеко идущих планов на Среднем Востоке, англичанам необходимо было иметь в этих областях таких правителей, которые являлись слепым орудием в руках английских представителей.

Когда переговоры между Бернсом и эмиром еще продолжались, в декабре 1837 года в Кабул прибыл представитель русского царя поручик Виткевич.

¹ Современный Афганистан. М., 1960, стр. 241.

² Ост-Индская компания — монополия английская торговая компания — важнейшее орудие колониальной политики Англии в Индии.

Дост-Мухаммед-хан, не надеясь на английскую помощь, прервал переговоры с Бернсом и начал переговоры с Виткевичем. Эмир рассчитывал получить помощь России в борьбе против Ранджита Сингха, а также в обороне от возможного английского нападения на Афганистан.

Миссия Виткевича вначале увенчалась полным успехом. Дост-Мухаммед-хан и его брат, правитель Кандагара, Кокандил-хан получили гарантии России и заключили союзный договор с Ираном, направленный против Ост-Индской компании и ее союзника — правителя Пенджаба.

Однако вскоре под давлением английской дипломатии Россия отказалась от своих гарантий. Причина такой уступчивости русского правительства объяснялась тем, что на Ближнем Востоке царизм в ту пору сам нуждался в английской помощи.

Английское правительство использовало срыв переговоров с Бернсом как предлог для развязывания агрессии против Афганистана и начала первую англо-афганскую войну.

Для оправдания захватнической колониальной войны против Афганистана генерал-губернатор Индии 1 октября 1838 года опубликовал прокламацию, утверждавшую, что целью англичан является лишь восстановление на афганском престоле «законного монарха» и устранение от власти эмира, который своими связями с Россией и Ираном якобы создал «угрозу» безопасности Британской Индии¹.

Нельзя не отметить и того, что в период подготовки первой англо-афганской войны и последующей оккупации юго-восточной части Афганистана англичане вынашивали планы превращения афганской территории в плацдарм для дальнейшей агрессии против Ирана и Средней Азии. Для этого они поспешили привлечь на свою сторону Келатского правителя Мехраб-хана, по территории которого пролегали удобные пути на юг Афганистана — в Сейстан, Хорасан и далее в Среднюю Азию. Газета «Times of India» в то время писала: «Белуджистан должен послужить нам ближайшей базой для действия в Кандагаре, Сейстане, Хорасане и т. д.»². Таким образом, английские колонизаторы, реализуя захватнические пла-

¹ Современный Афганистан. М., 1960, стр. 243.

² Цит. по М. Г. Пикулин, Афганистан, Ташкент, 1956, стр. 34.

ны на Среднем Востоке, стремились поставить под свой контроль Афганистан и превратить его в плацдарм для наступления на Иран и среднеазиатские ханства.

Английская агрессия в Афганистане встретила сильнейший отпор со стороны его свободолюбивых народов. Первая англо-афганская война (1838—1842 гг.) окончилась полным изгнанием английских колонизаторов.

О бесславном конце английской армии в Афганистане Карл Маркс писал: «13 января 1842 года... часовые на стенах Джалалабада увидели человека в английском мундире, висевшем клочьями, верхом на заморенной лошади. И конь и всадник были жестоко изранены; это был доктор Брайден, единственный уцелевший из 15 000 человек, за три недели до того выступивших из Кабула. Он умирал с голоду»¹.

Неудача английской агрессии в Афганистане заставила англичан отсрочить активные действия против среднеазиатских ханств с тем, чтобы укрепить свои позиции в северо-западной части Индии. В течение 1842 и 1843 годов был подчинен Синд, в 1849 году колонизаторы стали хозяевами Пенджаба.

Покорение англичанами пограничных индийских княжеств грозило Афганистану новой агрессией, поэтому афганский эмир заключил союз с сикхами и предоставил в их распоряжение десяти тысячный отряд. Однако афганская помощь не предотвратила аннексии Пенджаба. Дост-Мухаммед-хан был вынужден отозвать свои войска из Пешавара и искать новых союзников. Царское правительство, к которому в 1850 году эмир обратился с предложением о союзе, не желая обострять отношения с Англией, не приняло его предложения².

Англичане продолжали интенсивные поиски новых рынков сбыта и источников сырья для своей промышленности. Такими рынками оказались Средний Восток и среднеазиатские ханства. Поэтому они стремились парализовать русскую торговлю в этих краях.

До 30-х годов XIX в. западноевропейские товары шли, главным образом, в Иран либо через Персидский залив, либо из Константинополя транзитом через Турцию. В на-

¹ К. Маркс. Хронологические выписки по истории Индии (1664—1858 гг.), Госполитиздат, М., 1947, стр. 141.

² Современный Афганистан. М., 1960, стр. 245.

чале 30-х годов открылся прямой путь между Англией и Ираном через черноморский порт Трапезунд и одновременно росла торговля с Константинополем. Торговля Трапезунда приобретала важное политическое значение благодаря тому, что он служил предметом столкновения между русскими и английскими интересами во внутренней Азии¹. По трапезундскому пути стали доставляться английские товары, и продукция русской промышленности не смогла выдержать английской конкуренции в Иране, что вынудило русское правительство уделить особое внимание среднеазиатскому рынку.

Если в 1829 году Россия отправила в Среднюю Азию товаров на 6323 тыс. рублей, то в 1840 году эта сумма увеличилась до 8211 тыс. рублей². В 1840 году в Среднюю Азию поступило 73 процента всех русских экспортных хлопчатобумажных изделий³.

Таким образом русская торговля ограничивалась теперь в основном Средней Азией. «Русская торговля раньше доходила на Востоке до границы английских владений, теперь ограничивается обороной крайних границ своей собственной таможенной области»⁴.

***

В середине XIX в. Средняя Азия стала объектом про-
исков Великобритании. Англия в этот период продол-
ет засылать в Среднюю Азию своих агентов, наводняет
среднеазиатские рынки своими товарами.

А. Бернс пишет: «Хотя продажа английских товаров не поощряется в России и затруднена огромными пошли-
нами, они все-таки достигают Бухары и продаются с вы-
годой. Английские ситцы продаются лучше, чем русские,
но в России вырабатываются такие сорта, которые шире
и ярче цветами, которые требуют в Бухаре и Афганиста-
не. Если бы наши купцы имели образцы таких ситцев, то
они могли бы захватить и эту отрасль торговли в свои
руки»⁵.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IX, стр. 382—383.

² М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правитель-
ства на Среднем Востоке. М., 1949, стр. 180—185.

³ Там же, стр. 185.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IX, стр. 383—384.

⁵ А. Бернс. Путешествие в Бухару. 1848, стр. 579.

Все возрастающая конкуренция английских товаров вызывала большую тревогу в русских правительственных и торговых кругах, которые боялись потерять среднеазиатский рынок.

13 июля 1848 года Оренбургский военный губернатор сообщил военному министру о жалобах, поступивших от русских купцов: «русские товары продавались в Бухаре за низкую цену, ибо туда навезено много английских товаров, привезенных через Машхед, поэтому прибыли русских торговцев очень незначительны»¹.

Из этих документов, подобно другим, видно, что англо-русское торговое соперничество на Среднем Востоке и в особенности в Средней Азии, усилилось после захвата английскими колонизаторами Синда и Пенджаба.

«Можно смело утверждать, что до афганской войны и до завоевания Синда и Пенджаба английская торговля с внутренней Азией равнялась нулю. Теперь дело обстоит иначе... Настоятельная необходимость непрерывного расширения торговли, это рок, преследующий современную Англию... эта неумолимая необходимость принуждает английскую торговлю наступать на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Индии и с Черного моря. И, хотя мы знаем очень мало про русский экспорт в эту часть света, мы все же из факта возрастания английского экспорта в эти области можем смело заключить, что русская торговля там, вероятно, заметно уменьшилась»².

Происки английских капиталистов в Средней Азии не ограничивались только сбытом товаров. Англия стремилась также склонить на свою сторону среднеазиатские ханства.

14 сентября 1838 года Оренбургский губернатор писал, что посланец Бухарского эмира сообщил об агентах английского правительства, предлагавших эмиру войти в дружественные сношения с Лондонским кабинетом, с правом иметь в Бухаре своего консула. Агенты обещали неисчислимые выгоды от этого сближения, каких будто бы Бухара не может ожидать от союза с Россией, тем более, что бухарцы все европейские товары получают через по-

¹ А. Г. Серебрянников. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, вып. 7, Ташкент, 1915, стр. 119.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IX, стр. 383—384.

средничество англичан из Герата¹. Эмир не принял предложения англичан.

Англия стремилась во что бы то ни стало взять под свое влияние хана Хивинского и, противопоставив Хиву России, укрепить свое влияние в ханстве. Один за другим английские политические агенты посещали Хиву. В среднеазиатские ханства направлялись турецкие посольства с задачей склонить местных правителей к союзу с турецким султаном, за спиной которого действовали британские экспансионисты.

В 1839 году Россия отправила в Хиву экспедицию под руководством В. А. Перовского². Английское правительство немедленно послало в Хиву капитана Аббота, которому было поручено держать личную связь с ханом, всеми мерами противодействовать экспедиции Перовского, заключить с ханом союз и помочь Хивинскому хану в его борьбе против России. Министр иностранных дел Англии Пальмерстон уведомил хана, что его правительство готово вступить за Хиву, и заверил, что завоевание ханских владений русскими послужит поводом для объявления Англией войны против России³. Узнав о пребывании в Хиве капитана Аббота, русское правительство потребовало от англичан немедленно отозвать своего агента, расценивая его пребывание в Хиве как вмешательство во внутренние дела Хивинского ханства.

Английское правительство ответило, что «Абботу отнюдь не было поручено противодействовать русской экспедиции. Капитану Абботу было поручено только склонить Хивинского хана на скорейшее выполнение требований русского правительства относительно выдачи русских пленных, находящихся в Хиве, и воспрепятствовать хивинцам грабить русские караваны»⁴.

Это заявление опровергается английским агентом И. Вольфом, который был в Средней Азии в 1843—1845 годах. Он пишет: «Аббот посоветовал Хивинскому хану, наоборот, не отдавать русских пленных до тех пор, пока не будет заключено перемирие с русским императором...

¹ А. Г. Серебрянников. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, вып. 7, Ташкент, 1915, стр. 137.

² В. А. Перовский — Оренбургский военный губернатор.

³ М. Венюков. Россия и Восток. СПб, 1877, стр. 196.

⁴ ЦГИА УзССР, ф. 105, оп. 1, д. 2, док. 106.

Хан Хивинский был очень обеспокоен заключать союз с Англией»¹.

Эти факты — наглядное свидетельство стремления Англии разжечь конфликт между Хивой и Россией. В этом стремлении английское правительство не брезговало никакими методами: от агентурной деятельности среди местного населения, вербовки, подкупа и шантажа, провокаций.

Таким образом, «в Средней Азии сталкивались два встречных потока экспансии. И Россия, и Англия вели наступательную политику и при этом обе опасались друг друга»².

Царская Россия в первой половине XIX в., укрепляя пограничные посты в Казахстане, начала готовиться к наступлению в глубь среднеазиатских ханств. В 1839 году В. А. Перовский разработал проект похода против Хивинского ханства. Этот план встретил полную поддержку Николая I. По мнению царя, поход должен был «восстановить и утвердить значение России в Средней Азии, ослабленное ненаказанностью хивинцев, в особенности тем постоянством, с которым английское правительство стремится к распространению своего влияния в тех краях»³. Однако поход Перовского на Хиву был плохо подготовлен и позорно провалился. Через два с половиной месяца Перовский был вынужден вернуть свою экспедицию назад, потеряв много людского состава.

Английские происки не ограничились Хивой. В 1842 году были направлены: в Бухару — полковник Стоддарт и в Коканд — капитан Конолли.

В Коканде капитан Конолли вначале был принят хорошо, но скоро возбудил подозрение у кокандских властей и был арестован. После освобождения он отправился в Бухару.

Вот как рассказывает об этом И. Вольф: «Полковник Стоддарт направился от правительства (Англии — Ф. Ю.) в Бухару, капитан Конолли был послан от индийского правительства в Хиву и Коканд, в дальнейшем ему

было предписано помочь и пособить полковнику Стоддарту в Бухаре и приказано это сделать, т. к. полковник имеет на это право по своему политическому заданию»¹.

Будучи в Бухаре, эти английские агенты занимались вербовкой высокопоставленных эмирских чиновников и с их помощью хотели склонить эмира на сторону Англии и восстановить его против России. Они собирали агентурные данные политического и военного характера, сеяли рознь между Бухарским эмиратом и другими ханствами. Когда эмиру стало известно об агентурной деятельности Стоддarta и Конолли, они были брошены в подземную темницу (зиндан) и впоследствии казнены.

Мотивы казни почти всеми буржуазными источниками освещаются неправильно и тенденциозно. Некоторые авторы исследований считают, что причиной казни английских агентов было «нарушение придворного этикета», хотя совершенно ясно, что они были казнены как английские шпионы и враги Бухары.

Иосиф Вольф, побывавший в Бухаре в 1844—1845 годах якобы для выяснения судьбы полковника Стоддarta и капитана Конолли, писал, что наиб эмира Бухарского, офицер Самут-хан рассказал Вольфу, «Стоддарт обещал просить разрешения английского правительства, чтобы его признали аккредитованным представителем Великобритании при дворе эмира Бухарского, который (эмир — Ф. Ю.) должен быть признан (Англией — Ф. Ю.) владыкой Туркестана. И он заявил, что ответ должен прийти от правительства Англии... Но прошло 14 месяцев, а ответа не было. В это время капитан Конолли приехал в Ургенч, затем в Коканд, возбуждая эти страны против Бухары. Он явился в Бухару, как английский агент, не имея никаких писем от британского правительства. Кроме того, он тайным образом сносился с представителями Англии. Все это не понравилось эмиру и он приказал их казнить»².

И далее: «эмир, возмущаясь, говорил: они шпионы и как шпионы должны умереть»³.

Эмир сурово наказал и других английских агентов, в том числе и некоторых приближенных. Так, например,

¹ J. Wolff. Narrative of a mission to Bokhara in the years 1843—1845 to Ascertain the Fate of Colonel Stoddart and Captain Conolly. New York, 1845, p. 341—345.

² История дипломатии, т. 2. 1945, стр. 26.

³ А. Г. Серебрянников. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, вып. 7, Ташкент, 1915, стр. 137.

¹ J. Wolff, op. cit., p. 51—86.

² Там же, p. 238—257.

³ Там же.

был казнен визирь Хаким-бек, пытавшийся склонить эмира к заключению союза с Англией.

12 июня 1842 года Оренбургский военный губернатор сообщил царскому наместнику графу Воронцову-Дашкову следующее: «В Хиве носились слухи, будто прибыли в Бухару два английских миссионера для установления достоверности: точно ли убиты Стодарт и Конолли или содержатся под стражей? Если же действительно они убиты, то англичане намерены объявить войну Бухарскому эмиру, употребив для чего кабульские войска и все издержки по войне приняты будут английским правительством»¹.

Беспокойство англичан понятно. Казнь английских шпионов совершенно правильно была расценена как провал английских происков в среднеазиатских ханствах.

Чтобы поправить свои дела, англичане организовали специальный комитет имени Стодарта и Конолли и под вывеской этого комитета, якобы для выяснения их судьбы, английская разведка посылает в Бухару с особым поручением матерого разведчика Иосифа Вольфа, как миссионера-путешественника. Вольф не скрывает целей своего «путешествия»: «Мое священное звание ученого, я не сомневаюсь, вызовет почтение так же, как внушит ко мне доброе расположение благотворительный характер путешествия. Мое знание языков даст возможность иметь секретные отношения с различными партиями»².

3 ноября 1844 года Вольф приехал в Константинополь и был принят английским посланником Статтфордом Кенингом, с которым имел конфиденциальную беседу. Кенинг вручил Вольфу ряд нужных ему для поездки в Бухару документов. Это были обычные фирманы для путешественника в Бухару, Коканд и Хиву, многочисленные письма турецкого султана к эмиру Бухарскому и к ханам Коканда и Хивы, письма к известным духовным лицам и т. д.

Как видно, такая тщательная подготовка позволяет сделать вывод, что английская разведка возлагала боль-

шие надежды на миссию Вольфа. Обратимся снова к запискам Вольфа и посмотрим, как он оправдал надежды своих хозяев.

В Бухаре Вольф, используя поддержку турецкого султана то под видом путешественника, то миссионера, то ученого, развернул через своих агентов разведывательную деятельность и в других среднеазиатских ханствах и бекствах.

Во время пребывания в Бухаре ему удалось разведать внутривосточное состояние и военно-стратегическое положение страны. Он вербовал агентов не только среди низов, но и среди правящей феодальной верхушки Бухары. С их помощью Вольф сносился с внешним миром и вел подрывную работу против эмира внутри ханства.

Вольф рассказывает, что когда эмир бухарский подготавливался к войне с Кокандом, ему удалось направить своих агентов к правителю Коканда и сообщить о намерениях эмира.

Вольф держал постоянную связь с полковником Шейлом — английским посланником в Тегеране и снабжал его необходимыми сведениями. «Я послал своего человека в Шахрисябз сообщить его правителю о намерениях эмира внезапно напасть на бекство, которое до сих пор не было подчинено власти эмира Бухарского. Хотя эмирская армия все великолепные кавалеристы, они не смогли подвезти туда артиллерию. И когда эмир подъехал к Шахрисябзу, страна была наполнена войсками бека, и эмир был вынужден двинуть свою армию в другое направление, к Самарканду»¹.

Неудачи в войне с Кокандом и Шахрисябзом возбуждали подозрения эмира, и он приказал усилить наблюдение за Вольфом. Вскоре эмирские власти вынуждены были изолировать англичанина.

В июле 1844 года он писал: «уже 2 месяца, как я нахожусь в большой опасности и не могу выйти из дому без сопровождения 3-х человек для охраны»².

Несмотря на это Вольф сумел узнать: «у наиба эмира имеется журнал, где между другими записями находилось описание крепостей от Коканда до Бухары. Но

¹ А. Г. Серебрянников. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, вып. 5, Ташкент, 1915, стр. 17.

² J. Wolff, op. cit., p. 72.

¹ J. Wolff, op. cit., p. 291—300.

² Там же. p. 330—340.

наиб его не дал мне посмотреть»¹. Он развил лихорадочную деятельность, чтобы противопоставить Бухару — России и Бухару — Персии.

«Я писал всем монархам Европы о том, что в Бухаре находится 20000 рабов и каторжан Персии и необходимо их выкупить»².

Конечно, не заботой о несчастных пленниках руководствовался английский агент. Ему нужно было разжечь вражду между Персией и Бухарой, привлечь внимание мировой общественности к бухарскому вопросу и тем самым оправдать действия английских колонизаторов в этих странах, что дало бы возможность английским политикам вмешиваться во внутренние дела Бухарского эмирата.

Англо-индийское правительство, хорошо информированное о деятельности Вольфа и об опасности, угрожающей его агенту, боялось очередного разоблачения агентурой деятельности Англии в Бухаре и в Средней Азии.

Губернатор Индии направил Бухарскому эмиру письма, содержащие угрозы и требования обеспечить безопасность английскому миссионеру Вольфу и отправить его обратно в сохранности. По требованию английского представителя в Тегеране, полковника Шейла, эмиру было доставлено письмо персидского шаха.

В письме было указано, что «существует большая дружба между Англией и Персией, и если не будет прислан обратно Иосиф Вольф с Аббас-Кули-ханом (посланник Персии — Ф. Ю.), то я буду разъярен на вас»³.

Угрозы английского правительства и особенно письмо персидского шаха заставили эмира изменить свое решение в отношении Вольфа, хотя его ждала судьба Стоддарта и Конолли. Эмир после встречи с посланником шаха Аббас-Кули-ханом сказал: «Я делаю вам подарок — Иосифа Вольфа, он может идти с Вами»⁴. Таким образом английскому разведчику удалось избежать казни.

Когда Вольф возвратился в Тегеран, полковник Шейл сообщил, что ему преподнесены от английского правительства часы.

¹ J. Wolff, op. cit, p. 330—340.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

После возвращения в Лондон, Вольф написал книгу — отчет о путешествии в Бухару, в которой опубликовал не только данные о военно-политическом и экономико-торговом положении в ханствах Средней Азии, но и не без участия английского разведывательного управления составил план английского вторжения в Среднюю Азию, в первую очередь, в пределы Бухарского эмирата.

По плану Вольфа Англия должна была вторгнуться на территорию Средней Азии, используя войска персидского шаха.

«...тогда случаев убийства английских офицеров больше не будет повторяться как в Бухаре, так и в других соседних странах. И европейские путешественники смогут приходить и производить свои изыскания с большей легкостью в этих интересных странах... Тогда свет христианства будет распространяться над Бухарой, Кокандом и Хивой... Если же Англия не отомстит за это ужасное убийство, наша страна потеряет свое моральное влияние, которым она владеет во всех странах, включая Хиву и Коканд и даже там, где такого преступления не было, могут последовать примеру эмира Бухарского, так как он мог сделать с такой безнаказанностью и Англия будет презираема даже в Персии»¹.

Вольф рекомендует следующий план действий англо-персидских войск в Средней Азии.

Из Синда английские войска должны следовать через Кандагар, Маймане к Бухаре, где по пути много селений, достаточно воды и провизии. Однако Вольф боится возмещения афганских властей и сопротивления афганского народа, который совсем недавно изгнал непрошенных гостей — английских агрессоров.

Вольф рекомендует: чтобы кандагарские власти не чинили препятствий в пути, необходимо передать им узбекское ханство Андхой (на левобережье Аму-Дарьи — Ф. Ю.), которое платит дань эмиру Бухары. Эмир Кабула должен послать свою армию в Хульм и Балх, в то время как английская армия должна пойти от Андхоя к Керки, где должна перейти Оксус (Аму-Дарью). Для этого нужно иметь большое количество строевого леса с собой, чтобы сделать плавучий мост. При небольшом количестве выстрелов артиллерии, английские войска заставят бе-

¹ J. Wolff, op. cit, p. 341—355.

жать все войска узбеков. После разгрома вооруженных сил Бухарского эмирата в Средней Азии, надо объявить сына эмира наследником престола, и когда будет заключен мир, должны быть освобождены персидские рабы, что сделает популярной английскую нацию в Персии, Коканде, Ташкенте и Яркенде¹.

Выполнение плана Вольфа привело бы к тому, что Англия с помощью Персии сперва разбила бы самое сильное ханство в Средней Азии — Бухарский эмират, и, расчленив его между Персией и Афганистаном, посадила бы на престол удобного ей правителя, затем одно за другим подчинила бы остальные территории Средней Азии.

Мы привели факты, опубликованные в английском источнике. Они проливают свет на агрессивную политику Англии, направленную против Средней Азии. Эти факты нельзя отрицать, как ни стараются это сделать английские историки.

Английское правительство в интересах своей колониальной политики действовало методом шантажа и интриг, использовало противоречия между государствами. Разжигая вражду ханствами Средней Азии, постоянно противопоставляло Персию Бухаре и Афганистану, с помощью турецкого султана, пыталось образовать военный союз среднеазиатских ханств против России; во время Крымской войны (1853—1856 гг.), действуя совместно с Турцией, посылало в среднеазиатские ханства, в Афганистан и Персию своих агентов с целью поднять ханства против России.

В этот период из Коканда в Петербург поступили тревожные вести о том, что кокандский хан обратился к турецкому султану с просьбой об оказании ему помощи в борьбе против России и о появлении в Бухаре агентов турецкого султана. Вернувшийся из Стамбула хивинский посланник привез от турецкого султана письмо, в котором султан советовал хану прекратить войну с Мервом и объединиться с Кокандом и Бухарой для выступления единым фронтом против России².

Русским дипломатам было хорошо известно, что Турция выступает по указке Англии. Агенты Османской им-

перии по английскому заданию старались под лозунгом «священной войны» вовлечь в борьбу против России возможно больше стран¹.

Англо-турецкие происки в Средней Азии касались не только России, но и Персии, что вынудило персов обратиться к русскому правительству с предложением о совместном выступлении против Турции. Однако дипломатическое вмешательство Англии и ее угрозы по адресу Персии помешали совместному выступлению русских и персов против Турции. В результате в 1854 году Персия была вынуждена объявить о своем нейтралитете в русско-турецкой войне, и в том же году под нажимом Англии было подписано соглашение между Англией и Персией о невмешательстве Персии в Гератские дела. По условиям соглашения Персии запрещалось чеканить монету для Герата, содержать там дипломатического агента и посылать вооруженные силы в помощь Герату. Однако это соглашение отнюдь не означало, что Англия отказывалась от своей агрессивной политики в отношении Персии.

23 января 1855 года русский пристав при «Киргизах Большой Орды» сообщал командиру Сибирского корпуса Гасфорду, что «в конце 1854 г. к Бухарскому эмиру приехал английский представитель. Он потребовал пропуска британских войск из Афганистана через Бухару на север, к русской границе. Эмир сначала отверг их требование, но тогда английский посланник показал ему фирман турецкого султана»².

Однако Англия и Турция не смогли развернуть антирусской деятельности в среднеазиатских ханствах. Им не удалось организовать открытого выступления Бухары, Хивы и Коканда против России. Предложение о сближении с Англией было встречено здесь даже враждебно. Среди среднеазиатских ханств самое крупное и влиятельное — Бухарское — было заинтересовано в развитии уже установившихся экономических связей с Россией, которые приносили выгоду обоим странам.

Кроме того, у правителя Бухары вызывала глубокое беспокойство двойственная политика британских правя-

¹ J. Wolff, op. cit., p. 341—355.

² А. Л. Попов. Из истории завоевания Средней Азии. Исторические записки, № 9, М.-Л., 1940, стр. 201.

¹ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., т. I, изд. 3, М., 1955.

² ЦГНА УзССР, ф. 715, д. 16, док. 15.

щих кругов, заигрывавших с ханом и в то же время под- держивавших наступление афганских феодалов на бек- ства, левобережья Аму-Дарьи, населенные узбеками и таджиками и входившие ранее в состав эмирата. Дело дошло до того, что бухарское правительство в дальней- шем было вынуждено обратиться к Российской империи с ходатайством о помощи в борьбе против английских домогательств¹.

Позиция Бухарского ханства и его нежелание сбли- зиться с англичанами серьезно влияли на общественное мнение в Средней Азии и сыграли решающую роль в про- вале попыток Англии и Турции сколотить блок против русских. Афганский эмир Дост-Мухаммед-хан был занят объединением страны и был заинтересован в мире.

Английские колонизаторы в этот период вновь сдела- ли попытку превратить Афганистан в плацдарм для аг- рессии против Персии. Они ловко использовали стрем- ление эмира Дост-Мухаммед-хана присоединить Канда- гар к своим владениям и поспешили решить вопрос о Белуджистане.

Поэтому еще до получения запроса эмира о согласии на присоединение Кандагара к Кабульскому княжеству они под угрозой оружия принудили хана Келата при- знать над собой власть Англии. В то же время Дост-Му- хаммед-хан послал принца Гулям-Хайдар-хана в Пеша- вар с поручением узнать позицию Англии по вопросу присоединения Кандагара к его владениям.

Англия согласилась удовлетворить просьбу эмира, но в обмен предложила заключить договор, на что Дост- Мухаммед-хан дал согласие.

Вскоре, 30 марта 1855 года в Джамруде между Анг- лией и Афганистаном был заключен договор, состоящий из трех статей:

1. Дружба и постоянный мир между обеими сторо- нами.
2. Уважение существующих границ Афганистана ан- глийскими властями и уважение существующих владений Англии афганским эмиром.
3. Признание эмиром друзей Англии своими друзья- ми, а ее врагов своими врагами.

¹ Н. А. Халфин. Политика России в Средней Азии. М., 1960, стр. 52.

Договор означал, как пишет афганский историк С. К. Риштия, что эмир не имел отныне права претендовать на захваченные англичанами области Афганистана, он лик- видировал политическую независимость Афганистана и был направлен против России и Ирана¹.

Статс-секретарь Великобритании по ост-индским де- лам герцог Аргайль с присущим колонизатору цинизмом дал такую оценку договору 1855 года: «Это был трактат, заставлявший афганского эмира вступать в неприязнен- ные отношения со всеми, кому мы объявляли войну, но не возлагавший на нас ничего подобного такому же обя- зательству. Со стороны Дост-Мухаммеда это был, в пол- ном смысле слова, наступательный и оборонительный союз, но с нашей стороны он не имел этого значения. Он клонился, следовательно, исключительно в нашу пользу»².

Известие о подписании договора встревожило пер- сидское правительство, которое понимало, что это согла- шение означало превращение Герата в главный опорный пункт агрессии против Персии. Шах, надеясь на помощь России, решил повторить попытку своего предшествен- ника и, нарушив принятые обязательства, начал воен- ные действия против Герата.

Дост-Мухаммед-хан обратился за помощью к англи- чанам и получил от них субсидию и вооружение для ве- дения войны с Персией.

Этим англичане не ограничились и под предлогом за- щиты афганских интересов в декабре 1856 года начали войну и вскоре заставили Персию капитулировать.

В начале марта 1857 года был подписан мирный до- говор, по которому персидское правительство обязыва- лось вывести свои войска из Герата и отказывалось от всяких притязаний на него.

* * *

Вместе с тем англичане, стремясь отвлечь внимание кабульского эмира от захваченных ими восточных аф- ганских областей Пешавар и др. «поощряли завоеватель- ные походы Дост-Мухаммед-хана за Гиндукуш, где до

¹ Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX в., М., 1958, стр. 244.

² Внешняя политика Англии и Среднеазиатский вопрос «Вест- ник Европы» 1875 г., стр. 262.

середины XIX в. существовал ряд полунезависимых узбекских княжеств», снабжая для этой цели его оружием и деньгами, они намеревались «руками афганцев захватить узбекские и таджикские земли левобережья Аму-Дарьи, облегчив тем самым себе выход к границам владений эмира бухарского, для последующей экспансии в Среднюю Азию»¹.

При этом британские колонизаторы учитывали и то обстоятельство, что афганских феодалов с давних времен соблазнял богатый край левобережья Аму-Дарьи, его плодородные земли, чудесные фруктовые сады, обещающие большие доходы. Особое внимание афганских феодалов и богатых кочевников привлекали великолепные пастбища Бадхиза и Балха, на которых ежегодно паслось около 200 тысяч голов скота афганских кочевников-скотоводов.

В 1856 году Дост-Мухаммед распространил свою власть на бекство Хульм, в следующем году на Андхой. Великобритания с целью отвлечь внимание афганцев от попыток восстановления своей власти в Пешаварской области² решила укрепить Герат за Дост-Мухаммед-ханом, но не считала разумным посылать туда войска в то время, когда восстание в Индии достигло наивысшей точки, и каждую минуту можно было ожидать, что английскому владычеству в Индии придет конец. Кроме того, англичане в это время опасались и самого эмира Дост-Мухаммеда³. Поэтому английские колонизаторы стремились заручиться на данном этапе дружбой Афганистана против Ирана, не оставившего попыток вернуть себе Герат и овладеть ханствами левобережья Аму-Дарьи. Тем более, что обстановка в то время была очень благоприятной для афганского выступления. Эмир Бухарский был занят династическими распрями и войной против Коканда, не имел возможности оказать действительную военную помощь ханствам.

Сравнительно легкие военные в ханствах левобережья Аму-Дарьи успехи вскружили головы афганской правящей верхушке.

¹ М. Г. Пикулин. Афганистан, Ташкент, 1956, стр. 36.

² УГИЛ УзССР, фонд канцелярии Туркестанского генерал-губернатора оп. 3, д. 151, л. 63.

³ Сеид Касем Ризия. Афганистан в XIX веке. М., 1958, стр. 253.

27 декабря 1859 года военный губернатор Оренбурга сообщил в Петербург военному министру о том, что Кабульский эмир Дост-Мухаммед-хан в конце августа этого года прислал в Бухару миссию. Она потребовала от эмира Бухарского уступить Шахрисябз прежнему владельцу, а Ура-Тюбе — Кокандскому хану. Крепости Керки и Чарджуй, лежащие на Аму-Дарье, отдать афганцам потому, что эти пункты им якобы необходимы для концентрации военных сил и создания военных и продовольственных припасов для готовящейся войны с Россией¹.

Однако, несмотря на такое угрожающее положение, эмир Бухарский отверг требования афганской миссии и начал энергично готовиться к оборонительной войне.

19 марта 1860 года Оренбургский губернатор сообщал военному министру о том, что эмир Бухарский сконцентрировал на южных границах ханства 24-тысячную армию².

Продвижение бухарских войск встревожило афганскую правящую верхушку. Правитель Балха Афзал-хан, опасаясь, что с появлением бухарской армии могут вновь вспыхнуть восстания в Катагане и в Бадахшане, отдал приказ своему сыну Абдурахман-хану вернуться в Балх.

Однако в первом же бою бухарские войска были разбиты. Кокандский хан, воспользовавшись отсутствием эмира в Бухаре, предпринял поход с целью овладеть Ура-Тюбе.

29 марта 1860 года губернатор Оренбурга сообщал военному министру: «защитники крепости Ура-Тюбе отразили натиск противника артиллерийским огнем и кокандцы были вынуждены вернуться ни с чем». Несмотря на это, эмир, не надеясь на прочность своего тыла, из-за внутренней династической борьбы был вынужден прекратить военные действия против афганцев и вернуться в Бухару. Предложение Бухары о выступлении против афганцев совместно с Россией не встретило поддержки в Петербурге.

В то же время русский царизм также стремился закрепить в ханствах Средней Азии, от чего во многом за-

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, д. 22, док. 305.

² ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, д. 23, Донесение Оренбургского губернатора военному министру (март 1860 г.)

висела его внешняя политика на Ближнем и Среднем Востоке.

В. И. Ленин, характеризуя соперничество между английскими империалистами и русским самодержавием, писал: «...Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому, что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов»¹. Британские правящие круги после Крымской войны добивались не только контроля над Черноморским бассейном, но и стремились вытеснить Россию с Кавказа, преградить ей путь в Среднюю Азию, продвинуть английскую торговлю и английские стратегические базы к берегам Каспия.

Русское правительство, занятое борьбой на Кавказе, в первое время не могло проводить открытую колониальную политику в среднеазиатских ханствах. Поэтому оно лишь стремилось не допустить враждебных действий Бухары, Хивы и Коканда против России и устранить отдельные соглашения с бухарскими и хивинскими ханами возможность их объединения.

С точки зрения правящих кругов России, экспансия в Средней Азии и развитие экономических связей с другими странами Востока, давали им возможность восстановить свой военно-политический престиж и создать предпосылки для нажима на основного соперника — Англию, так как после Крымской войны Англия не изменила активной антирусской деятельности, враждебные происки против России продолжались и на Кавказе, и в Персии, и в Турции².

К. Маркс, анализируя результаты Крымской войны, писал: «Для Всероссийской империи путь в Европу ныне закрыт... но если закрыт путь Северо-Западный, то остается Южный, и Юго-Восточный: Бухара, Персия, Афганистан, Ост-Индия, наконец, Константинополь»³.

Поэтому царское правительство стремилось к завоеванию и освоению новых рынков для развивавшейся капиталистической промышленности. Эти рынки она стремилась найти в Средней Азии и соседних с нею странах.

«Возраставшее проникновение английских товаров на рынки Средней Азии наряду с дипломатическими интри-

гами Англии в этой области, оказывавшей энергичную военно-политическую поддержку распространению власти Дост-Мухаммед-хана в бассейне Аму-Дарьи, явились факторами, ускорившими активизацию политики царского правительства в этом районе»¹.

Русский царь Александр II вызвал в Петербург военного атташе в Лондоне полковника Игнатьева. Игнатьев, докладывая царю, убеждал его в необходимости активизировать русскую политику в Средней Азии, а при возможности и в Афганистане, с целью противодействовать английским проискам в этих странах.

Игнатьеву было поручено разработать проект отправки специальной экспедиции в Хиву и Бухару. В составленном им проекте Игнатьев указал, что по политическим, экономическим и военным соображениям Россия должна стать твердой ногой на Аму-Дарье. Если это не удастся, то необходимо договориться с Хивинским ханом и эмиром Бухарским о предоставлении русским судам, права беспрепятственного плавания по Аму-Дарье². Царское правительство одобрило проект Игнатьева и решило отправить две экспедиции: одну во главе с Ханьковым — через Персию в Герат и далее в Афганистан и другую — во главе с Игнатьевым по Аму-Дарье в Хиву и Бухару³. Основной целью экспедиции Игнатьева являлось подробное ознакомление с действительностью английского влияния в ханствах и принятие мер к предотвращению деятельности англичан, а с ханствами — установление прочных дипломатических связей.

Одной из задач миссии было изучение Аму-Дарьи в стратегическом и торгово-экономическом отношении, а также составление точной топографической карты реки с прилегающими районами и дорогами.

Русское правительство намеревалось противостоять английским стремлениям использовать Аму-Дарью в своих интересах.

15 мая 1858 года миссия Игнатьева выехала из Оренбурга в Хиву и 19 июля прибыла к берегам Аму-Дарьи, около Кунграда, после чего продолжала путь к столице

¹ Н. А. Халфин. Политика России в Средней Азии, М., 1960, стр. 85.

² Н. Игнатьев. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. СПб., 1897, стр. 4.

³ Там же.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 116.

² История дипломатии, т. I, 1941, стр. 472.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 172.

Хивинского ханства. Приезд в Хиву миссии Игнатьева встревожил правящую верхушку ханства, опасавшуюся вмешательства русских в междоусобную борьбу. В такой обстановке переговоры не дали ожидаемого результата.

Саид-Мухаммед-хан не принял русские предложения о разрешении свободного плавания русским судам по Аму-Дарье и выступил с контрпредложением, заявив, что он не может допустить опасного для Хивы плавания русских судов по Аму-Дарье, пока не будет твердо установлена пограничная линия между Россией и Хивой по реке Эмбе и Сыр-Дарье, пока Усть-Урт, киргизские и туркменские кочевья до самых границ Персии не будут признаны хивинскими владениями¹.

Игнатьев, конечно, не мог согласиться с требованиями хана и был вынужден прервать переговоры в сентябре 1858 г. Миссия продолжала путь в Бухару.

После неудачи в Хиве, Игнатьев писал директору Азиатского департамента и в Министерство иностранных дел, что если Россия хочет, чтобы ее суда плавали по Аму-Дарье, русским придется рано или поздно завладеть устьем реки и построить там укрепления для обеспечения пропуска своих судов².

В Бухаре миссия Игнатьева имела значительный успех. Эмир Бухарский в это время находился во враждебных отношениях с Кокандским ханством. Поэтому в поисках путей сближения с Россией он принял почти все предложения русского правительства: о свободном плавании русских судов по Аму-Дарье, об установлении минимальной (5%) пошлины на импортируемые товары, о возможности для русских купцов вести беспрепятственную торговлю на всей территории ханства и т. д.

Русская миссия со своей стороны хотя не имела полномочий обещала эмиру помощь в борьбе против Коканда и Хивы. Эмир стремился в союзе с Россией выступить против Хивинского ханства и после победы разделить его территорию между Россией и Бухарой³, хотя Игнатьев и не был сторонником этого мнения.

¹ Н. Игнатьев. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г., СПб, 1897, стр. 174.

² Там же, стр. 151.

³ А. Л. Попов. Из истории завоевания Средней Азии. «Исторические записки» № 9, 1940, стр. 203.

Русское правительство начало активизацию завоевательной политики в Средней Азии. Еще 6 июля 1858 года оренбургский губернатор Катенин писал в Петербург: «оставаться и дальше в таком положении мы не можем, надо решительно действовать. Заняться Туркестаном и Ташкентом, есть такая необходимость, от которой зависит как утверждение нашего влияния, так и самое существование Сыр-Дарьинской линии...» и настаивал на завоевании одной из кокандских крепостей — Джулека¹.

Стремления царизма к захвату новых колоний в середине XIX века диктовались усилением в России процесса капиталистического развития... «Процесс образования рынка для капитализма,— пишет В. И. Ленин,— представляет две стороны, именно: развитие капитализма вглубь, то есть дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории,— и развитие капитализма вширь, то есть распространение сферы господства капитализма на новые территории»².

Царизм и помещичья верхушка России с целью превращения их в новые рынки сбыта и источник сырья для промышленности метрополии стремились к захвату новых территорий.

«Разрешение свойственных капитализму и порождаемых им противоречий временно отсрочивается вследствие того, что капитализм легко может развиваться вширь... но возможность искать и находить рынок в колониюемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение»³.

Поскольку захват колоний мог ослабить остроту противоречий между новыми капиталистическими явлениями в хозяйственной жизни страны и крепостническими пережитками, русский царизм в этот период держит курс на активизацию колониальной политики в Средней Азии.

Экспансия России в Средней Азии была следствием хорошо известных нам социально-экономических и внешне-политических причин. Это, во-первых, потребность в

¹ А. Л. Попов. Из истории завоевания Средней Азии. «Исторические записки» № 9, 1940, стр. 204—205.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 459.

³ Е. Л. Штейнберг. История британской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951, стр. 110.

среднеазиатских рынках и сырье быстро развивающейся после отмены крепостного права в 1861 году русской капиталистической промышленности; во-вторых, стремление установить русский контроль над ханствами и племенами Средней Азии, которые находились значительно ближе к Каспийскому морю, Южному Уралу и нижнему Поволжью, нежели к британским владениям в Индии и имели чрезвычайно важное значение для торговли России и для обороны ее жизненных центров; это, наконец, дипломатические соображения, то есть попытки добиться уступок со стороны Англии на главном для России направлении — ближневосточном¹. Поэтому не случайно царское правительство твердо решило закрепить за русской промышленностью среднеазиатские рынки.

С другой стороны, Россия стремилась установить торгово-дипломатические отношения с Кашгаром. Губернатор Оренбурга Катенин разработал проект об установлении торгово-дипломатических отношений с Кашгаром. Безусловно, такое мероприятие усилило бы влияние России не только в Кашгаре, но и во всех ханствах Средней Азии.

Активизация политики русского царизма в Средней Азии объяснялась и тем, что царскому правительству были хорошо известны стремления Великобритании в отношении не только Среднего Востока, но и Средней Азии. В марте 1858 года оренбургский военный губернатор сообщал: «Английский парламент решил создать особый комитет для изыскания средств к расширению торговых связей со Средней Азией. А в 1859 году англичане через афганских купцов попытались закупать шелк и опиум из среднеазиатских рынков на значительную сумму, которую оплачивали наличными деньгами». Тревожные вести вынудили Россию принять необходимые меры к закреплению здесь своего влияния и пресечению происков Англии в среднеазиатских ханствах.

* * *

После реформы 1861 года экономика России стала развиваться более быстрыми темпами.

¹ Е. Л. Штейнберг. История британской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951, стр. 110.

Особенно бурно развивалась текстильная промышленность, которой нужны были новые рынки сбыта и новые сырьевые базы. Острая нужда в сырье стала ощущаться, когда из-за гражданской войны в Америке ввоз американского хлопка в Россию сократился в течение только 1861 года в шесть раз. Естественно, что потребность русской промышленности в среднеазиатском хлопке значительно увеличилась.

Развивающаяся русская промышленность «...довольно высоко развитая в капиталистическом отношении (мануфактура, начинающая переходить в фабрику), она вполне овладела рынком центральной России. Но фабрики росли так быстро, что не могли уже удовлетвориться прежними размерами рынка, они стали искать себе рынки дальше, среди того нового населения, которое колонизовало Новороссию, юго-восточное Закавказье, Северный Кавказ, затем Сибирь и т. д.»¹.

В том же 1861 году ввоз в Россию среднеазиатского хлопка возрос в три раза и вдвое увеличилась цена на него. Если в 1860 году на Нижегородской ярмарке пуд хлопка стоил 4—5 рублей, то в 1861 году — уже 7 рублей 50 копеек, в 1862 году — 12—13 рублей, а в 1864 году цена на хлопок поднялась до 22—24 рублей за пуд².

Из-за недостатка сырья в хлопчатобумажной промышленности начался кризис. Был закрыт ряд предприятий — масса рабочих осталась без работы. Среди рабочих росло недовольство.

Царское правительство, чрезвычайно обеспокоенное создавшимся положением, считало, что выходом из кризиса и ликвидацией растущего недовольства в стране должен стать немедленный вооруженный захват среднеазиатских ханств, превращение их в колонии и создание на плодородных землях Средней Азии плантаций хлопчатника, чтобы обеспечить сырьем текстильную промышленность и создать рынок сбыта для фабричной продукции России. В то же время царское правительство прилагало много усилий к возобновлению торговых отношений с западными провинциями Китая через Коканд, а также Бухару.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 519.

² А. Л. Попов. Из истории завоевания Средней Азии. «Исторические записки» № 9, 1940, стр. 209.

В 1864 году царское правительство, окончив войну на Кавказе против горцев, приступило к осуществлению захватнических планов в среднеазиатских ханствах.

20 декабря 1863 года русским царем было передано распоряжение военному министру Д. А. Милютину: «Следует с 1864 года приступить к соединению Оренбургской и Сибирской передовых линий от Джулека на Сыр-Дарье через Сузак на Аулие-Ату и далее по хребту Каратовских гор..., чтобы впоследствии перенести границу на Арысь, проведя ее от Аулие-Ата через Чимкент в Ташкент»¹. Однако реализация царского распоряжения натолкнулась на некоторые разногласия среди правящих кругов России. С одной стороны, военная группировка считала необходимым начать активные завоевательные действия в Средней Азии. С другой стороны, царская дипломатия предупреждала правительство о возможных в связи с этим осложнениях русско-английских отношений.

Военный министр писал министру иностранных дел Горчакову: «... не надобно просить извинения перед английскими министрами за всякое наше движение вперед. Они не церемонятся перед нами, завоеывая целые царства, занимая чужие города и острова, и мы не спрашиваем у них, зачем они это делают»².

В результате военная группировка взяла верх, и началось завоевание Средней Азии. В 1864 году были соединены Оренбургская и Сибирская линии. В сентябре 1864 года царское правительство образовало на вновь завоеванной территории передовую линию, находившуюся в подчинении нового военного губернатора Оренбурга Крыжановского. Начальником линии был назначен полковник Черняев. Он сконцентрировал в своих руках командование всеми войсками и стал тщательно готовиться к взятию Чимкента, который был занят 22 сентября 1864 года.

Черняев после захвата Чимкента приступил к завоеванию Ташкента — одного из крупнейших торговых и политических центров Средней Азии. 17 мая 1865 г. был взят Ташкент.

¹ А. Л. Попов. Из истории завоевания Средней Азии. «Исторические записки» № 9, 1940, стр. 211.

² Д. А. Милютин. Дневник, т. I, М., 1947, стр. 35.

8 мая 1867 года, разбив бухарскую армию у Сыр-Дарьи, царские войска направились на Ходжент (ныне Ленинабад), ранее захваченный Бухарой у кокандского хана. 24 мая этот город был взят ими. Спустя несколько месяцев русские отряды выступили против бухарской крепости Ура-Тюбе.

Размах военных действий потребовал реорганизации управления завоеванным краем. Русское правительство решило организовать в 1867 году Туркестанское генерал-губернаторство. В него вошли Сыр-Дарьинская и Семиреченская области, с центром в городе Ташкенте. Первым туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками был назначен генерал К. П. Кауфман.

Генерал-губернатор был обеспечен большими правами по осуществлению политики царского правительства в Средней Азии. Он имел право вести дипломатические переговоры и даже военные действия. Генерал Кауфман начал свое управление с укрепления русской власти во вновь завоеванном крае и создания сильной, хорошо вооруженной армии для осуществления завоевательных планов, в первую очередь против Бухарского ханства.

Перед генерал-губернатором Туркестана была поставлена задача прежде всего открыть «широкий и легко доступный путь отечественной торговле и промышленности в глубь Средней Азии»¹. Неограниченный властелин генерал-адъютант К. П. Кауфман, безукоризненно выполняя задания русского правительства, отвечавшие интересам торгово-промышленных кругов империи, явился одним из вдохновителей колониальной политики царского самодержавия в Средней Азии. Недаром местное население ему дало прозвище — «ярим-подшо» — полужарь.

В отношении Кокандского ханства царское правительство занимало другую позицию: временно воздерживаясь от активной борьбы, заключить договор с кокандским ханом Худояром и основные силы направить против Бухарского эмирата. Кауфман обещал Худоярхану не вести против ханства военных действий, если хан примет условия договора, продиктованные царскими властями.

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, дел. 346, лл. 91—92.

Худояр-хан был вынужден согласиться на условия, предложенные Кауфманом. После потери Ташкента, Ходжента и Ура-Тюбе противостоять русской армии он не мог.

На основании договора русские купцы получили в ханстве широкие права — они имели право торговать наравне с местным населением и вносить пошлину за свои товары в таком же размере, как местные купцы. Им разрешался транзит товаров через территории ханств в Китайский Туркестан и другие области.

Однако, даже обеспечив себя поддержкой со стороны Коканда, Кауфман не мог быть спокоен за свой тыл. 13 ноября 1867 года, в письме, адресованном в Петербург, он писал: «мусульмане показывают столько холодной сдержанности, столько равнодушия, даже неуважения к представителю верховной власти... Я пришел к убеждению, что настроение умов здесь неладное, что нерасположение к русской власти и готовность воспользоваться удобным случаем, чтобы освободиться от нее, действительно существует»¹.

Учитывая эту обстановку, русские власти в Туркестане действовали осторожно, по возможности избегая столкновений и пытаясь найти себе опору среди феодалов и купечества.

1 мая 1868 года русские войска осадили Самарканд. 2 мая рано утром делегация аксакалов и духовенства города прибыла в русский лагерь на Чупанатинской высоте и заявила, что самаркандцы сдаются на милость победителя². В тот же день русские войска вступили в Самарканд.

Военные действия против Бухары продолжались. Кауфман, от имени русского правительства предложил эмиру Бухарскому заключить мир. Проект мирного договора, разработанный Кауфманом, предусматривал разрешение свободного въезда русских купцов в Бухару, уравнение в правовом отношении с бухарскими купцами, признание экстерриториальности русских торговцев. Кроме того, эмир должен был уплатить большую контрибуцию и дать обязательство, что будет поддерживать от-

ношения с другими государствами только через посредство царских властей.

Эмир не согласился заключить мир на этой основе. В стране усиливалось недовольство феодальной клики и высшего духовенства русской экспансией. Это недовольство подогревалось и разжигалось английскими агентами в Бухаре. Они старались всеми способами парализовать действия царской России в Средней Азии. Англичане понимали, что после того, как Кокандское ханство уже заключило договор с русскими и попало под их влияние, оставшиеся независимыми Хивинское и Бухарское ханства не могли противостоять русскому могуществу.

В Бухаре и в бекствах недовольную группу феодалов и духовников возглавил сын эмира Абдумалик, который поднял восстание в Хисаре. К нему присоединился бек Шахрисабза.

Вмешательство Англии и восстание заставили русские власти в Туркестане форсировать завоевание Бухары. Войска эмира стали сдаваться в плен, восстание Абдумалика было жестоко подавлено, а сам он скрылся. Англия предоставила Абдумалику убежище в Индии. Он до конца своей жизни жил в Бомбее на попечении англо-индийского правительства.

Таким образом, к началу 70-х годов XIX столетия Россия добилась в Средней Азии значительных успехов. Перед русскими властями встал вопрос: как управлять этим огромным краем?

Туркестанский генерал-губернатор писал: «...для нас гораздо более выгодно владеть Бухарою нравственно, как мы владеем Кокандом, где мы имеем вполне преданное нам, но самостоятельное по отношению к прочим соседним владениям... чем самим управлять этой страной и быть вынужденными содержать там значительное войско, для ограждения наших интересов и нашего там управления»¹.

Сообщения Кауфмана легли в основу решения русского правительства о номинальном сохранении Бухарского эмирата. Русское правительство этим хотело показать, что оно не только не хочет ликвидировать прежние ханства, но, наоборот, стремится защитить их от иностранных завоевателей. Поэтому оно решило не аннексировать

¹ История народов Узбекистана, т. 2, Ташкент, 1947, стр. 236.

² Там же, стр. 237.

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 3, д. 146, л. 25.

ровать Бухарское ханство, а заключить договор с эмиром и превратить его в своего послушного вассала.

23 июня 1868 года эмир подписал продиктованный завоевателями договор. Бухара признала русский протекторат и согласилась уплатить России 500 тыс. рублей контрибуции, признала присоединение города Самарканда к Катта-Курганский округ — русскому владению в Туркестане. Бухара лишилась права самостоятельного сношения с иностранными государствами¹.

В мае 1873 года, преодолевая лишь незначительное сопротивление, царские войска подошли к Хиве. Хивинцы пытались задержать наступление русских у переправы через Аму-Дарью, но сильным артиллерийским огнем были отброшены. Хан Мухаммед-Рахим убедился, что дальнейшее сопротивление бессмысленно и поторопился послать своих парламентаров к стоящему в 20 километрах от города Кауфману. Сюда же одновременно прибыл посол бухарского эмира с поздравлением по случаю победы.

12 августа 1873 года был заключен договор с Хивой, по которому Мухаммед-Рахим-хан лишался права самостоятельных сношений с другими государствами. Вся хивинская территория на правом берегу Аму-Дарьи перешла к России; русские купцы получили большие права и преимущества. Хан был обязан в течение 20 лет — до августа 1893 года — уплатить военную контрибуцию в размере 2200 тыс. рублей. Хан был обязан уничтожить в своем государстве рабство и работорговлю². Этот договор превратил Хивинское ханство в вассальное владение царской России.

4 января 1884 года Мервский совет старейшин вынес решение о добровольном присоединении туркменских племен оазиса Мерв к России. Приняли русское подданство и туркменские племена Палатана и Пендинского оазиса. Обширная территория Средней Азии была подчинена Российской империи.

Основная масса народов Средней Азии относилась к завоеванию страны относительно равнодушно и спокойно не в силу безразличного отношения к судьбе своей страны и не в силу отсутствия мужества для борьбы за

независимость, а в силу того, что жестокая власть ханов, безжалостная феодальная эксплуатация, разорительные междоусобные войны, тяжелый гнет и несправедливость не могли вызывать у населения стремления выступить на защиту средневекового феодального деспотизма, что ускорило падение среднеазиатских феодальных ханств под напором царских войск.

Завоевание Средней Азии царскими войсками было типичным актом колониального захвата. Царское правительство, приступая к вторжению в глубь Средней Азии, имело в виду удовлетворение интересов зарождавшейся русской буржуазии и дворянско-помещичьей верхушки России. Однако царское правительство во избежание прямого столкновения со своим извечным соперником — Англией, формально сохранило статут протектората над Бухарой и Хивой. Царизм способствовал сохранению деспотического режима и феодальных отношений в Бухаре и Хиве. Царская армия покровительствовала неограниченному произволу и кровавым злодеяниям эмиро-ханского режима и сохранению в тех краях средневекового мракобесия¹.

Нисколько не обеляя колониальную политику царизма в Средней Азии, тем не менее нельзя согласиться с неправильными утверждениями буржуазных фальсификаторов, искажающих историческую действительность.

Многочисленные факты, архивные документы показывают, что несмотря на реакционные намерения правящих кругов царской России, присоединение Средней Азии к России имело в целом положительное, объективно прогрессивное значение. Оно уничтожило наиболее архаичные явления в жизни народов Средней Азии (рабство). Во всех договорах, заключенных между русскими властями и правителями Коканда, Бухары и Хивы предусматривалась ликвидация рабства и освобождение рабов, запрещение работорговли. В результате присоединения Средней Азии к России внутри ханств и между соседними государствами и в пограничных полосах установилась относительно спокойная обстановка, стала налаживаться мирная жизнь, что обеспечило развитие мирной торгов-

¹ С. Раджабов. К вопросу о присоединении Средней Азии к России. Материалы Объединенной научной сессии, Ташкент, 1958, стр. 33.

¹ История народов Узбекистана, т. 2, Ташкент, 1947, стр. 239.

² Там же, стр. 241.

ли. Народы Средней Азии избавились от бесконечного и напрасного кровопролития и страданий, приносимых феодальной междоусобицей.

Большую роль в ломке среднеазиатских феодально-патриархальных отношений сыграло развитие капитализма в центре России, строительство железных дорог, которые соединили Среднюю Азию с всероссийским рынком и способствовали росту товарно-денежных отношений и товарного производства. Средняя Азия была превращена в сырьевую базу для российской текстильной промышленности, в поставщика хлопка, шелка, шерсти, кожи и другого сырья, в рынок сбыта фабрично-заводской продукции русской промышленности.

Мы уже говорили, что в связи с сокращением в 60-х годах XIX в. подвоза американского хлопка в Россию, царское правительство стало обращать внимание на развитие хлопководства в Средней Азии. Начиная с 80-х годов стало увеличиваться число плантаций американского хлопка, росли посевные площади:

в 1884 г. под американским хлопком было занято —	300	десятин
в 1883 „ „ „ „ „ „	—37 228	„
в 1889 „ „ „ „ „ „	—58 859	„

Можно также привести данные по отдельным областям Средней Азии. Если в 1888 году в Ферганской области под хлопком было занято до 35 тыс. десятин земли, в Сырдарьинской — до 26 тыс., в Самаркандской — до 8 тыс., то в 1915 г. площадь под посевами хлопчатника значительно увеличилась: в Ферганской области до 337 тыс. десятин, в Сырдарьинской — до 74 тыс., Самаркандской — до 55 тыс. десятин¹. Эти цифры убедительно показывают, что рост посевной площади хлопчатника в Средней Азии, естественно, вытеснял другие сельскохозяйственные культуры: пшеницу, ячмень, рис, кукурузу, бобовые, масличные.

Тем не менее, с расширением экономических связей с Россией, с развитием товарного хлопководства в орбиту единого внутреннего рынка включались и другие отрасли сельского хозяйства.

¹ В. И. Масальский. Туркестанский край, т. 19, СПб, 1913, стр. 458.

¹ «Справочная книжка по хлопководству в СССР», М., 1925 г.: стр. 123—124.

Бесспорно, что от производства хлопка население края получало значительные доходы. Однако большая часть этих доходов шла в карманы крупных землевладельцев — баев и русских переселенцев-плантаторов. Основные производители хлопка — дехкане — получали только мизерную долю доходов.

С другой стороны, конкуренция русских товаров привела к значительному сокращению кустарных промыслов, большей частью домашнего производства. Так, например, в Ташкенте в 1871 году имелось 341 кустарное производство по выделке кожи, в 1892 году их осталось только 66¹.

В. И. Ленин так характеризовал влияние русского капитализма на колониальные окраины: «...шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, попадающих под конкуренцию привозных московских фабрикантов. Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кож и т. д., все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия... Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, создавал себе рынок для своих фабрик... нам нет надобности добавлять, что то же самое происходило и в Средней Азии...»².

Непосредственным результатом проникновения русского и иностранного капитала был бурный рост торговли хлопком и появление в городах Средней Азии ряда торговых и финансовых учреждений, специализировавшихся на этой торговле. Такими центрами стали Андижан, Наманган, Маргелан, Коканд, Ташкент, Самарканд, Каган, Ургенч.

В связи с ростом производства и экспорта хлопка появились специальные торговые фирмы и транспортные конторы. В 1910 году в Коканде действовали 7 специализированных торговых контор по закупке

¹ М. Г. Вахабов. Формирование узбекской социалистической нации, Ташкент, 1961, стр. 92.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 521.

хлопка, в городах Маргелане и Скобелеве — 7, в Андижане — 13¹.

Однако следует отметить, что русский капитализм, втягивая колониальные окраины России, в частности Среднюю Азию, в мировое товарное обращение, в то же время сохранил в основном старый феодальный способ производства. Одновременно усиливалась новая капиталистическая форма эксплуатации дехканства, особенно в хлопкосеющих и шелководческих районах. Происходила классовая дифференциация кишлака, обезземеливание дехкан, рост сельской бедноты и сельской буржуазии.

Рядом с царскими колонизаторами в качестве их верной опоры появился алчный туземный землевладелец — бай, который концентрировал в своих руках большие земельные площади. Например, в Андижанском уезде Ферганской области известный миллионер Миркамил-бай Муминбаев имел свыше 7 тыс. десятин земли, в то время как 9 тыс. дехканских хозяйств владели лишь 3 тыс. десятин².

Царские колонизаторы — помещики, капиталисты, местные феодалы, бай, купцы и ростовщики беспощадно эксплуатировали дехкан, применяя различные способы закабаления.

Царизм был тюрьмой для народов. Политика царизма в Туркестане была колонизаторской, реакционной. Отношения царизма и народов Средней Азии были отношениями господства и подчинения, отношениями метрополии и колонии.

Между тем отношение прогрессивного и трудового народа России к народам Средней Азии было совершенно иного характера, независимо от желания царизма и местных угнетателей, было гуманным и дружественным³.

Несмотря на все отрицательные стороны русской колониальной политики в Средней Азии, ее присоединение к России по объективным последствиям и результатам имело и прогрессивное значение, оно нанесло чувствительный удар по феодальной ограниченности, национальной обособленности. «Прогрессивным было начавшееся

¹ С. Р. Конапка. Туркестанский край (сельскохозяйственный торгово-промышленный адрес, справочник-календарь), 1910, г. Ташкент.

² Х. Ш. Иноятов. Октябрьская революция в Узбекистане, М., 1968, стр. 21.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 523.

здесь развитие капиталистических отношений, несмотря на отрицательные и мрачные стороны капитализма»¹.

Строительство железнодорожных магистралей в Средней Азии способствовало связи с экономически развитыми районами страны, развитию торговли и помогло усилению капиталистического развития края. Это, в свою очередь, приближало сырьевые ресурсы Средней Азии к центрам текстильной промышленности России и облегчало ввоз промышленных изделий в глубинные районы Средней Азии и через нее в страны Востока.

Строительство железных дорог способствовало вовлечению народного хозяйства Средней Азии в сферу развития капиталистических отношений. Стало развиваться немало промышленных и торговых предприятий, принадлежавших местным капиталистам.

В 1886 году в Маргелане местным баем был сооружен первый хлопковый завод, оборудованный 6 шинами и паровым двигателем в 25 л. с. К 1910 году в Ферганской области из 157 хлопковых заводов 109 принадлежали местным баям, в Самаркандском уезде — из 37 заводов — 27, в Ташкентском уезде из 15 заводов — 3, в Бухарском ханстве из 90 заводов — 8. Из 22 маслозаводов в Туркестане 5 заводов принадлежали местным баям².

Наряду с развитием класса промышленных капиталистов из местных национальностей в Туркестане шло формирование местного рабочего класса, отчасти из числа разорившихся кустарей и крестьянства. Во всех промышленных заведениях Туркестана в 1915 году работало 20 965 рабочих. Из них: 12 792 — узбека, 4744 — русских, 1142 — таджика, 944 — казаха и киргиза и 1343 — других национальностей. Большая часть рабочих — 12 731 была занята на хлопкоочистительных, маслобойных, коконосушильных и гренажных заводах³.

Присоединение Средней Азии к капиталистической России ускорило разложение феодальных отношений и помогло развитию народного хозяйства страны. «Россия, — писал Энгельс Марксу, — действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господст-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 523.

² Гулишамбаров. Экономический обзор Туркестанского района, ч. II, Ашхабад, стр. 254—270.

³ В. В. Заорская и К. А. Александер. Промышленные заведения Туркестанского края. Петроград, 1915, табл. V. вып. стр. 24.

во России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии...»¹.

Прогрессивными были не субъективные стремления царского правительства, побудившие его к завоеванию Средней Азии в интересах русских капиталистов и помещиков, а те перемены, которые объективно и закономерно произошли в судьбе народов Средней Азии в соответствии со складывающейся тогда новой исторической обстановкой. С присоединением, судьба народов Средней Азии оказалась связанной с судьбой великого русского народа. Вопреки воле царизма и реакционной местной феодальной верхушки, с присоединением открылся путь к проникновению в Среднюю Азию передовой и прогрессивной русской культуры и распространению демократических идей.

В Средней Азии активную борьбу против реакции вели представители другой России — демократы, друзья и единомышленники Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Некрасова. Через лучших представителей русского народа, через русский рабочий класс в Среднюю Азию проникла передовая общественно-политическая мысль, революционная идеология пролетариата.

Передовые люди узбекского, таджикского, киргизского, казахского, туркменского и каракалпакского народов видели и понимали, какое большое прогрессивное значение имеет присоединение Туркестана к России.

Эта мысль выражена в трудах и высказываниях замечательного казахского ученого-энциклопедиста, публициста и демократа Чокана Валиханова (1835—1865 гг.), просветителя и ученого Ибрая Алтын-Сарин (1841—1889 гг.), выдающего казахского писателя и просветителя Абая Кунанбаева (1845—1909 гг.), в произведениях выдающихся ученых, поэтов и писателей Мукими и Закирджана Халмухаммедова — Фурката (1858—1909 гг.), а также в сочинениях Асри, Хамзы Хаким-заде Ниязи, Садриддина Айни и многих других².

К концу XIX и началу XX вв. наиболее видными представителями демократического направления были Аваз Отар, Мукими, Фуркат, Хамза Хаким-заде Ниязи, Садриддин Айни. Глубоко сочувствуя народу, с ним их про-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 211.

² С. Раджабов. К вопросу о присоединении Средней Азии к России, стр. 28.

изведения были пропитаны духом демократизма, будили в простых людях чувство собственного достоинства, жажду правды и справедливости.

Их ярыми противниками были писатели-джадиды, которые являлись идеологами зарождавшейся национальной буржуазии. В своих произведениях они призывали народ к покорности баям. Они шли на соглашение с царской властью и пользовались ее особым покровительством. Ненавистниками передовой демократической культуры выступали реакционные феодально-клерикальные и буржуазно-националистические элементы всех мастей, панисламисты, пантюркисты и паниранисты.

Передовая русская культура и ее прогрессивные демократические идеи воспитали мировоззрение передовых мыслителей народов Средней Азии и через них быстро распространились среди народностей Средней Азии.

Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России для экономического и культурного развития края хорошо понимали узбекские поэты-демократы Мукими и Фуркат, С. Айни, с самого начала сумевшие ясно увидеть различие между русским царизмом и русским народом. Они призывали свой народ учиться у русского народа, приобщаться к его культуре, получить знания и подружиться с ним.

Закирджан Халмухаммедов — Фуркат в 1889 году из родного Коканда приехал в Ташкент. Здесь он познакомился и поддерживал дружеские отношения с демократически настроенными представителями русской интеллигенции, а также с некоторыми членами русского географического общества. С их помощью он близко познакомился с русской историей и литературой и по совету русских друзей перевел на узбекский язык ряд произведений Пушкина и Крылова. Сам он создал произведения, воспевающие русскую культуру, талант и мужество русского народа.

Фуркат писал: «Юноши! Сейчас столетие, что входит в нашу жизнь такое, как в сказке, волшебство...

...Россия принесла земле счастливый век...

О, юноши! Затмил преданья прошлых лет,

Российской мудрости неоценный свет.

Изобретениям науки нет числа,

Нам их великая Россия принесла.

Вдохновленный достижениями русской культуры и науки, Фуркат восклицал: «Вот как русский ценит просвещение!... я в восторге, я завистью объят!»¹.

С присоединением к России произошли большие изменения в социально-экономической и культурной жизни народов Средней Азии. В 1870 году была создана Ташкентская астрономическая обсерватория. Были организованы научные общества и комитеты по исследованию богатств земельных недр Средней Азии. Систематически стали изучаться географические условия и топография края.

Большим событием была организация научного общества по исследованию сельского хозяйства. Общество обратило особое внимание на создание условий, необходимых для развития хлопководства и увеличения посевов, поднятия урожайности хлопка и обеспечения семенным фондом. Оно занималось также вопросами развития шелководства.

В Ташкенте впервые был создан Ботанический сад, были организованы государственная библиотека, лечебные медицинские учреждения, военный госпиталь и больницы. Они обеспечивались квалифицированными кадрами.

В развитии науки и культуры в Средней Азии большую роль сыграли русские ученые Н. М. Пржевальский, П. П. Семенов-Тяньшанский, А. П. Федченко и другие. В Среднюю Азию стала проникать передовая русская культура и наука.

С присоединением Средней Азии к России в Туркестан начали прибывать русские рабочие, крестьяне, ремесленники, представители интеллектуального труда. Если в 1885 году в Ташкенте русского населения насчитывалось всего 12 325 чел., то через 20 лет в 1904 году русское население возросло до 25 228 человек².

Самым же главным результатом присоединения Средней Азии к России явилось постепенное слияние местного крестьянского антифеодального движения с русским революционным движением, трудящихся России, которое в ходе исторического развития создало общий фронт борьбы против царизма и всякого национального и соци-

ального гнета, что привело в конечном итоге к полному освобождению народов Средней Азии.

Присоединение Средней Азии укрепило дружбу между народами Средней Азии. Они стали близко общаться, хорошо понимать друг друга, находить общий язык при защите своих интересов — интересов трудового народа. Рабочие и кустари, чайрикеры и мардикеры с русскими рабочими поднимались на борьбу против эксплуататоров — местных баев и феодалов и русских колонизаторов — помещиков и капиталистов.

У народов Средней Азии появился могучий друг в лице русского рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии, возглавивших борьбу всех народов царской России за социальное и национальное освобождение. Россия, на рубеже XIX—XX вв. стала центром мирового революционного движения, родиной ленинизма, оказывала огромное влияние на народы Средней Азии.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России произвела глубочайшие революционные преобразования и в Средней Азии. Народы этих стран освободились навсегда от социального и национального гнета и под руководством Коммунистической партии и Советского государства достигли огромных успехов в политико-экономической и культурной жизни. Из бывшей самой отсталой колониальной окраины царской России — Туркестана, образовались теперь передовые самостоятельные социалистические республики.

«Диалектика истории такова, что вопреки реакционным целям и методам царизма, присоединение народов к России, объединение их сил с силами русского народа в борьбе против национального и социального гнета, подготовило общий фронт всероссийского революционного движения, которое во главе с пролетариатом и его ленинской партией привело в конце концов к созданию невиданного в истории социалистического содружества десятков национальностей, населяющих нашу Родину»¹.

¹ Б. Н. Пономарев. Доклад на Всесоюзном совещании по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, М., 1962, стр. 25.

¹ Фуркат. Избранные произведения. Ташкент, 1951, стр. 25.

² Обзор Сырдарьинской области, стр. 325—326.

АНГЛИЙСКИЕ ПРОИСКИ В ПЕРИОД УСТАНОВЛЕНИЯ
АФГАНО-БУХАРСКОЙ ГРАНИЦЫ
В 1872—1873 ГОДАХ

Начиная с 70-х годов XIX века колониальное соперничество капиталистических держав в Азии усилилось. Правящие круги Великобритании стремились во чтобы то ни стало сохранить за собой колониальную гегемонию. Англия, готовясь к захватнической войне против Афганистана, одновременно принимала меры к тому, чтобы не допустить возможную помощь Афганистану с севера.

Успешное продвижение России в Средней Азии внушало особое беспокойство английским правящим кругам. Англичане считали северо-западную границу «наибольшим источником беспокойств для империи, а Афганистан, находящийся между великими соперничающими державами, самым слабым звеном в цепи обороны»¹.

В 1869 году Британия поставила перед русским правительством вопрос об установлении «нейтральной зоны» между английскими владениями в Индии и контролируемой Россией территорией в Средней Азии. Министр иностранных дел Англии Кларендон в беседе с русским послом в Лондоне Брунновым заявил: «...нами создаваемая «нейтральная зона» между владениями Англии и России должна явиться границей этих владений и тщательно соблюдаться обеими державами»². Русское правительство согласилось с предложением англичан, и 7 марта 1869 года министр иностранных дел России Горчаков через Бруннова передал решение русского правительства: «...Афганистан целиком находится вне сферы, в которой

Россия может быть призвана оказать свое влияние. Никакое вмешательство или интервенция, противоречащее независимости этого государства, не входит в ее намерения»¹. Далее он пишет: «Если Лондонский кабинет, как мы надеемся, воодушевлен теми же убеждениями, что и мы, то желание, высказанное лордом Кларендоном, будет осуществлено, наши владения в Средней Азии будут разделены независимой зоной, которая их предохранит от всякого непосредственного соприкосновения и обе стороны могут в полной безопасности заниматься проведением в жизнь цивилизаторской миссии, которая выпала нам на долю»².

Таким образом русское правительство считало «нейтральной зоной» территорию Афганского государства в составе Кабульской, Кандагарской и Гератской областей.

Вице-король Индии лорд Майо имел в отношении русских предложений особое мнение. Он поддерживал предоставление независимости Келату, Афганистану и Яркенду, и высказал пожелание, чтобы России предложили предпринять такие же действия в отношении Хивы, Бухары и Коканда³.

Правительство Великобритании отвергло оба предложения. Оно не хотело видеть Келат, Афганистан и Яркенд, а также Хиву, Бухару и Коканд сильными и независимыми. Отвечая на письмо Горчакова от 8 марта, секретарь по иностранным делам Хаббертон занял позицию, несколько отличную от позиции правительства Британской Индии. Он заявил: «Афганистан не будет соответствовать условиям нейтральной территории, как ее хотели установить оба правительства — (Россия и Индия — Ф. Ю.) потому, что его границы плохо определены и эта неточность несомненно поведет к разногласиям между руководителями России и Афганистана и заставит Россию, хоть и помимо ее воли, не принимать во внимание заключенного ею соглашения»⁴. В качестве пограничной

¹ Кларендон, английскому послу... State Papers L. XIII, p. 659—660, Письмо Горчакова Бруннову, 7 марта 1869 г. Bowbinson England and Russia in the East.

² Там же State Papers, p. 659—660.

³ Bowbinson. England and Russia in the East p. 309.

⁴ William Habberton. Anglo-Russian relations concerning Afghanistan 1837—1907 p. 25.

¹ Cambridge History of British Foreign Policy, III, p. 72.

² Кларендон, английскому послу в Петербурге Буханину. март. 1869 г., British and Foreign Papers, 1872—1873 L, XIII, p. 568.

линии предлагалось иметь такую территорию, «которую ни одна держава не должна была бы разрешать нарушать своим войскам, а именно: верхнее течение Аму-Дарьи к югу от Бухары. Это составило бы большое пространство страны, видимо пустынное, и помеченное на карте... как владение Хивинского хана, между Афганистаном и территорией, уже приобретенной Россией, и если она на это согласится, надеемся, устранил все опасения перед разногласиями в будущем»¹.

Англичане совершенно справедливо предполагали, что Россия не согласится с обоими проектами «нейтральной линии», и, действительно, 16 апреля 1869 года директор Азиатского департамента министерства иностранных дел писал туркестанскому генерал-губернатору, что «предлагаемая Кларендоном граница нейтрального Среднеазиатского пояса идет сначала по верхнему течению Аму-Дарьи, а потом проходит приблизительно в меридиане города Бухары, затем принимает прямое западное направление и теряется в туркменских степях... Но далее на Запад и именно в самой северной части предполагаемая граница проходит приблизительно в 300 верстах от нашего передового укрепления Таш-Курган (от Самарканда еще на 7 верст ближе), тогда как расстояние от Пешавара, то есть от передового английского поста, вдвое больше»².

Эти факты подтверждают, что английские колонизаторы под видом установления «нейтральной зоны» рассчитывали в дальнейшем отрезать значительную территорию Средней Азии, а в дальнейшем вместе с Афганистаном включить ее в свои индийские владения. Одновременно, установив «нейтральную зону», английское правительство стремилось поставить барьер на пути русского продвижения в южной части Средней Азии.

Директор Азиатского департамента далее указывал: «английское правительство не сомневается в том, что в весьма близком будущем Россия окончательно присоединит к своим владениям все Бухарское ханство и Хиву... Но если в Англии такое убеждение действительно существует, то указанные ими выше мнения приобретают со-

вершенно иное значение. Английское правительство видит уже не зону нейтральную, а более или менее в общих начертаниях весьма определенный крайний предел, далее которого оно решилось не допускать распространения русских владений в Средней Азии»¹.

Стремления Англии расчленив среднеазиатские территории были направлены против интересов России. Поэтому русское правительство отказалось принять предложение англичан. Переговоры между Россией и Англией прервались.

Английское правительство не ограничилось этим. Кларендон при встрече с министром иностранных дел России Горчаковым в Гейдельберге 7 сентября 1869 года вновь поднял вопрос об установлении «нейтральной зоны» и настаивал на принятии предложения Англии, Горчаков выразил надежду, что линия не будет навязана, так как территория к югу от Аму-Дарьи принадлежит Бухарскому эмиру, и ее включение в «нейтральную зону» могло бы привести к разногласиям между Россией, Бухарой, а равно между Россией и Великобританией. По этим мотивам он еще раз отверг предложение англичан.

Кларендон выразил опасение, что эмир Афганистана Шир-Али-хан может попытаться подчинить себе различные ханства, прежде находившиеся в подчинении Афганистана, которые Россия считает совершенно независимыми.

Горчаков дал понять английскому министру, что Россия не потерпит никаких действий Афганистана, кои могут быть расценены, как враждебные России, и что Бухара и Россия будут твердо оберегать свои земли и защищать свои интересы в этих районах.

Напряженная обстановка в этот момент в Западной Европе и на Ближнем Востоке, обострение отношений с Францией вынудили Англию не осложнять и отложить решение вопроса о «нейтральной зоне».

В ноябре 1869 года в Петербург прибыл представитель англо-индийского правительства Дуглас Фарсайт, чтобы обсудить с русскими властями «вопросы, представляющие интерес для обеих стран». Переговоры в большей мере были посвящены идее «нейтральной зоны» и границам Афганистана.

¹ Кларендон Румбольду 17 апреля 1869 г. State Papers. 1872—1873, L XIII p. 661.

² ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 1, д. 35.

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 1, д. 39, док. 40.

Директор Азиатского департамента министерства иностранных дел Стремоухов разъяснил точку зрения России на создание «нейтральной зоны». В эту зону должны входить такие территории, как Балх и Кундуз, но так как они уже фактически вошли в состав Афганистана, Стремоухов предложил считать Афганистаном все провинции, находившиеся в то время под властью Шир-Али-хана — эмира Кабула¹. Стремоухов заявил: «Россия не будет вмешиваться в дела этих территорий или пытаться установить там свое влияние. С другой стороны, русское правительство надеется, что англичане попытаются удержать эмира «от всякой мысли об агрессии»².

Стремление русского правительства определить границу Афганистана исходило из желания лишить англичан возможности в дальнейшем использовать в своих интересах пограничные споры между Бухарой и Афганистаном.

Переговоры Фарсайта с царскими министрами были лишь начальной фазой переговоров относительно Афганистана. Они были продолжены в 1869—1873 годах. Надо отметить, что переговоры между Англией и Россией об определении границы Афганистана велись без участия афганского представителя.

20 мая 1870 года в официальном сообщении англо-индийское правительство указывало: «границами Афганистана считать территории, признавшие суверенность Дост-Мухаммеда и в настоящее время находящиеся под властью правительства Шир-Али-хана». И далее: «Северо-западная граница той территории, которую по нашему мнению следует считать владением Шир-Али хана, проходит в юго-западном направлении от пункта на Аму-Дарье между Ходжа-Салехом и Керки, ограничивая и включая провинции Маймане, Андхой, Балхи и т. д. Северной границей является Аму-Дарья от того же пункта между Керки и Ходжа-Салехом на восток к (Пенджу) и Варехану, а затем река, проходящая через Вахан до Кок-

¹ Представитель англо-индийской администрации Фарсайт английскому послу в Петербурге Буханну, 2 ноября 1869 г. State Papers, L XIII, p. 676.

² Там же.

чи, где хребет Гиндукуша сталкивается с южным углом Памирской степи»¹.

Русское правительство не согласилось с таким начертанием пограничной линии и поручило Туркестанскому генерал-губернатору Кауфману собрать все необходимые и более точные сведения по этому вопросу.

Через год — 21 июня 1871 года английский мининдел Гренвилл потребовал от своего посла в Петербурге Буханина, чтобы он снова обратился к русскому правительству по вопросу афганской границы и получил по этому поводу, если возможно, мнение генерала Кауфмана².

С целью успокоить английские правящие круги, русское правительство изложило свою точку зрения. Оно указало, что пределами Афганистана должны считаться территории, находящиеся в настоящее время в фактическом владении Шир-Али-хана, и что вне этих пределов эмир должен отказаться от всяких попыток оказывать свое влияние. Английское правительство должно принять меры, чтобы предотвратить любые агрессивные действия со стороны эмира афганского, а русское правительство берет на себя аналогичные обязательства в отношении бухарского эмира.

Английское правительство, в свою очередь, не согласилось с предложением России и продолжало разжигать афгано-русские пограничные противоречия. Англия, нарядившись в тогу защитника афганских интересов, утверждала, что во время переговоров 1859 года между Бухарой и Афганистаном сам бухарский эмир якобы признал власть Дост-Мухаммеда в Южном Туркестане до Аму-Дарьи. В действительности же, во время переговоров между Дост-Мухаммедом и бухарским эмиром последний лишь заявил, что если афганский эмир будет воздерживаться от вмешательства в дела туркмен к северу от Аму-Дарьи, бухарские власти не будут предъявлять никаких претензий на Бадахшан, Маймане и другие области южнее Аму-Дарьи³. Однако это отнюдь не означало согласия эмира Бухарского на захват афганцами территорий ханства Южного Туркестана. Фальсифици-

¹ Мэйю Апрайлю 20 мая 1870 г. British and Foreign State Papers 1872—1873 г. LXIII, p. 724.

² Гренвилл Буханину 21 июня 1871 г. State Papers, p. 732.

³ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 1, д. 48, док. 330.

руя существо этих переговоров, англичане утверждали, что со времени Дост-Мухаммед-хана Аму-Дарья считается границей между Бухарой и Афганистаном.

Хранившиеся в русских архивах документы опровергают эти утверждения английского правительства. Все амударьинские переправы всегда находились в ведении бухарских властей. При переправах издавна были основаны бухарские поселения (Чарджуй со своим округом, Керки и Ходжа-Салех). В этих пунктах, расположенных на левом берегу Аму-Дарьи, взимались пошлины с проходивших купеческих караванов и плата за перевоз через реку. Кроме того, имеются сведения, что афганцы просили бухарского эмира разрешить им основать свое укрепление на левом берегу Аму-Дарьи¹. Следовательно, афганцы признавали суверенитет Бухары на левобережье Аму-Дарьи.

Несмотря на неопровержимые доказательства, представленные русским правительством, 17 октября 1872 года министр иностранных дел Англии снова изложил мнение своего правительства относительно афганской границы и обратил особое внимание на Бадахшан и Вахан. Английская нота определяла следующие «территории и границы»:

1. Бадахшан с зависимым районом Вахана от Са-рикул (озеро Вудс) на восток до слияния реки Кокча с Аму-Дарьей образует северную границу этой провинции на всем ее протяжении;

2. Афганский Туркестан, включающий районы Кундуза, Хульма и Балха, северной границей которого будет течение Аму-Дарьи от слияния с рекой Кокчи до поста Ходжа-Салех включительно по пути из Бухары в Балх. Эмир Афганистана не претендует ни на что на левом берегу Аму-Дарьи ниже Ходжа-Салеха;

3. Внутренние районы Ача, Сарыпуль, Маймане, Шибирган и Андхой, из которых последний явится крайней границей афганских владений на северо-западе, а пустыня за его пределами принадлежит независимым племенам туркмен;

4. Западная афганская граница между зависимыми районами Герата и районами персидской провинции Хо-

расан хорошо известна и не нуждается в определении здесь¹.

На эту ноту русское правительство ответило, ссылаясь на материалы, собранные генералом Кауфманом, особенно касающиеся Бадахшана и Вахана, что перечисленные в английской ноте территории и границы во многом не совпадают с данными, представленными Туркестанским генерал-губернатором. 29 ноября 1872 года Кауфман писал: «Владения эмира Шир-Али-хана в строгом смысле простираются на востоке только до меридиана впадения реки Кокчи в Аму-Дарью. Эта линия отделяет владения бадахшанские и ваханские от Кундузской области, бесспорно подвластной Шир-Али-хану. Последняя была присоединена к владениям афганским в начале пятидесятих годов сыном Дост-Мухаммеда, Мухаммед-Афзал-ханом, управлявшим в то время Балхом...».

После смерти Дост-Мухаммед-хана в 1863 году, бадахшанские беки фактически стали самостоятельными. Тогдашний правитель Бадахшана Джехангир-шах был независимым владельцем и считался таковым всеми соседями. Он был в дружбе с Мухаммед-Афзал-ханом и с его сыном Абдурахманом и не платил им никакой подати... «когда Шир-Али-хан, победив Абдурахмана, в 1868 году занял Кабул и Балх и сделался эмиром всего Афганистана, он отправил посольство к Джехангир-шаху с предложением утвердить прежде предложенные обязательства, но тот отказался»².

Приведенные Кауфманом убедительные данные подтверждают, что после смерти Дост-Мухаммед-хана и особенно во время долголетней междоусобной войны в Афганистане Бадахшан вновь восстановил свою независимость. Эмир Шир-Али-хан не мог претендовать на Бадахшан и Вахан, как на наследство, якобы полученное от его отца Дост-Мухаммеда. Правители страны Махмуд-шах и Мирраб-шах не считали себя беками эмира Кабула.

Вахан — страна, называемая также Дарья-Пенджем (Пятиречьем) от числа главных истоков Аму-Дарьи, при-

¹ Гренвилл Лофтусу, 17 октября, переписка с Россией относительно Средней Азии. Parl Papers, 1872, LXXV, p. 1—2.

² Сборник переговоров между Англией и Россией по делам Средней Азии. Записки Кауфмана о Северной границе Афганистана, стр. 16—17.

легают на севере к Памиру, отделяющему ее от Каратегина. На востоке она граничит с Сарыпулем (владениями бека Кашгара), а на юге она отделяется от местности Читрал. Вахан находился в зависимости от Бадахшана, но бадахшанские беки не вмешивались во внутренние дела этой страны. Раз в год им высылались от правителя Вахана некоторое количество денег. Несмотря на то, что Вахан не имел непосредственного отношения к Афганистану, Россия в спорах о Бадахшане и Вахане шла на большие уступки Англии.

Генерал-губернатор Туркестана Кауфман писал далее: «Если великобританское правительство действительно проникнуто одинаковыми с нами желаниями поддерживать мир и спокойствие внутри ханств, отделяющих английские владения в Ост-Индии от наших Среднеазиатских приобретений; если англичане хотят верить нашим искренним заявлениям, что мы и не помышляем о каких-либо враждебных действиях против их владений в Индии, то благоразумие должно им указать согласиться на признание Бадахшана и Вахана независимыми от Кабульского, так и от Бухарского эмиров»¹.

Приведенные факты показывают, что русское правительство стремилось разрешить вопрос об афганской границе мирным путем. «Мой долг был избежать всего, что могло бы каким-нибудь образом нарушить удовлетворительное состояние наших отношений, установившихся вследствие дружественного и искреннего обмена мыслями, имевшего место между императорским правительством и правительством Великобритании»².

Однако английское правительство в этом вопросе занимало более жестокую позицию. Оно серьезно настаивало на включении Бадахшана, Вахана и ханств левого бережья Аму-Дарьи в состав Афганистана. Это объяснялось тем, что здесь «сосредотачиваются важнейшие политические и торговые интересы, имеющие непосредственную связь с нашим (русским — Ф. Ю.) Туркестанским Краем»³. Через Бадахшан и Вахан пролегает путь из

Кундуза на Сарыпуль в Яркенд или в Кашгар. Занятие этих двух областей приблизило бы границы Бухары, а до Кокандского ханства осталось бы совсем незначительное расстояние.

Поэтому англичане старались воспользоваться любым предлогом для вмешательства в разрешение вопроса о Бадахшане и Вахане. Для англичан Бадахшан был нужен как важный экономический, политический и стратегический пункт. Они прилагали все усилия, чтобы добиться согласия России на присоединение Бадахшана и Вахана к владениям афганского эмира и уверяли русское правительство, что будто бы Бадахшан был присоединен к Афганистану добровольно еще в 1863 году, тогда как действительно присоединение Бадахшана было завершено лишь в августе 1874 года. Весной того же года англичане Гордон, Биддольф и Троттер не могли проникнуть в Бадахшан из Вахана, потому что бадахшанцы еще воевали с афганцами¹.

Несмотря на явную несостоятельность английских претензий, русское правительство придерживалось более уступчивой политики, ибо оно было занято укреплением своего положения в завоеванных областях Средней Азии, на очереди было завоевание Хивинского ханства. Русской дипломатии невыгодно было затевать конфликт с Англией.

7 декабря 1872 года министр иностранных дел России Горчаков вручил через посла в Лондоне Бруннова ноту британскому правительству, в которой говорилось, что для упрочения дружбы между Англией и Россией необходимо установить между владениями обеих держав в Азии «известную промежуточную зону, которая предохраняла бы их от непосредственного соприкосновения. Русское правительство пришло к следующим выводам об установлении промежуточной зоны: на севере Аму-Дарья от места впадения в нее реки Кокчи до Ходжа-Салеха образует нормальную границу Афганистана; в отношении Бадахшана и Вахана, собранные нами сведения показывают, что там не наблюдалось следов власти афганского эмира, но имеется много указаний на то, что эти области являются независимыми. Поэтому русское правительство считает, что включение Бадахшана и Вахана в состав

¹ Записки Кауфмана о Северной границе Афганистана, стр. 15—16.

² Письмо Кауфмана Горчакову 29 ноября 1872 г., *Parl Papers*, 1873, LXXI, p. 8—9.

³ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 151, л. 21.

¹ М. Венюков. Россия и Восток, СПб., 1877, стр. 224—225.

владений афганского эмира Шир-Али-хана привело бы к осложнениям и столкновениям между Афганистаном и Бухарой. Русское правительство считает наиболее целесообразным установить промежуточную зону на территории этих независимых государств — Бадахшан и Вахан»¹.

В отношении северо-западной границы, начиная от Ходжа-Салеха, русские данные также поставили под сомнение фактическое владение Шир-Али-ханом городами Ахча, Сарыпуль, Маймане, Шибирган и Андхой.

Эти районы отделены от Бухары пустыней и их включение в пределы Афганистана не вызывало бы таких возражений, какие возникли в отношении северо-восточной зоны. Английское правительство вновь не согласилось с предложениями России, искусственно подогревало антирусскую пропаганду, распространяя версию о том, что русские непрерывно продвигают свои границы к Афганистану. Однако шумиха, поднятая английским правительством, служила для него ширмой, прикрываясь которой оно намеревалось развернуть новую кампанию для подготовки к вытеснению России из Средней Азии.

Русское правительство, стремясь нормализовать свои отношения с Англией, вслед за вручением русской ноты от 7 декабря 1872 года, послало в Лондон со специальной миссией графа Шувалова. В беседах с государственными деятелями Великобритании Шувалов дал понять, что в России встревожены чрезмерным возбуждением англичан в связи со среднеазиатским вопросом².

В ответ Гренвилл заявил, что «существует большая подозрительность в отношении того, что действительно задает нашу честь и интересы, что англичане особенно чутки ко всему, что касается Индии...»³.

Что же касается афганского вопроса, то существенным расхождением между англичанами и русскими снова явился Бадахшан и Вахан... Соглашение не было достигнуто⁴. Визит Шувалова не имел успеха и не вызвал изменения английской политики по отношению к Средней Азии.

¹ Письмо Горчакова Бруннову 7 декабря 1872 г., *Parl Papers*, 1873, LXXV, p. 7.

² *W. Habberton* op. cit., p. 31—32.

³ Гренвилл Лофтусу, 8 января 1873 г., *Parl Papers*, LXXV, p. 13.

⁴ Там же.

24 января 1873 года Гренвилл отверг предложение русского правительства о Бадахшане и Вахане и снова настаивал на том, что афганский эмир владел Бадахшаном и Ваханом, завоевав эти страны, но не взял на себя общего управления завоеванными территориями, лишь назначил там губернатора, что не умаляет его власти. Если же Россия и Англия признают эти территории независимыми, то афганский эмир, говорил Гренвилл, может прибегнуть к оружию. Бухара в таком случае воспользуется моментом, чтобы присоединить эти области и мир в Средней Азии будет нарушен¹. Английский министр иностранных дел потребовал от русского правительства признания принадлежности Бадахшана и Вахана к Афганистану. Вся эта упорная дипломатическая борьба между Англией и Россией показала агрессивные стремления англичан. Англия не теряла надежды поднять антирусское восстание в Средней Азии.

Русское правительство, еще раз убедившись во враждебности Англии, активизировало свою завоевательную политику в Средней Азии и принимало необходимые меры для укрепления здесь своих позиций. В то же время, чтобы несколько успокоить возбужденное общественное мнение в Англии и Афганистане и таким образом обеспечить свои планы в Средней Азии, царское правительство решило пойти на значительные уступки. Исходя из этих соображений, 19 января 1873 года русское правительство заявило, что оно согласно принять пограничную линию такой, какой ее предложила Англия. Русское правительство выражало уверенность, что Англия повлияет на Шир-Али-хана с тем, чтобы он держался мирной политики и отказался от дальнейших наступательных действий².

Соглашением 1873 года закончились переговоры между Англией и Россией, начавшиеся в 1869 году. Соглашение состояло из следующих основных пунктов:

1. Все земли, находящиеся в тот момент в фактическом владении Шир-Али-хана, должны рассматриваться как территория Афганистана. Англия со своей стороны

¹ Переговоры по вопросу Афганского разграничения, ч. 2, стр. 21—23.

² Горчаков — русскому послу Бруннову. Переговоры по вопросу афганского разграничения, стр. 25.

обязывается употребить все свое влияние на то, чтобы заставить Шир-Али-хана придерживаться мирной политики, а Россия должна таким же образом воздействовать на эмира бухарского.

2. Устанавливаются северные и северо-западные границы Афганистана (они были неполными и нескончательными.— *Ф. Ю.*).

3. Россия повторно заявляет о том, что Афганистан полностью находится вне сферы ее влияния¹.

Таким образом, соглашение 1873 года опровергает утверждение англичан об агрессивности русской политики на Среднем Востоке и подтверждает стремление России даже ценой серьезных уступок предотвратить конфликт с Англией. Следует отметить, что на примере соглашения 1873 года ясно видна колониальная политика английских империалистов и русского царизма в Средней Азии. Они, опираясь на военную мощь бесцеремонно, без участия самих народов, в своих империалистических интересах, решали судьбу миллионов населения южного Туркестана.

Между тем соглашение 1873 года не разрешило англо-русских противоречий в Средней Азии. Часть английских политиков на страницах печати высказывали свое недовольство соглашением: «Англичане связали себя сами по рукам и ногам (подписанием соглашения 1873 г.— *Ф. Ю.*), отказавшись от всякого движения за пределы Кветты, предоставляя при этом полную свободу перехода русских войск через ханства, вплоть до самой границы своего союзника эмира афганского»².

* * *

Английская правящая верхушка, несмотря на заключение соглашения с Россией, продолжала разведывательную деятельность в Средней Азии. Английские империалисты стали использовать для усиления своей агентурной работы на Среднем Востоке Турцию, развернули анти-русскую пропаганду в Иране. Как указывалось в теге-

¹ Горчаков — Бруннову 31 января 1873 г., *Parl Papers*, 1873, LXXV, p. 15—16.

² Внешняя политика Англии и Среднеазиатский вопрос. «Вестник Европы», 1875, стр. 867.

ранской печати, в задачи этой пропаганды входило — «...уверить персидского шаха, что поход России против Хивы знаменует не более, не менее, как подготовка к полному занятию Ирана русскими войсками и, в конце концов, на берегу Персидского залива воздвигнется новый Севастополь»¹.

Провокационные действия англо-турецкой агентуры не имели в Иране большого успеха. Здесь было известно, что Россия в этот период старалась в своих отношениях с Ираном придерживаться мирной политики. Наоборот, активизация англичанами разведывательной деятельности против России была не в интересах Ирана.

9 августа 1874 года из министерства иностранных дел сообщили генерал-губернатору Туркестана о том, что во второй половине мая в Тегеран прибыл английский офицер Нэпир — сын лорда Нэпира, главнокомандующего англо-индийской армией. Он будто бы собирался ехать в Европу, но вдруг отказался от своего намерения под тем предлогом, что надеялся получить назначение адъютанта при своем отце и поэтому решил вернуться в Индию через Хорасан и Афганистан.

Во время своего пребывания в Тегеране Нэпир старался выведать у членов русской миссии сведения о новых приобретениях России в Средней Азии и спрашивал, не может ли русский посланник в Тегеране дать ему рекомендательное письмо к туркестанскому генерал-губернатору. Получив отказ, он больше к этому вопросу не возвращался².

9 февраля 1875 года русский консул в Астрабаде сообщил в Петербург, что английский агент Нэпир прибыл в Мешхед и оттуда посылает своих агентов в Хорасан, Герат и Мерв и завязывает активные сношения с Якуб-ханом (сыном Шир-Али-хана — *Ф. Ю.*) и туркменами Теке³.

Деятельность английской разведки в Иране, а также в Мерве дала для англичан некоторые результаты. Подстрекая Якуб-хана, в то время правителя Герата, против своего отца, эмира Афганистана Шир-Али-хана, Англия снабжала оружием враждебно настроенные против России туркменские племена, что может подтвердить следу-

¹ Туркестанский сборник, т. 75, стр. 148.

² ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 1, д. 61, док. 223.

³ Там же, д. 62, док. 29.

ющее сообщение: «Теперь через Герат англичане снабжают оружием туркмен, желающих тревожить русских в Закаспийском крае»¹.

Экспансионные стремления англичан не ограничились Афганистаном и туркменскими оазисами, их планы преследовали далеко идущие цели. В то время, когда Россия начала военную экспедицию против Хивинского ханства, англичане стремились через своих агентов оказать давление на хивинского хана и помочь ему в борьбе с Россией. Газета «Арми энд Нэйв газетт» сообщала о путешествии в Хиву капитана конногвардейского полка Бэрнебэ, который побывал в Средней Азии и встретился с Хивинским ханом, что до сих пор удалось лишь трем английским агентам².

Русские власти через посла в Лондоне добились приказа английской администрации о немедленном возвращении капитана Бэрнебэ из Хивы. Эта же газета выступила с интересным признанием: «русские имеют много причин не желать появления английских путешественников на территории, лежащей между их границами и Индией»³.

Если английские колонизаторы думали честно выполнять свои обязательства, указанные в соглашении 1873 года, зачем им понадобилось тайное обследование Аму-Дарьи до военного форта Петро-Александровск и тайные связи с Хивинским ханом, направленные под различными предлогами в Среднюю Азию военных и политических агентов.

Эти факты свидетельствуют, что «дружественное» соглашение об афганской границе не приостановило, а наоборот, разожгло захватнические стремления в Средней Азии как русских, так и англичан.

Русскому царизму удалось опередить английских колонизаторов и завладеть среднеазиатскими ханствами. Агрессивный, захватнический характер российской политики определялся интересами русских помещиков и капиталистов, но несмотря на успешное продвижение в Средней Азии, царское правительство ставило ограниченные, реально выполнимые задачи.

Англо-русское соглашение 1873 года не разрешило споров об афганской границе. В то же время земли между Аму-Дарьей и Гундукушем были присоединены к владениям афганских эмиров: «узбекские ханства левого бережья Аму-Дарьи были превращены в провинцию Афганистана»¹.

¹ «Народы Передней Азии», Изд-во АН УзССР, М., 1957, стр. 156.

¹ М. Веников. Россия и Восток. СПб., 1877, стр. 223.

² Туркестанский сборник, т. 196, стр. 98; «Русский мир», № 88, 1876.

³ «Русский мир», № 88, 1876.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ АНГЛИЙСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ В АФГАНИСТАНЕ
В 70—80 ГОДАХ XIX в.

Еще в первой половине XIX в. британское правительство выдвинуло своеобразное объяснение англо-русским отношениям в Азии. Согласно английской версии — «Россия непрерывно надвигалась на подступы к Индии», захватывая одну область за другой, сама же Англия лишь «обороняла» свои индийские владения и «защищала» неприкосновенность Отоманской империи, через которую пролегает как бы мост из Европы в Индию¹. Британские колонизаторы, разжигая англо-русские противоречия в Европе и на Востоке, прикрывали свои агрессивные действия в этих странах необходимостью «обороны Индии» от опасности со стороны России, в то время проводившей присоединение Средней Азии.

Английская буржуазная историография в течение столетия использует эти фикцию для оправдания своей колониальной политики на Востоке, дезориентирует общественное мнение, в свое время запуганное «русской угрозой». Так, например, один из крупных чиновников колониальной администрации в Индии Олаф Кэро утверждал: «Англичане в Индии сочли своим долгом заняться вопросом защиты индийской северной границы. Они вынуждены были принять меры, какие представлялись им возможными для того, чтобы быть уверенным, что Персию и Афганистан не постигнет участь Коканда (Ферганы), Бухары, Хивы и Кавказа»².

Выступая с таким утверждением, Кэро предпочитает «забыть», что в 1876 году английские колонизаторы сумели подчинить себе владения площадью в 22,5 млн. кв.

км с населением 251,9 млн. человек¹. Правящие круги Великобритании мечтали о дальнейшем расширении колоний. «Жемчужина Британской короны» — Индия использовалась Англией как плацдарм для агрессивного проникновения в Китай, Иран, Афганистан и Среднюю Азию.

В то время царское самодержавие несколько ослабило действия на Балканах и Ближнем Востоке и все внимание направило на укрепление своих позиций в Средней Азии. Царизм вел в этих краях активную захватническую колониальную политику.

Английские буржуазные историографы и военные публицисты усердно раздували выгодную английским империалистам версию о «русской опасности», «русской угрозе» и призывали к «обороне Индии». Мировой книжный рынок был наводнен книгами, авторы которых пытались доказать наличие нависшей над Индией опасности со стороны России и призывали свое правительство к решительным действиям. Такой подстрекательский характер носили книги: Г. Рауликсена «Англия и Россия на Востоке» (1875 г.); А. Дехневали «Великое русское завоевание Индии» (1879 г.), Лакооста «Научная граница или угроза русского захвата Индии» (1881 г.), Ч. Марвина «Русское продвижение к Индии» (1882 г.), А. Вамбери «Будущая борьба за Индию» (1885 г.), Бетти Бальфур «История административной деятельности лорда Литтона в Индии в 1876—1889 гг.».

Основная цель этой литературы — дезориентировать мировое общественное мнение. Значительный интерес в этом отношении имеет книга Бетти Бальфур, дочери вице-короля Индии лорда Литтона².

Автор опубликовала немало официальных документов, например, переписку Литтона с английскими министрами, директивы британского кабинета вице-королю, переписку его с англо-индийской пограничной администрацией, документы дипломатических сношений с афганским эмиром Шир-Али-ханом и, наконец, выдержки из дневника Литтона. Многие из этих материалов сами по себе разоблачают истинную сущность английской

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 245.

² Balfour, Betty, The History of Lord Lytton's Indian Administration, 1876—1889: Compiled from Letters and Official Papers. London, New and Bombay, 1899.

¹ История дипломатии, т. II, стр. 26.

² Журнал «Сентрал эйшн ревью», № 2, 1958, стр. 210.

агрессивной политики на Среднем Востоке и Средней Азии, прикрывавшейся воплями о мнимой угрозе Индии, и призывали к ее защите.

Что касается России, то в то время внутреннее экономическое, политическое и военное положение ее было настолько сложным, что царское правительство не могло и помышлять о завоевании Индии. Если и были представлены правительству России некоторые проекты «индийских походов», руководящие военные деятели России оценивали их как химерические и считали ненужной затеей. Нет никакого сомнения, что в конце XIX и в начале XX века Россия никогда не ставила вопрос о завоевании Индии.

Наоборот, правящие и военные круги Великобритании и англо-индийское правительство сами распространяли слухи о «русской опасности», используя эту версию для развертывания колониальных захватов стран северо-западной Индии, особенно непокорных и свободолюбивых народов Афганистана. Это легко доказать.

«Все правители Индии, — пишет Бетти Бальфур, понимали опасность России и желали, чтобы она оставалась на расстоянии от Северо-западной пограничной провинции Индии. Это мнение они высказывали, предлагая ему (Афганистану — Ф. Ю.) свою «дружбу», но в то же время указывая, что если нет дружбы, то в резерве может сказаться сила»¹.

Как видно, речь шла об открытой военной интервенции, если «дружба» оказалась бы отвергнутой. Лорд Литтон как раз и был сторонником таких взглядов. В предисловии к своей книге Бетти Бальфур отметила, что «одной из целей настоящей книги является изложение защиты самим лордом Литтоном этой политики, поскольку политика пассивности, по его мнению, не достигала целей, на которые она была рассчитана»².

Таким образом положение было вовсе не таково, будто бы Россия наступала, а Англия оборонялась. В Средней Азии сталкивались два встречных потока экспансии. И Россия и Англия вели наступательную политику, и при этом обе опасались друг друга³.

¹ Balfour Bettu, op. cit., p. 7.

² Там же.

³ История дипломатии, т. II, стр. 26, М., 1945 г.

Русский империализм вследствие общей политической, экономической, а также военной слабости (а в дальнейшем и все возрастающей зависимости от более развитых капиталистических держав) и особой остроты внутренних противоречий не мог серьезно думать о завоевании Индии.

Начало осуществления английской наступательной политики на страны северо-запада Индии Бальфур связывает с именем своего отца. Она писала: «с началом осуществления этой политики должно быть всегда связано имя лорда Литтона и, несмотря на русскую оппозицию, которую она возбудила в его время, эта политика, которой с тех пор почти непрерывно держались его приемники»¹.

Активность колониальной политики Англии в эти годы в значительной мере обуславливалась событиями конца 60-х годов XIX в. В эти годы индийская печать забила тревогу по поводу продвижения России в направлении афгано-индийской границы. Высшие военные политики Англии призывали правительство к активным действиям против России. 29 июля 1868 года военный публицист Генри Роулинсон² подал английскому правительству записку, в которой указывал, что Россия с оккупацией Бухары получит предлог для вмешательства в политику Афганистана. Роулинсон считал, что если Россия сможет добиться преобладающего политического влияния в Афганистане, то это может повести к подрыву главенствующего положения Англии на Среднем Востоке и произведет ошеломляющее впечатление на народы Востока. Роулинсон прямо ставил перед правительством вопрос: «имеем ли мы право допускать, чтобы Россия беспрепятственно проложила себе путь в Кабул и утвердилась в нем в качестве дружественной державы, готовой поддержать афганцев против Англии?»³. Высказывания Роулинсона отражали активизацию английской колониальной политики в Афганистане.

¹ Balfour Bettu, op. cit., p. 7.

² Генри Роулинсон в период второго правления шаха Шурджи был английским агентом в Кандагаре, затем он приобрел большую известность среди английских политиков.

³ «Русская старина», 1902 г., «Россия и Англия в Афганистане», стр. 678.

Это видно хотя бы из меморандума от 25 ноября 1868 года, который издал вице-король Индии лорд Лоуренс. В нем говорилось, что «продвижение России в Средней Азии является актом, который может серьезно задеть интересы Англии и Индии... а поскольку это так, мудрая и осторожная политика не даст желаемого результата». «У меня нет и тени сомнения,— писал Лоуренс,— что если нависла угроза страшного вторжения в Индию с запада, афганцы в массе, начиная от нынешнего эмира до домашнего раба, с готовностью присоединились бы к нему...». Вывод из этого был такой: «...России следует заявить о том, что продвижение ее к Индии дальше известной точки повлечет за собой войну с Англией в любой части света»¹. Это были пустые угрозы, так как мы знаем, что в то время Россия и не помышляла о дальнейшем продвижении в направлении Афганистана, что понимали многие трезвые английские дипломаты. Например, один из вице-королей Индии лорд Мэйо в письме к британскому политическому деятелю герцогу Аргайлю отмечал следующее: «Индийская печать ежедневно с каким-то иступлением доказывает, будто бы эмир Афганистана Шир-Али-хан находится совершенно в руках России и Персии... Подобное возбужденное настроение производит нередко пагубное влияние на нервных политических людей, внушая им нелепый страх и бессмысленную подозрительность»².

Аргайль, занимавший в то время пост статс-секретаря по Ост-Индским делам, был согласен с лордом Мэйо. Он здраво оценивал задачи колониальной политики Великобритании в странах северо-запада Индии и в Афганистане, указывая, что для успеха английской политики полезно взаимное соглашение с Россией, чтобы дать ей возможность не только «обуздать диких кочевников, но даже и подчинить своему влиянию фанатические правительства Бухары и Коканда»³.

«В течение сорока лет, писал далее Аргайль,— мы завоевали и присоединили Ауд с 11-миллионным населением, покорили Синд, в котором не менее 2 миллионов, завоевали Пенджаб с 17-миллионным населением. Таким

¹ Balfour, op. cit., p. 9.

² История сношений Англии с Афганистаном, рассказанная англичанином, «Русский вестник», № 7, 1879, стр. 266.

³ «Русский вестник», № 7, 1879, стр. 262.

образом, в наших руках очутилось 30 миллионов новых подданных. России не утнаться за нами, особенно если принять в расчет, что наши приобретения несравненно важнее приобретений России в Средней Азии»¹.

Даже эти выдержки из письма английского сановника бесспорно доказывают, что под предлогом мнимой русской угрозы Индии сами англичане осуществили колониальные захваты, стремясь распространить свое влияние в Афганистане. Чтобы полностью разоблачить фальсификаторов истории, стремящихся показать Англию как верного «друга» афганского народа следует подробнее остановиться на коварной агрессивной политике «кну-та и пряника», проводимой Англией в Афганистане.

В 1868 году после длительной междоусобной войны на эмирский трон пришел сын Дост-Мухаммед-хана — Шир-Али-хан, который выразил согласие на помощь Англии. Вице-король Индии Лоуренс поспешил воспользоваться согласием эмира.

Сообщая об этом своему правительству, Лоуренс подчеркивал, что «одним из условий, на которых можно было бы предоставить помощь афганскому эмиру для упрочения его власти, является его согласие на посылку нами в любое время туземных агентов в Герат, Кандагар и другие пограничные пункты Афганистана»².

Лоуренс предложил эмиру оружие, денежные средства, однако поспешность Лоуренса насторожила эмира и он не принял английского дара. На помощь английским дипломатам снова пришел Роулинсон, рекомендовавший Министерству по делам Индии следующие шаги в отношениях с афганским эмиром: признав Шир-Али-хана эмиром, предоставить ему денежную субсидию и вооружение, за что эмир должен принять представителя Англии при Кабульском дворе, англичанина по происхождению, который мог бы вплотную заняться наблюдением за событиями на месте и наилучшим образом организовать сотрудничество между обеими странами по вопросу о проведении совместной внешней политики; восстановить утраченное влияние в Тегеране; завершить работу по строительству военной железной дороги в Индии и довести ее до границы; оккупировать город Кветту при ус-

¹ «Русский вестник», № 7, 1879, стр. 263—264.

² Balfour, op. cit., p. 18.

ловии согласия со стороны эмира и руководящих деятелей Афганистана¹.

Свидетельством того, что английские политики следовали рекомендациям Роулинсона, являются переговоры с эмиром Афганистана, которые велись в Амбале.

Мэйю, вступивший вскоре на пост вице-короля Индии, организовал 27 марта в городе Амбале встречу с афганским эмиром. Перед началом переговоров Шир-Али-хан заявил: «Я прибыл в Амбалу не для возобновления договора, заключенного между Англией и Афганистаном в 1855 году, по которому Афганистан должен был считать «друзей английского правительства своими друзьями, а его врагов—своими врагами». Когда в Афганистане вспыхнули восстания, Англия не оказала помощи. Поэтому я возвращаю Вам деньги и оружие, которые Вы послали мне, в дальнейшем я не смогу заключить с вами договора о дружбе»². Афганский историк сообщает, что на это вице-король заявил, что следует забывать прошлое и выработать новые принципы для установления дружбы между Англией и Афганистаном.

В свою очередь, Шир-Али-хан выдвинул на обсуждение следующие предложения:

1. английское правительство должно предоставить Афганистану денежную помощь; 2. вся власть в Афганистане принадлежит Шир-Али-хану и членам его семьи. Наследным принцем признается Абдулла-хан; 3. договор о дружбе должен содержать взаимные обязательства: если Афганистан будет считать «друзей Англии своими друзьями, а ее врагов—своими врагами», то и Англия должна поступать так же; 4. строительство оборонительных сооружений в пограничных районах Афганистана будет проводиться английскими инженерами и техниками, что же касается расположения на территории Афганистана английских войск, то этот вопрос должен разрешаться эмиром Афганистана; 5. англо-индийское правительство окажет эмиру поддержку в борьбе против внутренних врагов.

¹ Argull, dull of The Eastern Que stion From the Treatu of Paris 1856 to the Freatu of Berlin 1878 and to the Seconde Afghan War, London, 1879, op. cit, p. 23—21.

² Файз Мухаммед-хан. «Спраджи ат-товарих», т. II, стр. 316—317.

Ни одно из этих предложений не было принято англичанами¹.

Перед окончанием переговоров Шир-Али-хан получил английское заявление следующего содержания:

«Английское правительство не имеет намерений вмешиваться во внутренние дела Афганистана, но, желая еще больше укрепить дружественные отношения между Англией и Афганистаном, оно будет рассматривать любые мероприятия, направленные на ослабление Вашего государства как нежелательные. И время от времени будет оказывать помощь для укрепления Вашего государства... Европейские представители не будут назначаться в города, находящиеся под Вашей властью»². Само содержание заявления свидетельствует о безрезультатности переговоров в Амбале.

Впоследствии итоги переговоров были официально изложены в двух документах. Один из них был составлен лордом Литтоном, а другой Министерством иностранных дел по своей вероятности также на основании информации Литтона. Оба документа были составлены тенденциозно и искажали существо переговоров. Даже Аргайль вынужден был признать, что документы искажают ход переговоров. В документах сказано: «перед свиданием в Амбале, Шир-Али-хан был уже сильно напуган действиями русских в Средней Азии», вследствие чего Ост-Индийскому правительству было бы нетрудно добиться от него весьма важных уступок³.

Аргайль опровергает такое заключение, указывая, что с самого начала переговоров Шир-Али-хан совершенно основательно выражал недовольство соглашением, заключенным с его отцом, выгодным только англичанам. Поэтому Шир-Али-хан заявил: «Хотите ли, чтобы я был предан вам? В таком случае будьте же и вы «друзьями моих друзей» и «врагами моих врагов».

Аргайль утверждает, что намеки вице-короля и других представителей Англии об опасности Афганистану со стороны России не убедили эмира, который считал, что пройдет еще много времени, прежде чем русские покажутся в Афганистане⁴.

¹ «Русский вестник», № 7, 1879, стр. 262.

² Argull, op. cit. p. 45—46.

³ «Русский вестник», № 7, 1879; стр. 267.

⁴ Там же, стр. 268.

О какой же русской экспансии в Афганистан утверждают буржуазные английские историографы? Все их утверждения не соответствуют историческим фактам.

В 1870 году один из самых опасных противников афганского эмира — сердар Абдурахман-хан, не добившись успехов в междоусобной войне, выехал в русский Туркестан. Будучи хорошо осведомленным о противоречиях между Англией и Россией, Абдурахман-хан рассчитывал на помощь царского правительства против Шир-Али-хана. В Ташкенте он добивался от туркестанского генерал-губернатора Кауфмана помощи в борьбе против Шир-Али-хана, обещая в случае успеха превратить Афганистан в русский оплот против англичан¹.

Руководствуясь указаниями своего правительства «не усиливать англо-русских противоречий из-за Афганистана», Кауфман отказался помогать Абдурахман-хану. Тем не менее, русское правительство разрешило ему с приближенными поселиться в Самарканде с условием отказать от каких-либо сношений с Афганистаном.

Понимая, что пребывание Абдурахмана в Туркестане может вызвать подозрения афганского эмира и получить неверное освещение в Англии, Кауфман сообщил Шир-Али-хану о прибытии Абдурахмана в русский Туркестан. При этом он подчеркнул, что русское правительство не намерено оказывать Абдурахману никакой помощи и запретило ему возвращаться в Афганистан без согласия Шир-Али-хана. Кауфман заверил, что русское правительство желает поддерживать мир и дружественные отношения с Афганистаном².

6 августа 1870 года эмир в ответном письме выразил Кауфману благодарность за дружественное отношение к Афганистану и сообщил, что содержание письма сообщено англо-индийскому правительству³.

В 1873 году Россия завоевала Хивинское ханство и принудила хана подписать договор о покорности русскому царю. Русское правительство, придерживаясь в своей политике договора 1873 года, чтобы успокоить афганское правительство, известило Шир-Али-хана через Кауфмана о присоединении Хивинского ханства и под-

твердило желание России «впредь поддерживать с эмиром Афганистана дружеское отношение».

Кауфман писал: «Я надеюсь, что цепи дружбы, существующие в настоящее время между Россией и Афганистаном, в будущем увеличатся и станут крепкими благодаря последнему союзу между императором Всероссийским и королевой Великобританией»¹.

Однако и письмо Кауфмана, и выраженные в нем от имени русского правительства дружеские чувства не сыграли своей положительной роли.

Переписка Кауфмана с афганским эмиром опровергает утверждения об агрессивных настроениях русского правительства против Афганистана. Абдурахман-хан подтверждает это: «В течение первых семи лет моего пребывания в Туркестане русские настаивали на том, чтобы я не имел абсолютно никакой связи с Афганистаном, под тем предлогом, что они связаны договорами, обязательствами с англичанами воздерживаться от вмешательства в дела Афганистана. После они говорили мне, что Шир-Али-хан установил дружбу с ними и, следовательно, они не могут позволить мне нарушить спокойствие их друга»².

Русский царизм в то время продолжал колониальную, захватническую политику в Средней Азии: русские войска приближались к северной границе Афганистана.

Вероятно это обстоятельство толкало афганскую правящую верхушку искать поддержки у англичан.

Летом 1873 года вице-король Нортбрук пригласил Шир-Али-хана приехать в Индию для обсуждения интересующих обе стороны политических проблем, в том числе о северной границе Афганистана. Однако эмир, будучи разочарованным результатами своей первой поездки в Индию, а также итогами конференции в Амбале, послал вместо себя своего визиря Сеида Нур Мухаммеда³.

5 июля вице-король открыл совещание заявлением, что «британское правительство выражает готовность всеми своими силами защитить границы Афганистана от иностранной агрессии, но при условии, если эмир даст согласие принять британские рекомендации по всем

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, д. 40, док. 23.

² Там же, д. 65, л. 14.

³ Там же.

¹ Balfour, op. cit, p. 12.

² То же. 410.

³ Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX веке, стр. 340.

внешнеполитическим вопросам и откажется от вмешательства в споры соседних стран по территориальным вопросам¹. Сеид Нур Мухаммед ответил Нортбруку: «народ Афганистана весьма встревожен быстрым продвижением русских в Средней Азии и не успокоится до тех пор, пока ему не будет оказана достаточно эффективная помощь»².

Вице-король по телеграфу запросил Лондон, правительство Великобритании и со своей стороны предложил «заверить афганцев, что правительство поможет эмиру (деньгами, оружием и войсками) в случае необходимости, чтобы отразить... нападение, если он безоговорочно будет принимать наши требования в иностранных делах его страны». Бетти Бальфур пишет, что английское правительство отнеслось резко отрицательно к предложению вице-короля³. Министр по делам Индии просил передать эмиру, что «его тревога неуместна, так как у англичан нет никаких опасений в отношении намерений России, и заверения русских они считают вполне достаточными, но если нападение все же произойдет, эмиру предлагалось обратиться к англичанам»⁴.

Заявление министра еще раз доказывает, что русское правительство не помышляло о нападении на Афганистан, а тем более на Индию. Оно было занято укреплением своих позиций в Средней Азии. Россия, будучи по сравнению с Англией более слабой в экономическом отношении, не решалась бы начать военные действия против Англии из-за Афганистана, что было хорошо известно правительству Великобритании. Однако, несмотря на это, англичане усиливали антирусскую пропаганду.

Шир-Али-хан возлагал большие надежды на переговоры, но результаты конференции оказались ничтожно малыми. Нортбрук, получив директивы своего правительства, упрекал представителей эмира: «предоставление Афганистану гарантий от агрессии является великой милостью Англии, за что эмир должен выразить англичанам благодарность». Сеид Нур Мухаммед ответил: «В таком случае за что же мы должны благодарить Вас, если

все, от начала до конца, делается для вас и в ваших интересах?»¹.

Тогда английская сторона раскрыла свои истинные намерения, вновь повторив просьбу о направлении в Кабул и в крупнейшие провинции Афганистана (Мазари-Шериф, Герат и Кандагар) английских политических и военных представителей². Представитель эмира ответил, что «он не думает, чтобы эмир согласился с этим, что касается его приезда, то он приехал исключительно по приглашению английских властей, чтобы выслушать предложения и просьбы английского правительства, он не уполномочен принимать определенное решение именно по этому вопросу». Наоборот, он сказал, что «...он, как друг англичан, советует правителям Индии в интересах обеих сторон не обращаться к эмиру с просьбой принять представителей в какой-либо пункт Афганистана»³. Англичане и на этот раз отклонили просьбу эмира.

После возвращения афганской делегации в Кабул отношения между правительствами Афганистана и Индии заметно ухудшились, а спустя меньше чем два года произошли очень важные изменения в отношениях с русскими властями⁴.

Англичане по-своему истолковали новую позицию афганского эмира. Они считали, что с получением письма Кауфмана у Шир-Али-хана «произошло первое значительное изменение в тоне его собственной переписки с вице-королем... До тех пор ни один эмир Кабула не осмеливался обращаться к вице-королю Индии в письмах, не написанных от собственного имени эмира и не подписанных им собственноручно. В нарушение этого установившегося этикета Шир-Али теперь обратился к вице-королю через одного из афганских министров»⁵.

Еще одно доказательство, что не Россия, а Англия относилась к Афганистану со свойственным колонизатору высокомерием, что оскорбляло афганского эмира. Это явилось причиной обострения англо-афганских отношений.

¹ Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX веке, стр. 340.

² Там же, стр. 341.

³ Balfour, op. cit., p. 13—14.

⁴ Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX веке, стр. 341.

¹ Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX веке, стр. 343.

² Там же.

³ Argull op. cit., p. 101.

⁴ Balfour, op. cit., p. 15.

⁵ Balfour, op. cit., p. 12.

Кроме того, в 1872 году англичане, выступая в качестве арбитра при рассмотрении пограничных споров между Ираном и Афганистаном об использовании вод реки Гильменд вместо того, чтобы окончательно урегулировать спорный вопрос, не случайно еще больше запутали его, что привело к обострению отношений между Афганистаном и Ираном.

Недовольство эмира действиями британского правительства особенно усилилось после вмешательства Англии в дела престолонаследия. Представитель Англии сообщил о недовольстве английского правительства отношением эмира Шир-Али-хана к принцу Мухаммед-Якуб-хану, которого англичане хотели видеть наследником престола: «до тех пор, пока эмир не уладит свои отношения с сыном, едва ли можно ожидать улучшения отношений между эмиром и британским правительством»¹.

Эмир, несмотря на прямое указание английского правительства, принял самостоятельное решение. Он провозгласил наследником афганского престола принца Абдуллу-хана, а не старшего сына Якуб-хана, поддерживаемого англичанами.

В июле 1874 года, когда Шир-Али-хан официально объявил наследником престола Абдуллу-хана, его старший сын Мухаммед Якуб-хан поднял в Герате, где он был правителем, восстание, поддержанное англичанами. Восстание было подавлено, а Якуб-хан заточен в тюрьму.

Решение вопроса о престолонаследии в Афганистане русское и английское правительства встретили по-разному. Генерал-губернатор русского Туркестана писал эмиру: «Я надеюсь, что сердар Абдулла-хан последует вашему примеру и станет союзником и другом империи»². Содержание письма вице-короля Индии показывает, что действия эмира не понравились правительству Великобритании. Англии желательно было иметь наследника афганского престола и правителя Герата английской ориентации. Герат как в стратегическом, так и в экономическом отношении был необходим для укрепления английской позиции в Афганистане и Среднеазиатских странах.

¹ *Argull*, op. cit, p. 117.

² *Balfour*, op. cit, p. 12.

22 января 1875 года лорд Солсбери направил письмо лорду Нортбруку, выражающее беспокойство состоянием дел в Афганистане: «правительство Англии, чтобы знать о том, что происходит в Афганистане и на его границах вынуждено полагаться главным образом на косвенную разведку, сведения которой доходят до него через Министерство иностранных дел. Необходимо, чтобы вице-король принял меры настолько быстро, насколько позволяют ему обстоятельства, и добился согласия эмира на учреждение британского агентства в Герате, ...когда это будет сделано, может оказаться желательным сделать аналогичный шаг в отношении Кандагара». Далее он добавил: «Я не рекомендую сходного мероприятия в отношении Кабула, так как я понимаю трудности, возникающие вследствие фанатической грубости народа»¹.

Солсбери не решался требовать учреждения английской резиденции в Кабуле по той простой причине, что афганский народ не забыл еще тех насилий и разрушений, которые чинили английские колонизаторы во время первой англо-афганской войны. Не фанатической грубостью народа, а его борьбой за независимость страны должны были объяснить английские чиновники свои колебания по поводу учреждения британского агентства в столице Афганистана — Кабуле.

Сбор информации о Средней Азии и Афганистане через эти агентства должен был быть таким же, как в туземных индийских княжествах, где резиденты держали в своих руках всю полноту власти, а местные раджи и матараджи лишь номинально считались представителями местной власти. Британское правительство обязало вице-короля Индии добиваться от эмира принятия английских требований.

7 июня 1875 года Нортбрук сообщал в Лондон: «Мы согласны с правительством, что, учитывая перспективы в Туркестане, было бы желательно, чтобы в Герате находился британский офицер. Однако, чтобы успешно добиться такого результата, существенно необходимо получить искреннее согласие эмира». Нортбрук указывал, что «настоящий момент и обстоятельства неблагоприятны для того, чтобы проявить инициативу в таком вопросе».

¹ *Balfour*, op. cit, p. 19.

Поэтому сбор информации о туркестанской границе, по его мнению, нужно было вести через Персию¹.

Генри Роулинсон в своей книге «Англия и Россия на Востоке» рекомендовал британскому правительству занять Кандагар и Герат, так как «в противном случае это могут сделать раньше Англия, Россия и Иран».

Роулинсон предполагал, «что иранская армия, численностью в 50 тысяч человек, под командованием русских офицеров, может двинуться из Герата на Индию через Кандагар. Поэтому британскому правительству нужно, предупредив это заранее, оккупировать Герат и Кандагар»².

Так как вице-король Индии продолжал доказывать нецелесообразность немедленного нажима на эмира Афганистана с целью заставить заключить новое соглашение, 19 ноября 1875 года лорд Солсбери направил второе письмо в Индию. В этом письме министр иностранных дел Англии настоятельно требовал добиваться учреждения британского агенства в Афганистане, заставив эмира Шир-Али-хана принять английского представителя в Герате. «Надо дать понять эмиру,— писал он,— что если эмир не будет сотрудничать с Англией, то его независимости грозит большая опасность»³.

Естественно, что Нортбрук не отвечал требованиям британской агрессивной политики, которой придерживался Дизраэли.

12 апреля 1876 года на пост вице-короля Индии вступил лорд Литтон — сторонник активных действий. Через 12 дней он направил Шир-Али-хану письмо с извещением о назначении английской миссии в Афганистан. Миссия в составе Люкса Нелли, доктора Беллью и майора Сент-Джона должна была лишь вручить послание, извещающее о вступлении в должность нового вице-короля⁴.

Весьма вежливо ответив на письмо Литтона, Шир-Али-хан категорически отказался от приема миссии: «если англо-индийское правительство имеет в виду

новые переговоры, то он выйдет в любое место своего доверенного представителя»¹.

Такой ответ эмира привел вице-короля в крайнее раздражение. Через своего представителя в Пешаваре Литтон передал Шир-Али-хану, что его действия «по собственной воле изолируют Афганистан от союза и поддержки британского правительства»².

Одновременно он направил письмо туземному агенту Англии в Кабуле вакилю Атта Мухаммеду, в котором также говорилось, что вся ответственность за отказ принять представителя Англии ляжет исключительно на правительство Афганистана³.

В октябре 1876 года Атта Мухаммед изложил вице-королю причины разногласий между Англией и афганским эмиром. По его мнению, высокомерное и оскорбительное отношение английских полномочных представителей к афганским руководителям, оккупация Белуджистана, создающая прямую угрозу Афганистану, отклонение англичанами договора о совместной обороне, недовольство фактической поддержкой англичанами восстания Якуб-хана и др.,— все это, естественно, вызывало возмущение афганцев и рост антианглийских настроений.

Однако Литтон не внял голосу разума и открыто заявил, что «английское правительство в состоянии наводнить Афганистан подавляющей военной силой... Если эмир останется нашим другом, то эта военная сила может быть развернута вокруг него как железное кольцо; но если он сделался нашим врагом, то она может сломить его как тростник». И далее: «положение эмира — положение глиняного горшка между двумя железными горшками»⁴.

Однако, понимая, что одними угрозами он ничего не добьется, Литтон поручил кабульскому вакилю Атта Мухаммеду передать Шир-Али: «Я готов заключить с ним, если он желает, договор о дружбе и союзе, предоставить ему помощь вооружением, людьми и деньгами. Но мы не можем этого сделать, пока эмир со своей стороны также не захочет предоставить нам права в защите его

¹ Balfour, op. cit, p. 22.

² Argall, op. cit, p. 154.

³ Там же.

⁴ Раскольников. Россия и Афганистан. «Новый Восток», № 4, 1923 г., стр. 30.

¹ Раскольников. Россия и Афганистан, «Новый Восток», № 4, 1923 г., стр. 30.

² Там же.

³ «Русская старина», 1902 г., стр. 680.

⁴ «Новое время», № 4, 1880 г.

границ путем установления резиденции британского агентства в Герате и других участках»¹.

Приведенные факты раскрывают содержание политики англичан по отношению к Афганистану — политики «кнута и пряника».

Посулы, лживые заверения в дружбе, угрозы, провокации, — вот методы, посредством которых английское правительство пыталось принудить Афганистан удовлетворить английские требования.

Англо-индийское правительство предложило афганскому эмиру начать переговоры, выслать своих представителей в Пешавар, где они могли встретиться с представителем англо-индийского правительства Льюисом Пелли. Одновременно Литтон, пытаясь запугать эмира, продолжал провокационные измышления о готовящемся нападении русских на Афганистан.

В это же время английские колонизаторы, укрепляя свои позиции в Белуджистане, вооружали Келат и Кветту, создавали здесь основной плацдарм для наступления на Афганистан. Разжигая гражданскую войну, англо-индийское правительство готовило вооруженную интервенцию в Белуджистан. Английский представитель в Келате майор Сандеман, действуя по указаниям Литтона, угрозами и шантажом вынудил правителя Келата удовлетворить требования англичан и подписать кабальный договор, по которому он согласился на передачу Кветты под протекторат англо-индийского правительства.

15 октября 1876 года Литтон доносил английской королеве: «Келатский хан согласился подписать со мной договор, условия которого сделают нас действительными хозяевами Келата»².

2 ноября английские войска оккупировали этот важный стратегический пункт, находящийся в непосредственной близости к пограничной провинции Афганистана — Кандагару. Занятием в этом году Гилгита, расположенного близ афганской границы, фактически было завершено стратегическое окружение Афганистана.

Вице-король счел нужным «для пользы дела держать договор в секрете до определенного времени». Предста-

вителем при дворе хана был назначен майор Сандеман и ему был подчинен агент в Кветте. Положительно оценив деятельность Сандемана, вице-король выразил уверенность, что «в дальнейшем Кветта будет местом нашего наиболее важного разведывательного отдела в отношении заграничной политики». «Как только усмирение Келата будет полностью обеспечено, — писал он Сандеману, — вашей главной дипломатической работой в этих ханствах будет расширение нашего влияния, как можно скорее из Кветты в направлении Кандагара»¹.

Все эти факты совершенно определенно раскрывают усиленную подготовку английских колонизаторов к захватнической войне против афганского народа. Чего стоят после этого потуги буржуазных фальсификаторов отрицать наглую агрессию Англии против Афганистана?

Английские угрозы и открытая подготовка к войне, провокации и шантаж вынудили Шир-Али-хана поставить требования англичан на обсуждение эмирского дурбара (совета). Члены дурбара после продолжительных дебатов высказались за отказ от английских предложений. Однако, не желая обострять отношения с Англией, афганский эмир послал своего первого министра Сеид Нур Мухаммеда в Пешавар для переговоров с представителями Англии. Англичане рассчитывали во время переговоров заставить Афганистан принять условия кабального договора.

27 января 1877 года Сеид Нур Мухаммед прибыл в Пешавар, где его ожидал представитель англо-индийского правительства Льюис Пелли, возглавлявший английскую делегацию. Основной целью переговоров было принудить Шир-Али-хана дать согласие на учреждение английских агентов в Афганистане.

Первая встреча между Пелли и Сеид Нур Мухаммедом состоялась 30 января, последняя 19 февраля².

В беседе с секретарем английской делегации Беллью Сеид Нур Мухаммед заявил, что «вопрос о допуске британских офицеров, чего так настойчиво добиваются англичане, возбудил подозрения эмира. Теперь эмир убежден, что допустить пребывание британских офицеров в его стране значит подорвать собственную власть». По-

¹ Balfour, op. cit., p. 7.

² Раскольников. Россия и Афганистан, «Новый Восток», № 4. 1923, стр. 31.

¹ Balfour, op. cit., p. 104.

² Там же, p. 134.

этому он скорее погибнет, чем подчинится этому. В заключение беседы Сеид Нур Мухаммед сказал: «Британская нация — великая и могучая, и афганский народ не может сопротивляться ее силе, но афганцы независимы и ценят свою честь выше жизни»¹.

Однако и после этого ясного ответа, представители Англии продолжали настаивать на допуске английских резидентов на афганскую территорию. Посланник эмира проявил твердость и категорически отверг требования английской делегации.

Вице-король 8 марта писал: «Из всего тона посланника эмира и его заявление относительно взглядов и чувств эмира, видно, что теперь он (Шир-Али-хан — Ф. Ю.) не желает нашего союза или защиты. Британское правительство не навязывает союза и защиты тем, кто их не ищет и не ценит»².

Последовавшая 27 марта смерть афганского посланника Сеид Нур Мухаммеда явилась лишь предлогом для Литтона, чтобы прервать переговоры. Несмотря на это, эмир Шир-Али-хан предписал помощнику главы афганской делегации продолжать переговоры и направил в Индию нового представителя — Хабибуллу-хана в сопровождении видных афганских сановников, которые, прибыв на границу, заявили о готовности к продлению переговоров.

Статс-секретарь по делам Индии в английском правительстве герцог Аргайл утверждает, что нового афганского представителя эмир будто бы уполномочил принять все требования Англии³. Однако в адрес Пелли поступила телеграмма вице-короля, в которой он предложил 30 марта прекратить работу конференции. Уполномоченный англо-индийского правительства Пелли, пренебрегая правилами дипломатического этикета, сообщил афганским представителям об окончании работы конференции, намекнув, что «будет лучше, если делегация поскорее вернется в Афганистан».

Чем же объяснить такие колебания афганского эмира от твердости в политике до прямого согласия на удовлетворение английских требований? Дело в том, что, убедив-

шись в лицемерии английского правительства, Шир-Али накануне русско-турецкой войны 1877 года решил искать сближения с Россией. Между ним и генерал-губернатором Туркестана фон Кауфманом началась дружеская переписка. Не исключено, что методом проволок переговоров с англичанами Шир-Али стремился выиграть время, чтобы заручиться поддержкой России.

Таким образом, переговоры были прерваны по инициативе и вине английской стороны. Бесцеремонное обращение англичан с посланником Хабибуллой-ханом глупо оскорбило эмира.

Несмотря на явно провокационные действия английской делегации и срыв переговоров, в Англии развернулась клеветническая кампания против афганского правительства и эмира.

Вице-король Литтон писал: «Все время переговоров эмир проявлял, впоследствии продолжал проявлять заметную враждебность по отношению к британскому правительству. В то время как его представитель вел дружественные переговоры, эмир неверно сообщал своим подданным, что «британское правительство нарушило свои обязательства и угрожало независимости его королевства».

Под этим лживым предлогом он объявил религиозную войну против британского правительства и активно пытался всеми способами не только возбуждать против нас пограничные племена, но также оказывать тайное давление на лояльность наших собственных подданных»¹.

Литтон далее утверждает, что «единственным предлогом, выдвинутым в оправдание этого поведения, является то, что его высочество считает недавнее размещение британского гарнизона в Кветте наносящим ущерб его отношениям с Келатским ханством и косвенной угрозой ему самому»².

Как видно, сам вице-король признает, что не афганский эмир, а английские колонизаторы начали агрессивные действия у границ Афганистана против Келатского ханства и, заключив с ним кабальный договор, разместили свои гарнизоны в Кветте.

¹ Balfour, op. cit., p. 131.

² Там же.

³ Argall, op. cit., p. 245.

¹ Balfour, op. cit., p. 156.

² Там же, p. 157.

После неудавшихся переговоров с Шир-Али-ханом, англичане от слов перешли к делу. Вскоре вице-король запретил перевозку оружия через Индию в Афганистан. С этого времени Шир-Али-хан понял, что в лице Англии он имеет коварного и сильного врага. Подозрения эмира усилились, когда до него дошли слухи о переброске большого количества английских войск к афганским границам.

30 марта 1877 года англо-индийские власти начали концентрацию военных сил на границе Афганистана, а в апреле развязали захватническую войну против афганских племен Джовак. Только через 9 месяцев после начала военных действий вице-король сумел сообщить своему правительству: «Теперь по крайней мере территория Джоваки находится под нашим надзором. Засняты на карту все пункты от края до края»¹.

О притеснениях англичан эмиру писали и пограничные афганские племена — патаны (пуштуны). Они сообщали: «Вот уже много лет, как правительство Индии шаг за шагом захватывает наши земли; желая укрепить за собой эти захваты, англичане понастроили много фортов на нашей территории, но мы никогда не согласимся признать себя подданными англичан или передать управление нашей страны в руки английских чиновников...»². Патаны просили эмира оказать им помощь в борьбе против английских захватчиков.

Афганское правительство и народ Афганистана готовились к оборонительной войне. Эмир не останавливался перед объявлением «джехада» — священной войны против английских захватчиков.

Бетти Бальфур сообщает, что эмир обратился к ахунду пограничного Свата с просьбой о помощи и вооруженном сотрудничестве, призывал его оказывать тайное давление на племена, расположенные непосредственно на границе и подстрекать их к враждебным актам против англичан. Для осуществления этих целей эмир вел переписку с вождями пограничных племен, получивших субсидии от индийского правительства.

¹ А. Шеманский. Средняя Азия, книга I, Ташкент, 1911 г., стр. 36.

² Там же.

Узнав об этом, индийское правительство предупредило вождей племен, «что они понесут тяжелую ответственность, которая ляжет на всех, кто помогает или действуют в любом акте агрессии против британской территории или британских подданных»¹.

Эти факты еще и еще раз свидетельствуют, что ведя активные военные приготовления против Афганистана, англичане не брезговали никакими средствами, вплоть до вооруженного давления на независимые пограничные афганские племена. Эти факты еще раз разоблачают английских фальсификаторов истории, которые, обеляя империалистических агрессоров, всячески пытаются представить англо-саксонских колонизаторов «защитниками» азиатских стран от мнимой «русской экспансии».

Литтон писал заместителю политического комиссара в Пешаваре, капитану Каваньяри: «Я думаю, что несколько месяцев, а возможно и несколько недель хватит на то, чтобы показать ему (Шир-Али-хану — Ю. Ф.), что он недостаточно силен, чтобы успешно вести эту игру. Я уверен, что мы никогда не допустим, чтобы Афганистан попал в руки какой-нибудь другой державы. Мы можем обойтись без Шир-Али, но он не может обойтись без нас. В недалеком будущем он должен либо потерпеть полное крушение, либо вернуться к своим старым мертвым якорям в Пешаваре»².

Однако в 1877 году до войны между Англией и Афганистаном дело еще не дошло.

Резкое обострение международной обстановки на Ближнем Востоке вследствие русско-турецкой войны 1877 — 1878 годов вынудило Англию временно отказаться от агрессии в Афганистане. Но составление планов агрессии и дипломатическая переписка продолжались.

8 апреля 1878 года Литтон писал в министерство по делам Индии лорду Крэнбруку: «...В начале русско-турецкой войны он (Шир-Али — Ф. Ю.) открыто хотел объявить «джехад» — «священную войну» не против русских, а против нас, англичан. Он высокомерен и переоценивает свои военные силы. Он азиат, и наша позиция во время русско-турецкой войны заставила его не-

¹ Balfour, op. cit., p. 159.

² Там же. p. 162.

дооценить нас... Изложенное мною таким образом положение приводит к следующим выводам в отношении наших действий здесь в случае войны с Россией: мы не можем пытаться провести какие-нибудь агрессивные операции против русских. Я думаю, что нам следовало бы сразу же начать такие приготовления, которые дали бы нам возможность, в случае необходимости, быстро покарать любой акт агрессии со стороны кабульского эмира¹. Показательно, что Литтон считал «агрессией» все действия афганцев, направленные на защиту своего отечества.

Афганистан не только не помышлял об агрессии против англичан, но не без оснований опасался английского нападения. Литтон считал, что «было бы неразумно с нашей стороны пренебрегать обстоятельствами — урегулировать счета (с афганцами — Ф. Ю.) при помощи оружия, в пользовании которых мы являемся более сильными, а они более слабыми. Пока продолжается мир, мы не можем пользоваться мечом, а наша дипломатия несостоятельна².

Мы считаем необходимым привести ряд документов, подтверждающих, кроме прямой агрессии против Афганистана, стремление английских колонизаторов расчленив Афганистан и тем ослабить его. Тот же лорд Литтон цинично говорил: «Я убежден, что политика создания в Афганистане сильного и независимого государства, над которым мы не можем осуществлять совершенно никакого контроля, является, как показал опыт, ошибкой.... Лучшее всего, в интересах Индии, было бы, по моему мнению, создание западного афганского ханства, включающего Мерв, Меймене, Балх, Герат и Кандагар под властью какого-нибудь выбранного нами принца, который зависел бы от нашей поддержки. При наличии расположенного таким образом Западного Афганистана и нашей небольшой базы вблизи нашей границы в Курамской долине, судьбы самого Кабула были бы для нас вопросом, не имеющим значения»³.

Документы из личного архива вице-короля Индии Литтона — еще одно свидетельство, помогающее сорвать

¹ Balfour, op. cit., p. 243—245.

² То же.

³ Там же, p. 255.

маску с английских колонизаторов, которые, спекулируя на версии о «русской угрозе», готовили захватническую агрессивную войну против афганского народа. Англичане не желали развития Афганистана как сильного и независимого государства. Они старались ослабить его, разделить его территорию по частям и окончательно ликвидировать его независимость, превратить Афганистан в английскую колонию и плацдарм для дальнейшей агрессии в направлении Средней Азии.

Для обеспечения успеха агрессивных планов англичане принимали меры для расширения своего влияния на северной границе Индии. Литтон вел переговоры с магараджой Кашмира об учреждении британского политического агента в Гилгите, небольшом полунезависимом ханстве на склонах Гиндукушских гор¹. К этому времени англичане установили телеграфную линию от Гилгита до Сринагара. Агентом на новый наблюдательный пост в Гилгит был назначен майор Билдольф. Однако англо-индийское правительство на этом не успокоилось. Оно стремилось полностью аннексировать не только Гилгит, но и весь Кафиристан.

Об этом 9 апреля 1878 года Литтон писал Крэнбруку: «Кафиристан состоит из небольшой неспаянной группы независимых, очень слабых племен, насколько я могу судить, удобных для поглощения... Это соображение тем более серьезно потому, что поглощение эмиров Кафиристана какой-нибудь державой, владеющей Кашгаром, вероятно, превратило бы их в политические придатки Российской или Китайской империи, приводя, таким образом, любую из этих империй в прямой контакт с нами... до тех пор, пока мы можем помешать аннексии их Кабулом или будущей Кашгарской державой»².

Мы уже отмечали, что военные приготовления англичан на афганской границе были следствием обострения международной обстановки на Ближнем Востоке, после русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Успехи русского оружия на Балканах тревожили англичан, начавших переговоры с Австро-Венгрией о совместных действиях против России. К Дарданеллам был демонстративно направлен британский средиземноморский флот. Од-

¹ Balfour, op. cit., p. 185.

² Там же.

новременно английские империалисты начали готовить нападение на русские среднеазиатские владения. Об этом свидетельствует бывший статс-секретарь по делам Индии герцог Аргаиль: «Глубокомысленные политики, толковавшие о необходимости энергичных мер в интересах политического равновесия, очень серьезно помышляли о том, чтобы предпринять движение против России со стороны ее азиатской границы»¹.

Подобно Пальмерстону, в свое время «поражавшему Русь на карте указательным перстом», глава консервативного правительства Дизраэли разработал летом 1877 года план изгнания русских из Средней Азии.

22 июля 1877 года Дизраэли писал королеве Виктории: «...Россия должна быть атакована в Азии, войска должны быть посланы через Персидский залив и императрица Великобритании и Индии должна приказать своим армиям очистить Среднюю Азию от москвитов и сбросить их в Каспийское море»².

Англо-индийское правительство стало концентрировать свои вооруженные силы на афганской границе. Газета «Пайонир» — англо-индийский официоз, проговорила о концентрации вблизи афганской границы английской армии численностью в 30 000 человек³. Подготовка к нападению на русские среднеазиатские владения сочеталась с военно-дипломатическим нажимом на Россию с целью заставить ее отказаться от плодов своих побед на Балканах.

После подписания 3 марта 1878 года русско-турецкого мирного договора в Сан-Стефано Россия, очутившись перед объединенным враждебным фронтом Англии, Австро-Венгрии и поддерживающей их Германии, была вынуждена согласиться на созыв Берлинского конгресса для рассмотрения «восточного вопроса».

Однако в качестве контрманевра против Англии русское правительство, используя напряженные англо-афганские отношения, предприняло военно-дипломатическую демонстрацию недалеко от афганской границы. Был отдан приказ о концентрации 20-тысячного русского отряда в местечке Джам, в 400 километрах от афганской границы.

¹ «Русский вестник», 1879 г., стр. 290.

² Zetou Watson Britain in Europe Z., p. 527.

³ «Русский вестник», 1879 г., стр. 178.

13 июня 1878 года, в день открытия конгресса в Берлине, из Ташкента в Кабул была отправлена военная миссия во главе с генералом Столетовым. В свое время Энгельс оценил это мероприятие русского правительства, как «шахматный ход русских в Афганистане»¹.

Однако миссия Столетова опоздала: пока она ехала до Кабула, Берлинский конгресс закончил свою работу, русская дипломатия была вынуждена пойти на серьезные уступки, англо-русские разногласия были временно разрешены. В этих условиях Россия не хотела обострять отношения с Англией.

По окончании конгресса русское правительство отказалось от переговоров с Афганистаном и отозвало свои войска от его границ.

Об этом свидетельствует письмо Кауфмана Столетову, в котором он пишет, что «поскольку конгресс окончил свою работу, русским в переговорах следует придерживаться решений конгресса и не допускать разрыва с Англией»². Это письмо Столетов получил 20 июня — за день до прибытия в Кабул.

В Афганистане русская миссия была принята с почетом. 22 июня состоялась торжественная аудиенция у эмира Шир-Али-хана.

Приезд русской миссии в Кабул явился для английского правительства желанным предлогом для осуществления давно задуманного агрессивного плана. Еще в апреле 1878 года вице-король писал министру по делам Индии Кренбуку: «Я убежден, что политика создания в Афганистане сильного и независимого государства, над которым мы не можем осуществлять совершенно никакого контроля, является, как доказал опыт, ошибкой. Если вследствие войны или смерти нынешнего эмира, которая, конечно, явится сигналом для конфликта между соперничающими кандидатами на престол, мы после этого будем иметь возможность (а это возможность, которая может внезапно возникнуть в любую минуту) разделить или сплотить Кабульскую державу, я искренне надеюсь, что мы не упустим этой возможности»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 502.

² «Русская старина», 1902 г., стр. 683.

³ Balfour, op. cit., p. 246—247.

Англо-индийское правительство искало предлога для войны с Афганистаном или повода для свержения эмира Шир-Али-хана, что явилось бы сигналом для начала междоусобной войны. Тогда английские империалисты приложили бы все усилия, чтобы расчлениить и завладеть Афганистаном.

Правящие круги Англии рассматривали Афганистан как плацдарм для дальнейших агрессивных действий в Средней Азии. Еще в 1877 году были разработаны проект нового вторжения в Афганистан, который предусматривал продвижение английской армии в трех направлениях: первая колонна из Кветты должна была наступать на Кандагар, вторая — вторгнуться из Кельбага в Курам, третья — выступить из Пешавара на Джалалабад и далее на Кабул. В предстоящем походе должно было принять участие 100 000 солдат и офицеров.

Русско-турецкая война лишь отсрочила осуществление этого плана. Поэтому прибытие в Кабул русской военно-дипломатической миссии послужило для англичан желанным предлогом для резкого обострения англо-афганского конфликта.

Английские колонизаторы сформировали военную миссию во главе с Невилем Чемберленом. В ее состав входили майоры Кавеньяри, Сэнт Джон, капитан Хэммики и Казим Сенд Ахмед. Миссию должен был сопровождать конвой из 250 сабель под командованием подполковника Дженкинса. Из Пешавара был заранее направлен специальный туземный эmissар Наваб Гулям Хусейн-хан с письмом к эмиру. Он прибыл в Кабул 10 сентября, а 12 сентября был принят Шир-Али-ханом.

Гулям Хусейн сообщил эмиру, что по пути в Кабул находится английская дипломатическая миссия и высказал уверенность, что она (как и русская миссия) будет принята с подобающим почетом.

Английскому эmissару было вручено специальное заявление Литтона, в котором перечислялись все якобы имевшие место враждебные выпады эмира по отношению к англичанам и в качестве самой большой «обиды» указывалось на прием русской миссии, в то время как английские офицеры не были приняты эмиром. Гулям Хусейн получил задание «энергично настаивать на английских жалобах с тем, чтобы заставить эмира понять, что если он окажется глухим ко всем требованиям британ-

ского правительства, англичане оккупируют Курамскую долину, создадут там военное поселение и займут Кандагар»¹.

14 августа вице-король послал эмиру письмо, в котором сообщал, что «вскоре в Кабул прибудет английский представитель (Невиль Чемберлен) для переговоров с эмиром по неотложным вопросам, а также для обсуждения последних событий, имевших место в Кабуле и в соседних с Афганистаном государствах»².

Письмо англо-индийского правительства было получено в Кабуле в дни траура по умершему сыну эмира и наследнику престола. Поэтому вызывающее поведение Гуляма Хусейна и его настойчивые требования ответа на письмо Литтона вызвали законное негодование Шир-Али-хана.

Эмир сообщил эmissару для передачи Литтону: «После кончины сына я пребываю в горе и печали. Вы должны соблюдать приличие во время траура и понять мое тяжелое положение. Я, как и прежде, являюсь Вашим другом, у меня нет никаких плохих намерений. С моего разрешения сюда прибыл представитель России. В настоящее время сам посол, генерал Столетов, выехал обратно на родину, а остальные члены посольства также уедут, как только пройдут зимние холода. Вы не должны беспокоиться. Прибытие русского посольства было обычным делом. Оно прибыло только для выражения чувства дружбы и доброжелательства. Поскольку Вы силой заставляете меня принять Вашего представителя, я не могу этого допустить. Пусть пройдет некоторое время, разрядится создавшаяся обстановка, тогда я сам приглашу его»³.

Когда Шир-Али-хан по этому вопросу советовался со своими сановниками и руководителем русской миссии, генерал Столетов дал понять эмиру, что «одновременное присутствие в его столице посольств двух стран, находящихся в недружественных отношениях, не совсем удобно и может осложнить дело»⁴.

¹ Balfour, op. cit., p. 258.

² Argull, op. cit., p. 263—264.

³ Сеид Касем Риштия. «Афганистан в XIX в». М., 1958, стр. 401—402.

⁴ «Русская старина», 1902, стр. 683.

Шир-Али-хан принял твердое решение «не принимать английскую миссию в Кабуле». Между тем, не ожидая ответа эмира, английский представитель в Пешаваре направил в Кабул предупреждение англо-индийского правительства: «Срок отъезда английской миссии назначен на 16 или 17 сентября и не будет отложен независимо от того, явится ли к тому времени туземный эmissар Гулям Хусейн-хан к эмиру или нет. Цель миссии дружественная и отказ предоставить ей свободный проезд, остановка или оскорбление ее будет рассматриваться как враждебный акт»¹.

Английское правительство, не дождавшись возвращения своего эmissара и не имея определенного соглашения эмира, распорядилось в выезде миссии в Пешавар, куда она прибыла 12 сентября. Майор Кавеньяри начал переговоры с хайберскими племенами о безопасном проезде миссии в Афганистан и о том, чтобы хайберцы предоставили им дополнительный конвой до Алимаджиды (афганского пограничного укрепления). Английская миссия 21 сентября без разрешения афганского правительства двинулась из Пешавара в Джамруд, расположенный недалеко от Хайберского прохода. По поручению Чемберлена майор Кавеньяри направился в Алимаджид и потребовал у афганских пограничников пропустить английскую миссию и всех сопровождающих ее в Кабул.

Начальник пограничного пункта Файз Мухаммед заявил, что без разрешения своего правительства он не может этого сделать. Кавеньяри продолжал настаивать, говоря, что «он получил приказ от своего правительства, чтобы английская миссия на следующий день выехала в Кабул и предупредил начальника поста: «не следует брать на себя такую большую ответственность и оказывать миссии сопротивление, так как, каков бы ни был его ответ, он будет расцениваться, как ответ эмира». В ответ Файз Мухаммед приказал своим воинам преградить путь англичанам.

Кавеньяри, убедившись в твердой решимости афганской пограничной охраны не пропустить в Кабул непрошенных гостей, вынужден был вернуться в Джамруд, откуда английская миссия возвратилась в Пешавар².

Вице-король, получив письмо эмира и узнав, что английский представитель возвратился в Пешавар, обратился к английскому правительству и потребовал санкции на принятие следующих мер:

«1. Немедленного издания меморандума объясняющего причины английских обид и в то же время заявляющего о дружественном отношении к афганскому народу и нежелании вмешиваться в его внутренние дела и возлагающего всю ответственность на эмира;

2. Немедленного изгнания эмирских войск из Хайберского прохода и постоянной оккупации всего прохода до Дакки;

3. Одновременной оккупации Курамской долины на достаточно большое расстояние, чтобы угрожать Кабулу и Джалалабаду в этом направлении;

4. Продвижение из Кветты в район Кандагара и уничтожение любых войск, которые эмир может попытаться противопоставить в этом направлении»¹.

Однако правительство метрополии считало, что еще не настало время для принятия всех указанных мер. Оно придерживалось мнения, что «эмиру нужно дать возможность раскаяться; что прежде, чем перейти границу, следует в умеренном тоне потребовать у эмира извинения и принятия постоянной британской миссии на афганской территории; что для ответа установить соответствующий срок и что тем временем следует продолжать концентрацию войск»².

Этим английское правительство фактически санкционировало вооруженное нападение на Афганистан, так как повторяющийся отказ эмира Афганистана принять английскую миссию и пребывание в Кабуле русской миссии оно хотело использовать в качестве удобного предлога для развязывания англо-афганской войны. «Следует признать,— пишет С. К. Риштия,— что прибытие русской миссии, ее предложения и военные мероприятия в Ташкенте носили лишь демонстративный характер и были приняты в целях выгодного решения европейского вопроса... Эти демонстративные мероприятия потеряли свой смысл уже в момент приезда русской миссии в Кабул

¹ Balfour, op. cit., p. 265.

² Там же, op. cit., p. 285

¹ Balfour, op. cit., p. 291—292.

² Там же.

ввиду заключения договора в Берлине и урегулирования споров между державами»¹.

Действия английских империалистов вызвали возмущение в Кабуле. Правительство Афганистана твердо решило всеми путями отстоять независимость страны. Эмир направил своих представителей в Ташкент к генерал-губернатору Туркестана не только за советом, но и просить помощи России для ведения борьбы с английскими захватчиками.

27 сентября 1878 года эмир Шир-Али-хан писал императору Александру II: «Как прибыл в Кабул посланник из Вашего могущественного государства... и это увеличило ненависть к нам англичан. Отчего они повели наглую вражду и предприняли различные враждебные действия против Афганистана, прибыв на границу нашу под видом посланников, а на самом деле с целью причинить вред мне свыше дарованному государству. Прибывши в огромном числе с вооруженным конвоем на нашу границу, желали войти в столицу... и нагло заявить о своих требованиях... Мы отказались принять их миссию. После чего они вернулись в Пешавар и, намериваясь решить этот конфликт силой оружия, начали в газетах повсеместно объявлять о том, что посылают войска, чтобы нанести вред Афганистану, не останавливаясь ни перед чем»².

23 октября 1878 года Кауфман писал военному министру: «Эмир Шир-Али-хан — человек умный, он понял, что мы не должны уступать англичанам, он понимает, что Индия является единственным местом, откуда мы можем угрожать Англии, если он, Шир-Али-хан будет на нашей стороне. В этом его сила, а ненависть к англичанам и боязнь их всепоглощающей политики... он воспользуется случаем, чтобы прильнуть к нам»³. В свою очередь военный министр России Д. А. Милютин расценивал действия эмира таким образом: «Афганские правители поставили вопрос о ...переходе Афганистана под покровительство России»⁴.

30 октября английское правительство дало указание вице-королю Индии — ультимативно потребовать от эми-

ра извинений за неуважительное отношение к английскому представителю и немедленно принять постоянного представителя Англии в Афганистане; признать независимость племен, проживающих вдоль афгано-индийской границы и согласиться на возмещение ущерба, нанесенного им эмиром¹.

Литтон торопил Лондон: «Я думаю любое требование с нашей стороны, требующее от эмира Афганистана принести извинение, — телеграфировал он, — бесполезно. Они меня вновь оскорбляют и поносят. Время действует против нас. Поэтому я предлагаю объявить войну и как можно скорее перебросить наши войска для вторжения в Афганистан»².

Получив санкцию от английского правительства, Литтон 2 ноября 1878 года передал эмиру Афганистана через своих представителей в Пешаваре следующий ультиматум:

Отказ принять дружественную миссию противоречит практике союзных государств, однако британское правительство приняло ваши оправдания... Тем не менее, вы теперь приняли русского посланника в своей столице... Вследствие этого враждебного действия с вашей стороны, я сконцентрировал войска на вашей границе, но я хочу дать вам последнюю возможность избежать превратностей войны. Для этого необходимо, чтобы вы принесли соответствующие извинения в письменном виде..., чтобы вы приняли меры, чтобы никакого ущерба не было нанесено пограничным афганским племенам, служившим проводниками моей миссии... Если вы полностью и прямо не примете этих условий, и если, я не получу от вас соответствующего ответа до 20 ноября, я вынужден буду считать ваши намерения враждебными и обращаться с вами, как с явным врагом британского правительства»³.

Афганское правительство, получив ультиматум англичан, не изменило своего прежнего решения и, надеясь на русскую помощь, решило вести оборонительную войну. Генерал Разгонов, оставшийся во главе русской миссии в Кабуле после отъезда генерала Столетова, писал Кауфману: «Эмир Шир-Али-хан заявил, если военное сча-

¹ Сеид Касем Раштия. «Афганистан в XIX веке», М., 1958, стр. 406.

² ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 389, лл. 95—100,

³ Там же, лл. 71—72.

⁴ Дневник Д. А. Милютина, т. III, стр. 93.

¹ Argull, op. cit., p. 270—271.

² Там же, p. 268.

³ Balfour, op. cit., p. 294.

стве мне изменит, я отойду в горы, там я могу удержаться год, ожидая русской помощи; в крайнем случае, если русская помощь не подоспеет вовремя, я лучше передам обломки моего царства русским, нежели войду в какие-либо переговоры с англичанами»¹.

Однако обстановка, создававшаяся в Европе и на Ближнем Востоке после Берлинского конгресса, была крайне напряженной и обострение отношений с Англией считалось для России опасным. Поэтому царское правительство, отказав Афганистану в военной помощи, охотно пошло на дипломатическую поддержку афганцев.

Милютин по этому поводу так записал в свой дневник: «Независимость Афганистана существенно необходима для поддержания в Азии равновесия в политическом положении Англии и России».

В октябре совещание по афганскому вопросу у русского царя Александра II предписало послу в Лондоне графу Шувалову «добиться от английского правительства мирного урегулирования афганского конфликта»².

22 октября 1878 года по поручению русского правительства Туркестанский генерал-губернатор Кауфман писал Шир-Али-хану:

«...как иам хорошо известно, англичане намерены сделать новую попытку примириться с вами. Со своей стороны, я, как ваш друг, думая о будущем, советую вам, если англичане, как я уверен, сделают шаг к примирению, дать им ветвь мира»³.

Афганское правительство, взвесив создавшееся положение и вняв совету Кауфмана, направило Литтону письмо, в котором говорилось:

«...афганское правительство никакой вражды к британскому правительству не имеет и не будет иметь и прежняя дружба будет прочна. Если по примеру дружественных правительств, как Россия, британское правительство захочет тоже отправить ко мне дружественное временное посольство с конвоем в 20—30 человек, как посольство русское, то такому посольству не будет отказано, и оно будет принято на том месте, где я буду находиться»⁴.

Однако английские колонизаторы не хотели мира. 5 ноября 1878 года вице-губернатор получил из Лондона инструкцию, в которой указывалось, что в «случае, если от эмира не будет получено желаемого ответа или ответ будет неблагоприятен, к нему следует отнестись как к врагу Англии и начать с 21 ноября военные действия»¹.

В том же день Литтон отдал приказ о переходе английской армией афганской границы в районах Кветты, Курамской долины и Хайберского перевала.

21 ноября 1878 года 35-тысячная британская армия перешла в наступление через Хайберский проход на Кабул из Кохата, по Курамской долине на Газни и оттуда на Кабул и из Кветты на Кандагар и вскоре овладела важной крепостью Алимаджид, запиравшей Хайберский проход. После этого были захвачены Кандагар и через Газни англичане начали наступление на Кабул. Несмотря на огромные потери, афганские части упорно сопротивлялись захватчикам, афганское правительство принялось за организацию вооруженных сил и мобилизацию всего народа на отпор врагу. Эмир неоднократно обращался к русскому правительству за помощью, но получив ответ Кауфмана, посоветовавшего ему помириться с англичанами, заявил генералу Разгонову: «...Это письмо разбило мое сердце, хоть бы одно слово утешения и одобрения. Я целую жизнь борюсь с англичанами за независимость, всегда был вашим заочным другом, хотя и не искал вашей дружбы — не звал вас на помощь; но великий император могущественной державы сам предложил мне дружбу, которую я поспешил принять с сердечной радостью и, с гордостью возвестил свой народ, что имею великого, вполне надежного союзника»².

Характеризуя создавшуюся в Афганистане обстановку, Разгонов еще 2 ноября писал Кауфману:

«...положение дел в Афганистане отчаянное, власть эмира стала шаткой. Одно слово из России поддержало бы его, но Россия молчит упорно... Противная партия, упрекая эмира за сношения с русскими, требует от Шир-Али-хана, чтобы он рассказал, какие обещания даны царским правительством и как оно выполняет свои обещания. Под напором противной партии, эмир решился на

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 389, л. 116.

² Дневник Д. А. Милютин, т. III, стр. 93.

³ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, д. 406, л. 19.

⁴ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, д. 389, лл. 108—110.

¹ Balfour, op. cit., p. 295.

² ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, лл. 139—144.

последнее средство: он освободил сына Якуб-хана из заключения. Я уверен, что он простил его от души, и, если Якуб-хан ответит тем же, то может быть страна афганов избежит восстания и анархии»¹.

Разгонов правильно понял Шир-Али-хана: освободив Якуб-хана, эмир надеялся несколько ослабить интриги и разрядить напряженную обстановку в стране.

Среди правящей верхушки Афганистана были недовольные политикой эмира, они открыто упрекали Шир-Али-хана в дружбе с русскими и были сторонниками сближения с англичанами. Именно эта группа утверждала, что «...причиной войны явилось принятие русского посольства, которое якобы обозлило англичан и привело к войне»².

Как уже указывалось, приезд миссии Столетова был для английских империалистов давно ожидаемым предлогом к развязыванию агрессии. Индийская газета «Трибуна» сообщением, что «...резкий отказ Шир-Али-хана в приеме посольства был не только заранее предвиденным, но даже желанным, искомым предлогом»³ подтверждает этот вывод.

Вместе с тем надо указать, что Россия в это время не помышляла о захвате Афганистана, а тем более английских владений в Индии. После Берлинского конгресса она всячески стремилась не подавать повода для решительного разрыва с Англией.

На это, в частности, указывает письмо военного министра Кауфману, датированное 6 декабря 1878 года: «...успех англичан на границах Индии делает их еще более назойливыми в Европе. Тем не менее государь император не изменяет твердого своего намерения поддерживать европейский мир до последней крайности и не допустить, чтобы повод к решительному разрыву с Англией был подан с нашей стороны. Столкновение наше с этой державой в Азии было бы сигналом общей и упорной войны при обстоятельствах и обстановке для нас не выгодных»⁴.

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 389, лл. 167—168.

² Там же, д. 389, лл. 134—137.

³ Там же.

⁴ Там же, лл. 198—199.

Исходя из этих соображений русское правительство стремилось уладить конфликт между Англией и Афганистаном мирным, дипломатическим путем.

Министр иностранных дел России телеграфировал русскому послу в Лондоне, что афганский эмир просит у русского правительства помощи и покровительства. «Император желает воспользоваться этим в связи с исключительными обстоятельствами момента, чтобы в ответе эмиру дать ему совет о целесообразности положить конец нынешнему столкновению с Англией. Он сделал бы это только в случае, если бы мог дать эмиру заверения в том, что Великобритания будет уважать независимость Афганистана»¹.

Об этом предложении своего правительства русский посол граф Шувалов поставил в известность английское правительство. Однако министр иностранных дел Англии Солсбери дал понять, что «прежде чем согласиться признать независимость Афганистана, он считает необходимым исправление границы и согласие Афганистана на принятие постоянного английского представителя в Кабуле, через которого Англия сможет осуществлять свое влияние. В противном случае признание независимости Афганистана мирным путем для Англии бессмысленно»².

Таким образом, ясно, что англичане отнюдь не желали прекращать войну, не добившись своей цели. Более того, используя примирительную политику России, усилили наступательные действия против Афганистана.

Положение в стране, тем временем, становилось все более и более критическим. Эмир решил на последнее средство и 28 ноября объявил своим сановникам и народу, что едет в Петербург для личного свидания с русским императором, а на время своего отсутствия поручает управление страной сыну Мухаммед-Якуб-хану и оставляет ему войска.

1 декабря Шир-Али-хан выехал из Кабула и разрешил оставшимся до сего времени членам русской миссии возвратиться на родину. Миссия, в сопровождении двух рот пехоты и эскадрона афганской кавалерии, направилась на север к Мазари-Шерифу. 10 декабря эмир писал Кауфману: «...Я по совету почетных сановников и воен-

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 389, л. 301.

² Там же, лл. 280—281.

ных начальников отправился в путь. Они указывали, чтоб я лично отправился в Петербург в столицу великого хозрета и высказал в присутствии его императорского величества все претензии, относящиеся к английскому правительству и его отношению к нам»¹.

Шир-Али-хан был уверен, что он найдет в России теплый прием и надеялся получить военную помощь.

Русское правительство, опасаясь осложнений в отношениях с Англией, не сочло возможным принять афганского эмира в Петербурге. Поэтому Кауфману предлагалось «принять все меры, чтобы не допустить его приезда и если в случае он уже переехал русскую границу, ему следует выждать ответа в удобном месте у границы»². Туркестанский генерал-губернатор, подчиняясь указаниям своего правительства, сообщил Шир-Али-хану: «...я советую вам не оставлять вашего государства и сколько возможно скорее заключить теперь же с английским правительством возможно выгодный для вас мир, сохранив при этом независимость Афганистана. Если же вы решительно не желаете вернуться для этого из Мазари-Шерифа в Кабул, то советую послать повеление вашему любезному сыну Сердару Мухаммед-Якуб-хану, чтобы он, от имени вашего высокостепенства теперь же заключил мир». Далее Кауфман подчеркивал: «Я имею основания полагать, что в интересах ваших и вашего государства не оставлять в настоящую минуту афганской территории, так как приезд ваш в русские владения может только усложнить дело»³.

Получив это письмо, Шир-Али-хан с раздражением воскликнул: «Для русского правительства мало было отказать мне в военной помощи, которую я просил, но они еще советуют мне возобновить сношения с Англией и заключить мир с моими кровными врагами! Ведь все это ясно показывает, что Россия отказывает мне в своей поддержке. Если бы я хотел заключить с Англией мир, то сделал бы это и без чьего-либо совета!»⁴.

Хотя русское правительство держалось лавирующей политики с целью избежать столкновения с Англией,

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 3, д. 406, лл. 40—41.

² Там же, д. 389, л. 190.

³ Там же, л. 195.

⁴ И. Л. Яворский. Путешествие по Афганистану и Бухарскому ханству 1878—1879 гг. СПб., 1880. т. 1—2.

часть правящей верхушки не хотела испортить отношения и с Афганистаном и даже поддерживала приезд афганского эмира в Петербург. Так, например, Туркестанский генерал-губернатор Кауфман писал: «Если Шир-Али-хану будет отказано в приеме, Россия навсегда испортит свои отношения с Афганистаном и потеряет возможность давления на Англию со стороны Средней Азии. Поэтому афганскому эмиру следует помочь и настоять на признании его страны независимым государством, а также права не принимать английских резидентов в городах Кандагаре, Герате, Кабуле и т. д.»¹.

Русское правительство твердо отстаивало принцип сохранения независимости Афганистана и создания из этой страны промежуточной территории, которая предохраняла бы английские и русские владения от непосредственного соприкосновения. Русское правительство настойчиво требовало от Англии соблюдения ею прежних обязательств, вытекающих из соглашения между Англией и Афганистаном, заключенного в 1873 году.

Такова была обстановка, сложившаяся в результате намерения афганского эмира выехать в Петербург. Царское правительство попало в трудное положение: с одной стороны, следовало избежать столкновения с Англией, с другой, — нежелательно было оставлять без помощи эмира Афганистана. Исходя из этих соображений министр иностранных дел Горчаков 28 декабря 1878 года телеграфировал Кауфману: «Государю-императору угодно, чтобы вы пригласили эмира Шир-Али-хана временно остановиться в Ташкенте». Генерал-губернатор, получив распоряжение своего правительства, поспешил сразу сообщить об этом в Мазари-Шериф Шир-Али-хану.

В Мазари-Шериф эмир прибыл тяжело больным и был вынужден отказаться от поездки в Ташкент. Он направил туда для переговоров своего брата — министра иностранных дел Шир-Мухаммед-хана².

Среди правящих кругов России не было единого мнения по афганскому вопросу и, в частности, по поводу отношения к Шир-Али-хану.

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 3, лл. 191—193.

² Там же, д. 389, лл. 331—332.

Русский посол в Лондоне Шувалов был противником поддержки эмира, которую предлагал Кауфман. Шувалов писал, что «впредь не следовало бы больше смешивать двух вещей: «Шир-Али-хан и Афганистан, и сегодня можно было бы задать себе вопрос, представляет ли эмир все еще эту страну? События доказали нам, что он не был таким монархом, как мы думали, хозяином своей армии и вождем своего народа. И сомнительно, чтобы Шир-Али-хан мог бы возвратиться в свое государство после бегства под предлогом предложения своего дела на рассмотрение императора... Не следует называть путешествие бегством эмира во время боя, во всяком случае банкротство, которое раскрывает, насколько слаба была позиция Шир-Али-хана»¹.

В то же время усиление английских позиций в Афганистане вызывало серьезные опасения русских дипломатов и военных.

Тот же Шувалов озабоченно запрашивал от своего правительства инструкций на случай, если Англия будет настаивать на отторжении от Афганистана Хайберского и Курамского проходов и Кандагара, учреждения постоянных английских миссий в Кабуле и Герате с условием, что русской миссии там не будет. Он предлагал в этом случае угрожать Англии с единственно уязвимой стороны — со стороны Мерва и готовиться к захвату Мерва немедленно².

31 января 1879 года Горчаков писал Шувалову: «Нужно английскому правительству дать понять, что оно нарушает взятые на себя обязательства относительно положения России и Англии в Средней Азии, и, следовательно, русское правительство будет считать, что оно имеет полную свободу действий в Средней Азии»³.

Россия, исходя из своих интересов в Средней Азии, по-прежнему не хотела затевать конфликт с Англией из-за Афганистана. В то же время не желая усиления влияния Англии в Афганистане, русское правительство дало генерал-губернатору Туркестана следующие указания: «... Вам необходимо будет советовать эмиру Афганистана и даже настаивать на том, чтобы он в собствен-

ном своем интересе возвратился бы в свои владения, дабы не дать повода англичанам воспользоваться его отсутствием для произведения внутреннего переворота не в его пользу и для совершенного устранения его от переговоров о мире»¹.

Однако эти советы русского правительства остались без последствий. Болезнь эмира Шир-Али-хана прогрессировала, и 9 февраля 1879 года он умер в городе Мазари-Шерифе.

* * *

Английская буржуазная историография пытается доказать, что основной причиной второй англо-афганской войны было именно прибытие и деятельность в Кабуле миссии Столетова. Чтобы разоблачить и эту, очередную фальсификацию, обратимся к запискам бывшего статс-секретаря по делам Индии герцога Аргайля, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к России. Аргайль утверждал обратное. По его мнению: «...ни прибытие русской миссии в Кабул, ни отказ эмира принять английскую миссию при Кабульском дворе не были причиной второй англо-афганской войны»².

Приезд русской миссии англичане использовали лишь как повод для осуществления своих замыслов, повод, который они искали много лет, готовясь к захватнической войне против Афганистана.

* * *

Смерть эмира Шир-Али-хана и приход к власти более сговорчивого Якуб-хана создавали для англичан благоприятные условия: эмир Якуб-Мухаммед-хан давно был связан с англичанами. Однако в случае неповиновения Якуба-хана, Англия готовилась свергнуть его. Эмир Якуб, чтобы укрепить свое положение, пошел на соглашение с англичанами, которые понимали, что трудности сношения с тылами, снабжавшими английскую армию боеприпасами и продовольствием, необеспеченность коммуникационных линий могли свести на нет военные успе-

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 3, д. 389, лл. 341—342.

² Там же, оп. 3, д. 389, лл. 342—343.

³ Там же, л. 363.

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 3, д. 389, л. 338.

² Argull, op. cit., p. 318.

хи колониальных захватчиков. Поэтому они усиленно добивались заключения договора с Якуб-ханом.

Об условиях договора, которые были подготовлены заранее вице-королем Индии Литтоном, можно судить по его письму Крэнбруку — министру по делам Индии 24 декабря 1878 года: «Я сразу возвратил бы Кандагар, а затем Джелалабад при условии заключения договора, формально признавшего уход из-под кабульской власти Пишина и Сиби (которые я передал бы Келату), Курама, Хайбера и всех магометанских племен из других проходов. Долина Пишина для нас важна потому, что она господствует над Коджаком и лучший путь в Кветту. Хайбер мы должны сохранить и его важность очевидна... Пейвар Коталь имеет чрезвычайно важное значение, господствуя над подступами к Кабулу, Джелалабаду и Газни, и, по-моему, он никогда не должен уйти из наших рук»¹.

Английские колонизаторы заранее планировали отторжение от Афганистана ряда важнейших стратегических территорий. Майору Кавеньяри было приказано именно в этом направлении вести переговоры с Якуб-ханом.

10 мая 1879 года Кавеньяри в первый раз встретился с эмиром. Обсуждение основных статей договора продолжалось до 17 мая. В начале эмир сопротивлялся отделению или оккупации какой-либо части афганской территории, утверждая, что он приехал вести переговоры о мире. Однако вице-король считал, что территориальные уступки являются существенными для заключения любого договора, и по его инструкции майор Кавеньяри продолжал настаивать на них.

23 мая, за три дня до подписания договора, Кавеньяри сообщил вице-королю, что переговоры с Якуб-ханом приняли благоприятный оборот. «Мы получили от него удовлетворительный договор, а будущее покажет, каким станет он... В Англии преобладает мысль, что Якуб-хан это все, чего можно было бы желать. Но я считаю и всегда считал, что наша истинная политика заключается в том, чтобы раздробить Афганистан на мелкие государства. Однако я разъяснил Якуб-хану, что только благодаря

ему Афганистан будет продолжать существовать на карте и, если его спросят, какие блага он получил, вступив в союз с англичанами, он может ответить в этом смысле»¹.

26 мая 1879 года эмир Якуб-хан и английский представитель Кавеньяри подписали униженный для Афганистана Гандамакский договор, который устанавливал зависимое положение Афганистана от Англии, Якуб-хан предал интересы своей страны и народа из-за боязни потерять власть. По условиям договора «англичане отняли у Афганистана Пешин, Сиби, Курам, Хайбер и Пайвар-Китал»².

Английские колонизаторы расценивали соглашение в Гандамаке как акт, способный внести важные изменения в среднеазиатском вопросе в пользу Англии.

Показательно, что некоторые английские военные авторитеты выразили сожаление о том, что в территориальные условия договора не включена оккупация Кандагара и Джелалабада.

Заключение договора вызвало законный протест афганской общественности. Афганский народ не был побежден и открыто выражал недовольство: англичане вели себя, как хозяева положения. Английский посланник в Кабуле считал себя «правителем Афганистана» и бесцеремонно попирает права Якуб-хана. Своеволие, наглость, унижение национального достоинства афганцев, бесцеремонное вмешательство во внутренние дела государства вызвали возмущение афганского народа и 21 августа 1879 года в Кабуле вспыхнуло восстание. Ворвавшись в английское посольство, повстанцы убили английского резидента Кавеньяри и его приближенных³.

Английскому правительству стало известно о восстании в Кабуле 5 сентября.

Английский карательный отряд двинулся на Кабул. Военные действия возобновились. Несмотря на стойкое сопротивление, большая часть афганских патриотов пали смертью храбрых, обороняя свою столицу, а оставшиеся в живых отошли по дороге на Газни. Озверевшие оккупанты ворвались в город и разграбили его. Начался

¹ Balfour, op. cit., p. 314.

¹ Balfour, op. cit., стр. 321—322.

² Автобиография Абдурахман-хана, т. II, стр. 398.

³ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 3, д. 451, лл. 21—23.

жестокий террор, которым англичане хотели заставить афганский народ повиноваться.

Командующий английской армией Робертс в обращении к населению Кабула заявил, что «в целях безопасности в городе вводится военное положение, и всякий, у кого будет обнаружено оружие, будет подвергнут смертной казни». Во время внезапного набега на селение в Гардейской долине англичане «захватили 89 афганских солдат, из которых 40 человек были немедленно повешены за участие в военных действиях. Они считали всех селян вокруг Кабула враждебными, поэтому всех пленных афганцев, захваченных в бою, расстреляли»¹.

Однако свободолюбивые афганцы не сложили оружия и продолжали ожесточенную борьбу против англичан, которая с переменным успехом продолжалась до конца 1879 года.

В начале 1880 года русское правительство, учитывая свои интересы в Средней Азии, разрешило племяннику эмира Шир-Али-хана, сардару Абдурахман-хану вернуться на родину². Приехав в Бадахшан, он объявил народу: «Я прибыл в страну, чтобы освободить ее от англичан»³. Этого оказалось достаточно, чтобы афганцы стали собираться вокруг Абдурахман-хана. Повсеместно организовывались вооруженные отряды. В стране активизировалась народно-освободительная борьба, в которой приняли участие не только афганцы, но и другие населяющие Афганистан народы: узбеки, таджики, туркмены и др. Они и составили большую часть вооруженных сил Абдурахмана, которые он предполагал двинуть на Кабул.

Англо-индийское правительство начало искать пути для сговора с Абдурахманом и торопилось начать переговоры, опасаясь еще большего обострения положения в Афганистане.

12 апреля Литтон писал государственному секретарю: «Месяц тому назад я настаивал на неотложности отослать к Абдурахману депутацию, пока еще силы его сла-

¹ Л. Н. Соболев. Англо-афганская распря. Очерк войны 1879—1882 гг., стр. 131—132.

² Абдурахман-хан после неудачной борьбы за афганский престол с 1869 года находился в эмиграции в русском Туркестане.

³ Balfour, op. cit., p. 412.

бы, а положение не твердое... мы тогда были бы в состоянии предложить ему наши условия»¹.

К июлю 1880 года военная обстановка складывалась для англичан крайне неблагоприятно. Силы Абдурахмана росли, ширилось партизанское движение. Партизаны угрожали Кабулу. Англичанам ничего не оставалось, как форсировать мирные переговоры.

Дипломатический агент Англии в Кабуле Гриффин сообщил Абдурахман-хану, что британское правительство желало бы узнать о намерениях хана и подтвердил, что Абдурахман-хан признается эмиром Афганистана.

Абдурахман-хан ответил Гриффину: «Дорогой друг! Я выехал из России, чтобы в этот трудный момент оказать любую помощь своему народу, изгнать врага, организовать и укрепить оборону родины»².

Одновременно опасаясь, что народно-освободительная война против английских захватчиков может разрастись и оформиться в движение, опасное феодальной власти, Абдурахман пошел на крупные уступки англичанам с тем, чтобы укрепить свои позиции. Абдурахман-хан осуждал политику своего предшественника и не хотел повторять его ошибки.

«Нельзя быть таким дураком, как Якуб, который, не дожидаясь согласия своего народа и не укрепившись достаточно, принял к себе миссию Луи Кавеньяри. Это... кончилось тем, что и Кавеньяри был убит, а сам он был низвергнут с престола и при этом погибли еще многие сотни и тысячи людей»³.

Переговоры между Абдурахман-ханом и представителями Англии привели в 1880 году к соглашению: английское правительство признало Абдурахмана эмиром Афганистана. Со своей стороны новый эмир, став у власти, обязался не поддерживать никаких сношений с иностранными государствами без согласия англичан, по сути дела признав основные положения Гандамакского договора.

Так закончилась вторая англо-афганская война 1878—1880 годов. К осени 1881 года Абдурахман-хан подчинил себе всю территорию страны. Казалось, что в

¹ Balfour, op. cit., p. 413.

² Сеид Касем Риштия, Афганистан в XIX в., М., 1958 г., стр. 443.

³ Автобиография Абдурахман-хана — эмира Афганистана, т. II, стр. 152.

Афганистане установилось спокойствие, а у правительства нормальные отношения с Англией. Но это было не так.

Англия никогда не считалась с Афганистаном как с суверенным государством, что было хорошо известно самому эмиру. В своих воспоминаниях он пишет: «Многие английские газеты и британская общественность часто говорят так: мы предоставили престол Кабульскому эмиру Абдурахман-хану, а он нам слуга, получающий от нас жалованье»¹.

Эмир Абдурахман также правильно понял и существо русско-афганских отношений: «русские никогда не воевали с афганцами, никогда русские и афганцы не убивали друг друга, поэтому между ними нет никакой вражды». Абдурахман-хан справедливо полагал, что «для России нет оснований, чтобы атаковать Афганистан или вмешиваться во внутренние дела Афганистана»².

Но последующие события, вызванные провокационной политикой английских властей, не оправдали надежд Абдурахман-хана. Английская агентура начала активизировать деятельность среди населения туркменского оазиса, создавая здесь разбойничьи шайки, снабжая их оружием и деньгами. Англичане всячески стремились вызвать возмущение туркменского народа против России, а эмира Абдурахмана провокационно толкали к захвату туркменских земель, что вело к неминуемому конфликту между Россией и Афганистаном.

¹ Автобиография Абдурахман-хана — эмира Афганистана, т. 11, стр. 144.

² Там же, стр. 165.

**ПРОВАЛ АНГЛИЙСКИХ АГРЕССИВНЫХ ПЛАНОВ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПЕРИОД РУССКО-АФГАНСКОГО
РАЗГРАНИЧЕНИЯ
В 80-х ГОДАХ XIX в.**

В последний четверти XIX в. капиталистический мир, вступивший в новый этап своего развития, не прекращал борьбу за передел уже поделенного мира. Французские капиталисты продолжали колониальные захваты в Северной Африке и Индо-Китае. Россия завершала завоевания в Средней Азии и добилась немалых успехов в укреплении своих позиций на Дальнем Востоке. Английские империалисты стремились сохранить за Великобританией колониальную гегемонию на всех континентах. После прихода к власти консервативного правительства Дизраэли агрессивная политика англичан в Азии и Африке еще больше усилилась. С 1874 по 1882 год Англия закрепила свои позиции в Юго-Восточной Азии, установила протекторат над Малайей, захватила Белуджистан, начала агрессию против Трансвааля, подчинила своему влиянию Афганистан, развязала колониальную войну в Южной Африке, начала захватническую войну в Египте.

В 1882 году Египет был оккупирован, английские экспансионисты устремились в Судан.

Русский царизм, в свою очередь, все больше укрепляясь в Средней Азии, продолжал борьбу за присоединение к России всей территории Туркмении. В течение 1880—1881 годов был завоеван Ахал-Текинский оазис с Геок-Тепе и Асхабадом.

Туркменское население Мервского оазиса, к которому русские теперь приблизились вплотную, давно искало у России защиты от внешних врагов. Убедившись в лживости английских обещаний о помощи, туркменские старшины и ханы писали в Асхабад: «...туркмены оконча-

тельно убедились, что они ни с кем не сойдутся, как только с русскими... Просим Вас, чтобы русское начальство в Асхабаде прислало в Мерв в этом месяце Рамазане трех или четырех влиятельных чинов и человек десять ахал-текинцев поверьте, мервцы примут русское подданство. Скажем Вам по секрету, что они страстно хотят этого...»¹

В сентябре 1881 года из Мерва в Асхабад были направлены две делегации от различных родовых групп. Принятые русскими властями делегации подписали предварительное соглашение, условия которого впоследствии легли в основу договора о присоединении Мерва к России. От имени пославших их родов туркменские представители обязались никогда и ни под каким предлогом не поднимать оружия против России и во всем слушаться советов русских начальников; навсегда прекратить разбои и грабежи проходящих караванов и жителей соседних туркменских и других стран; навсегда прекратить торговлю невольниками; не допускать агентов от других правительств, кроме русских посланников и др. Русское правительство со своей стороны обязывалось не нарушать обычаев и порядка управления, существующих в Мерве, не назначать туда русских начальников, не облагать мервцев податями, оказывать мервским туркменам в русских пределах такое же покровительство, какое оказывалось подданным бухарского эмира и хивинского хана².

После этого соглашения русское правительство должно было решить проблему устройства вновь присоединенного края. Крайним восточным пунктом территории решено было считать Баба-Дурмаз. Затем русские власти приступили к уточнению границ со стороны Ирана. Вопрос об этом был поставлен царским правительством сразу после занятия Красноводска в конце 1869 года. В результате долгих переговоров, 9 декабря 1881 года между Россией и Ираном была заключена конвенция, в первой статье которой было определено направление русско-персидской границы от устья Атрека до Баба-Дурма-

¹ Дело № 1 Гражданского отделения штаба Закаспийской области 1881—1883 гг., по Семенову А. А. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881—1885), Ташкент, 1909, стр. 16.

² Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией, СПб., 1886, ч. I, стр. 19.

за и далее «на дорогу из Гяурса в Лютфабад, огибая Кала-Баба-Дурмаз», который остается к востоку от пограничной черты¹.

Это явилось для английского правительства поводом для обращения к правительству России относительно заключения нового соглашения.

Вся история англо-русских отношений в Средней Азии в течение второй половины XIX в. — свидетельство того, что английские империалисты под самыми различными предлогами стремились оторвать от Средней Азии важные в политическом, экономическом и стратегическом отношении районы. Предполагая присоединить эти территории к Герату они хотели создать таким путем марионеточное государство типа Белуджистана. Поэтому присоединение части туркменской территории к России и установление русской границы по Атреку встревожило английские правящие круги.

Англичане усилили деятельность своей агентуры в Туркмении. В начале 1881 года в Мерв под видом корреспондента газеты «Дейли Ньюс» приехал английский агент О'Донован. Он жил в пограничном с Закаспийским краем курдском ханстве Дарагазе, откуда несколько раз пытался проехать в Геок-Тепе. Несмотря на то, что по настоянию русских властей иранское правительство не разрешило О'Доновану выезд в Туркмению, он в феврале 1881 года без разрешения пробрался в Мерв и, выдавая себя за английского представителя, пообещал мервцам английскую помощь, если они будут вести борьбу против русских»².

Англия вмешивалась также в русско-иранские отношения. 20 января министр иностранных дел Великобритании Гренвилл заявил русскому послу в Лондоне Лобанову, что существующие между Англией и Россией дружественные отношения кажутся как нельзя более благоприятными для переговоров по вопросам, которые впоследствии могли бы явиться поводом для недоразумений и разногласий. Чтобы успокоить английское общественное мнение, следовало бы теперь, в связи с успеха-

¹ Афганское разграничение..., стр. 14.

² А. А. Семенов. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881—1885 гг.), Ташкент, 1909, стр. 6.

ми русского оружия, придти к соглашению относительно положения и политики держав в Средней Азии, которое служило бы дополнением к договору 1872—1873 года.

По мнению Гренвилла, в число рассматриваемых вопросов, которые должны были обсудить Англия, Россия и Иран, нужно включить вопрос о северо-восточной границе близ Герируда¹. При следующих свиданиях с Лобановым Гренвилл изложил свою точку зрения на положение дел в Средней Азии: «...Последние территориальные приобретения России,— заявил он,— вызвали тревогу эмира афганского и озаботили индийское правительство. Они могли побудить эмира потребовать увеличения получаемой им от Англии субсидии с тем, чтобы дать ему возможность принять меры...»².

Английское правительство считало, что Россия вместо того, чтобы присоединять туркменские территории к русским, могла бы обеспечить себя от набегов туркмен путем соглашения с Англией относительно определения границ между Ираном и туркменской степью, в силу которого все территории между Баба-Дурмазом и Сараксом и по берегам Теджена вошли бы в состав Персии, причем шахское правительство должно было бы построить форты на этой территории и содержать в них достаточно войск, чтобы быть в состоянии отражать набеги туркмен³.

Таким образом, англичане предлагали включить обширные территории Туркмении в состав феодальной Персии. В случае согласия России, набеги туркмен не уменьшились бы, а наоборот увеличились и стали бы источником постоянных русско-персидских пограничных конфликтов. При этом варианте англичане присоединили бы все пограничные туркменские земли. Английская правящая верхушка рассчитывала в случае отказа русского правительства укрепить свое влияние в Иране. Русское правительство, хорошо ориентируясь в английской политике, отказалось от ведения переговоров. Однако оно сочло возможным (чтобы не портить отношений с Англией), предложить англичанам приступить к переговорам о демаркации северо-западных границ Афганистана на осно-

ве принципов соглашения 1872—1873 года. В 1882 году русское правительство представило новый проект соглашения, которое должно было обеспечить более точное определение демаркационной линии от Ходжа-Салеха на запад до Саракса или соседнего с ним пункта на Герируде. Россия воздержалась со своей стороны указать направление этой линии, однако предложила в основу разграничения положить географические и этнографические признаки, имея в виду по возможности объединения туркменских племен.

Русский посол в Лондоне получил следующие инструкции:

1. Исходной точкой переговоров должно явиться соглашение 1872—73 года;

2. Разграничение между Россией и Ираном до Баба-Дурмаза и оттуда между Хорасаном и Атреком до Саракса является внутренним делом Ирана и России и в его разрешении не может быть допущено никакого постороннего вмешательства;

3. Переговоры о границах между Россией и Афганистаном должны касаться только определения границы между Ходжа-Салехом и Сараксом;

4. Пограничная линия от Ходжа-Салеха до Саракса, если английское правительство на это согласно, должна проходить таким образом, чтобы отделить в восточной части афганскую провинцию Чарвилайет от независимых от Афганистана туркменских племен, а в западной — племена джемшиды и хезаре от туркменских племен салоров и сарыков¹.

Переговоры об определении афганской границы, открывшиеся в Лондоне в 1882 году, остались безрезультатными. По-видимому, предложения русского правительства оказались неприемлемыми для Англии. Англичан мало интересовало установление точной границы Афганистана, потому что после наведения порядка на границе стало бы труднее без серьезных причин нарушать ее.

В конце августа 1883 года афганские войска, поощряемые англичанами, заняли самостоятельные ханства Шугнан и Рушан и присоединили их к афганскому Бадахшану. Однако по русско-английскому соглашению 1873 года Шугнан и Рушан не находились в числе тех

¹ Афганское разграничение..., ч. I, стр. 14.

² Там же, стр. 16.

³ Там же, стр. 14.

¹ Афганское разграничение..., ч. I, стр. 18—20.

территорий, на которые распространялась власть афганского эмира. Судя по сообщению туркестанского генерал-губернатора, эти события на бухарской границе угрожали безопасности Бухары, так как вооруженные афганские суда ходили по Аму-Дарье, а на левом берегу этой реки сконцентрировалась афганская кавалерия. Афганские солдаты несколько раз переправлялись на бухарский берег. Поэтому бухарский эмир обратился к русским властям в Туркестане с просьбой оказать ему помощь¹.

Русское правительство направило в Лондон представление, в котором указывало, что ханства Шугнан и Рушан граничат не только с Бухарой, но и с русской областью — Ферганой, всегда пользовались независимостью и по соглашению 1873 года не входят в состав владений афганского эмира... Захват Шугнана афганцами есть произвольное действие, явно противное смыслу соглашения и могущее послужить исходным пунктом недоразумений и осложнений между Бухарою и Афганистаном. Далее выражалась уверенность, что правительство Великобритании примет все меры, чтобы не было нарушено соглашение 1873 года и употребит все свое влияние на эмира, чтобы он отозвал из Шугнана войска и нового наместника².

На это представление британское правительство ответило только спустя шесть месяцев — 19 декабря 1883 года. В английской ноте говорилось: «...афганский эмир рассматривает Шугнан и Рушан как часть Бадахшана, формально признанного афганским владением. Сведений, имеющихся у английского правительства, недостаточно для решения этого вопроса, и оно было бы радо обсудить этот вопрос с правительством России и отправить комиссара для расследования на месте вместе с русским и афганским комиссарами»³.

Из ответа явствует, что вместо скорейшего разрешения спорного вопроса англичане предложили «произвести расследование на месте», то есть заведомо оттянуть надолго освобождение захваченных ханств.

Русскому правительству было известно, что англичане издавна интересовались Бадахшаном, как одним из важных экономических и стратегических центров, и поэтому в свое время оно настаивало на том, чтобы присоединить эти территории к Афганистану. Теперь же англичане продолжали свою старую политику и провоцировали афганцев на конфликт с Россией.

Русские ответили согласием на предложение англичан о создании смешанной комиссии. Но в то же время российское правительство указало, что целью комиссии должно быть не расследование притязаний эмира на Шугнан и Рушан, поскольку они противоречат соглашению 1873 года, а скорейшее проведение на месте демаркации между Россией и Афганистаном. Однако смешанная комиссия не была создана и пограничный вопрос остался не разрешенным.

Пока происходили описываемые выше события, англичане активизировали поиски в туркменских оазисах, развернули среди туркмен антирусскую пропаганду и начали вербовать среди них своих приверженцев. Вскоре после присоединения к России и Геок-Тепе, и Иолотана в 25 километрах от Мерва появилась некая личность, известная под именем Сиях-Пуша (черноризца), старательно скрывавшая свою национальность. Сиях-Пуш сначала действовал осторожно, но когда у него появились приверженцы, стал более решительным. Жил он большей частью в Пенде и в Иолотане и лишь иногда посещал Мерв. Вскоре он приобрел союзника — одного из старшин племени бахши Тобах-Каджар-хана. Вместе с ним Сиях-Пуш внушал туркменам, что «они не должны бояться России и поэтому не должны подчиняться русским властям»¹, и призывал их к борьбе с русскими. Сиях-Пуш обещал туркменам денежную и военную помощь Англии в их борьбе против русских. Среди туркмен начались волнения. В одном из сообщений говорится, что «Сиях-Пуш уговорил туркмен-сарыков единогласно согласиться быть подданными английского правительства. Позже Сиях-Пуш и индеец Ахмед-шах... стояли во главе мервцев, оказавших сопротивление русским войскам»².

По рассказам туркмен, Сиях-Пуш летом 1883 года

¹ М. Н. Тихомиров. Присоединение Мерва к России. М., 1960, стр. 106.

² Там же.

¹ Афганское разграничение..., ч. II, стр. 29.

² Там же, стр. 69.

³ Там же.

отправил из Мерва разбойничьи шайки, чтобы грабежами вызвать недовольство среди туркмен и жителей соседних иранских селений. Сиях-Пуш, действуя по указаниям своих хозяев — англичан, рассчитывал возмутить народные массы против русских властей, пообещав им оказать помощь¹.

Неустойчивая граница на юге России была опасна для российских владений на Кавказе и в Средней Азии. Крымская кампания показала уязвимость южных границ России. Присоединение Асхабада и Мерва укрепляло русские границы в Средней Азии, но ни в какой мере не могло служить базой для дальнейшего продвижения на юг, возможный же захват Мерва английскими войсками наверняка открывал бы для них путь в Среднюю Азию². Однако после присоединения Ахал-Теке к России в Мервском оазисе, особенно в пограничных районах Бухарского и Хивинского ханств, положение оставалось крайне неустойчивым. К концу 1883 года набеги мервских и сарыкских алиманишчиков на соседние районы приняли угрожающие размеры³.

Русское правительство было хорошо информировано о положении в Мерве и начало осуществлять активные контрмеры против происков англичан. В декабре 1883 года в Кары-Бенд на Теджене был отправлен небольшой русский отряд под командованием полковника Муратова, имевшего приказание не переходить за Теджен.

Отряд Муратова прибыл в Кары-Бенд, и полковник направил в Мерв подполковника Алиханова с требованием немедленно выдать иранских пленников и возратить награбленное туркменами Мерва у хорасанского населения имущество. В этом случае царские власти действовали в соответствии со своими обязательствами, данными иранскому правительству, относительно того, что, русское правительство будет заботиться о безопасности иранских окраин. Алиханов в Мерве развернул большую агитационную работу среди туркменских старшин, влиятельных лиц и местных ханов за добровольное принятие русского подданства. Собравшись на совет, туркменские старшины решили просить принять мервское население в русское подданство.

Ходатайство местных ханов и старшин было немедленно удовлетворено. Одновременно было дано указание начальнику Закаспийской области отправить в Мерв отряд для установления там необходимого порядка. 23 февраля русские войска появились в окрестностях Мерва, а в ставку начальника Закаспийской области, генерала Комарова, явилась депутация влиятельных ханов, старшин и почетных мервцев в составе четырехсот человек, которые заверили Комарова, что население Мерва якобы спокойно ожидает прибытия русских войск. Но положение в Мерве осложнилось тем, что английские агенты распустили слухи о движении к Мерву шеститысячного английского отряда, прибывшего уже в Герат¹. Несмотря на добровольное принятие мервцами русского подданства, недовольная группа туркмен, особенно родовые старшины, подстрекаемые Сиях-Пушем, встретили русский отряд ружейным огнем. Сопrotивление было быстро ликвидировано, недовольные были рассеяны и бежали в Герат. Вместе с ними бежал из Мерва и Сиях-Пуш, но через четыре дня его захватили в песках сами мервцы и выдали русским властям.

* * *

Присоединение Россией Мерва разрушило планы Англии, с давних пор стремившейся подчинить своему влиянию весь туркменский оазис. Английский империалистический «теоретик» Краузе, выбалтывая агрессивные планы своих хозяев, писал: «Оккупация Сарахса в 1884 году была жизненно важной для интересов Англии... Расположенный у входа в провинцию Хорасан, на полпути между Мешхедом и Гератом, Сарахс всегда был весьма важной позицией с военной точки зрения. Занять Сарахс значило господствовать над самыми богатыми районами как Персии, так и Афганистана»².

Апологеты британского империализма призывали английское правительство быстрее развязать открытую захватническую войну против России в Средней Азии,

¹ Афганское разграничение..., ч. II, стр. 70.

² Там же, стр. 109.

³ Там же, стр. 136.

¹ М. Н. Тухомиров..., стр. 147.

² Alexis Krausse, Russia in Asia. A Record and a etudu. 1558—1899. London — New York, 1960, p. 232.

овладеть Мервом и Сарахсом и превратить эти пункты в английский плацдарм.

29 февраля 1884 года английские правящие круги заявили правительству России протест по поводу присоединения Мерва к России, ссылаясь на то, что этот шаг является нарушением обязательств, принятых на себя Россией по отношению к Англии. Русское правительство отклонило протест и ответило, что его действия не стеснены какими-либо формальными обязательствами. На основе соглашения 1873 года оно пользуется полной свободой действий по отношению к Туркмении, и поэтому претензии Англии не имеют никаких оснований.

После долгих дипломатических переговоров по мервскому и афганскому вопросам английское правительство решило для отвода глаз согласиться на русские предложения и возобновить переговоры об определении русско-афганской границы. При этом оно не отказалось от мысли расширить афганскую территорию за счет захвата исконных земель туркменских племен на юге и спровоцировать афгано-русский конфликт.

В 1883 году англо-индийские власти установили афганскому эмиру Абдурахман-хану крупную субсидию в 1800 тыс. рупий в год. В первые три года царствования Абдурахман получил от англичан денежную помощь, в полтора раза превосходящую общую сумму взяток, полученных всеми его предшественниками от «британского раджи». Кроме того, Афганистан получил большую военную помощь — 20 тысяч винтовок, одну батарею тяжелых орудий, несколько батарей полевой артиллерии с запасом снарядов и патронов, а также право провоза оружия и военных запасов из Европы через Индию. Одновременно английские инженеры на английские средства строили в Кабуле полукустарные предприятия по производству военного снаряжения («машина-хана»)¹.

Вместе с тем Англия продолжала переговоры с русским правительством об установлении государственной границы Афганистана. 24 апреля 1884 года посол Великобритании в Петербурге сообщил министру иностранных дел о том, что британское правительство, придавая

особую важность вопросу о границах между Россией и Афганистаном, готово согласиться на предложения России, внесенные в 1882 году и повторенные в 1884 году относительно определения границ Афганистана. Он добавил, что по мнению его правительства основные отрезки пограничной линии должны быть определены на месте и для этого должна быть назначена смешанная комиссия, в состав которой войдет и афганский представитель.¹

Русское правительство с удовлетворением приняло заявление англичан относительно разграничения. 3 мая 1884 года министр иностранных дел России сообщил, что его правительство согласно назначить своего комиссара, который вместе с представителем Великобритании посетит бы подлежащие разграничению районы для определения границы, удовлетворяющей оба правительства. Однако русское правительство считало целесообразным присутствие афганского представителя только в качестве эксперта, чтобы давать пояснения в тех случаях, когда это окажется необходимым, но он не должен входить в состав комиссии как полноправная сторона². По-видимому, Россия не хотела предоставлять преимущества англичанам, которые, прикрываясь несогласием афганского представителя, могли в ущерб интересам России затягивать переговоры бесконечными спорами вместо прямого разрешения вопроса.

Английское правительство согласилось с предложением русской стороны относительно состава комиссии и предложило, чтобы комиссары обеих держав съехались 1 октября того же года в Сарахсе на левом берегу Герируда. Русское правительство не имело оснований возражать против этого, но, опасаясь, что англичане могут признать Сарахс за исходный пункт афганской границы, как это значилось на английских картах, со своей стороны предложило, чтобы предстоящее разграничение явилось дополнением к соглашению 1873 года, а поэтому определение афганской границы было начато от Ходжа-

¹ Посол Великобритании в Петербурге Э. Торнтон — министру иностранных дел Гирсу 24 апреля 1884 г. Афганское разграничение..., ч. II, стр. 63.

² Министр иностранных дел Гирс — послу Великобритании Торнтону 3 мая 1884 г. Там же, стр. 65.

¹ И. М. Рейснер. Независимый Афганистан. М., 1929, стр. 60.

Салеха на Аму-Дарье, признанного на основании этого соглашения крайним пунктом владений афганского эмира¹.

Такая постановка вопроса вызвала недовольство в Лондоне. Там считали, что наиболее существенные интересы Англии связаны с западной частью афганской границы, примыкающей к Герируд. Поэтому комиссары обоих правительств должны были прежде всего определить исходный пункт границы на Герируде и от этого пункта направиться к Ходжа-Салеху. Все попытки русского правительства убедить англичан в том, что поскольку исходный пункт афганской границы на Герируде неизвестен, то это может привести к разногласиям между комиссарами, и что поэтому следует приостановить работы по разграничению до разрешения этих вопросов их правительствами, остались безрезультатными.

Какими вескими ни были эти доводы, они не изменили позиций английского правительства, которое приводило все новые аргументы в защиту своего плана. Англия указывала на то, что недавнее присоединение Мерва к русским владениям якобы вызвало в Афганистане большую тревогу, которая может быть устранена лишь по установлении определенной границы на пространстве, заключенном между реками Герирудом и Мургабом. Отсрочка разрешения этого существенного вопроса, по мнению английского правительства, привела бы лишь к усугублению существующих затруднений.²

Не удовлетворившись этими заявлениями, правительство Великобритании не могло уже больше скрывать свои цели и вынуждено было официально заявить о них русскому правительству. В английской ноте от 25 июля 1884 года подчеркивалось, что афганская территория должна простирается до пункта, расположенного вблизи Саракса... и комиссия при определении истинных пределов территории, принадлежащей афганскому эмиру, должна руководствоваться политическими отношениями племен; однако для максимального уменьшения возможных осложнений комиссии не следует возлагать на

¹ Министр иностранных дел Гирс — послу Великобритании Торнтону 18 июня 1884 г., Афганское разграничение..., ч. II, стр. 69—71.

² ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 3, д. 607, лл. 140—142.

эмира обязательств, которые были бы ему нежелательны или которые он не мог бы выполнить на деле¹.

Содержание ноты лишний раз доказывает, что в разграничении англичане преследовали цели, отвечающие лишь их собственным интересам, и только в их интересах были искусственно вызваны осложнения на пути окончательного решения русско-афганского разграничения.

Русское правительство, желая избежать осложнений, согласилось с предложениями Англии относительно исходного пункта и дало согласие начать работы по разграничению не от Ходжа-Салеха на Аму-Дарье, а от реки Герируд. Вместе с тем оно заранее объявило английскому правительству свою точку зрения на проблему русско-афганского разграничения. 30 июля 1884 года министр иностранных дел России вручил послу Великобритании в Петербурге ноту, в которой указывалось, что для успеха русской политики все племя туркмен-сарыков, живущее от Иолотана до пограничных постов Афганистана, должно быть подчинено влиянию русских властей и эмир Абдурахман-хан должен отказаться от всяких притязаний на расширение своих владений за счет территории туркмен-сарыков, не являющихся подданными Афганистана. Такое обязательство вполне соответствовало бы основам соглашения 1873 года².

Это требование русского правительства было вполне оправданным. Туркменские племена — солары и сарыки кочевали между территориями мервцев и джемшидов, занимая среднюю часть реки Мургаб. Вся территория к югу от Мерва была занята этим племенем и их кочевья от Иолотана на Мургабе доходили до границ Афганистана. На этих территориях афганцы не жили. Туркмены-сарыки считали себя самостоятельными.

После падения Ахал-Теке, 21 января 1881 года в русский лагерь под Геок-Тепе явился мулла Ишан-Караулбеги от племени туркмен-солар и сарыков с письмом. К письму было приложено более сорока печатей старшин и байрак-ханов. Они просили: «...мы желаем принять

¹ Меморандум английского правительства русскому министерству иностранных дел 25 июля 1884 г. Афганское разграничение..., ч. II, стр. 85.

² Афганское разграничение..., ч. II, стр. 89.

подданство белого царя (русского императора — Ф. Ю.), чтобы наше имущество, жены и дети были под его высоким покровительством»¹.

До завоевания Мерва Россией племенные и родовые старшины сарыков враждовали с мервцами. Под нажимом афганской агентуры туркменские старшины направили к правителю Герата делегацию и заявили, что они согласны платить афганскому правительству установленные налоги. Гератский правитель был крайне обрадован этим заявлением; туркменским представителям был оказан почетный прием, а старшинам — организаторам депутации — эмир послал ярлык и ценные подарки. Однако туркмены-сарыки Пенде отказались признать афганскую власть и платить налоги. Правитель Герата угнал у туркмен-сарыков 20 тысяч баранов. Туркменам было объявлено, что если они не уплатят налог, то бараны возвращены не будут, сардар Амовия-хан вооруженной силой подчинит Афганистану население Пенде². Позднее афганцы угрозами заставили туркмен-сарыков платить налог и пенденские сарыки попали в полувассальную зависимость от правителя Герата.

«С осени прошлого года (1884) афганские власти потребовали, чтобы сарыки Пенде уплачивали подать с урожая ($\frac{1}{10}$ часть), что должно было означать признание пендинскими сарыками их подданства эмиру»³.

Действия эмира были продиктованы его английскими советниками, чего он и не скрывал. По его словам, англичане уверяли: «Какое бы место ни было занято афганскими войсками, русские не посмеют тронуть его»⁴. Английское правительство не только не хотело разрешить вопрос русско-афганского разграничения мирным путем, но, наоборот, толкало афганского эмира на новые территориальные захваты.

Лицемерие английской политики как нельзя лучше отражает нота английского правительства от 9 августа 1884 года, в которой говорилось, что английское прави-

тельство не считает себя вправе давать какую бы то ни было инструкцию, могущую повлечь за собою, без согласия на то афганского эмира, отчуждения территорий, на которые он заявляет притязания¹.

Как видно, английское правительство не собиралось удерживать афганского эмира от попыток расширить свои владения за счет земель туркмен-сарыков. Наоборот, английский комиссар по разграничению получил от своего правительства инструкции, согласно которым комиссии по разграничению предстояло руководствоваться политическими отношениями племен и «не возлагать на афганского эмира обязательств, которые он мог бы и не принять»².

Несмотря на различие во взглядах по поводу установления точной русско-афганской границы, русское правительство, чтобы устранить всякие осложнения и соперничество в Средней Азии, а также для завершения работы, начатой по соглашению 1873 года, отдало распоряжение генералу Зеленому, назначенному русским пограничным комиссаром, встретиться с английским комиссаром генерала Лемсденом примерно 1 октября 1884 года в Сарахсе. Там они должны были условиться о ходе работ по разграничению, причем оба комиссара должны были обратить внимание на то, что граница соответствовала географическим и этнографическим условиям зоны разграничения³.

Предложение русского правительства положить в основу русско-афганского разграничения географический и этнографический принцип соответствовало интересам России. Русское правительство считало, что если сарыкское население на востоке останется под властью Афганистана, то и впредь нельзя будет избежать недоразумений между Россией и Афганистаном. Английское правительство, наоборот, стремилось на будущее сохранить очаги противоречий между Афганистаном и Россией, которые в любой момент можно было бы раздуть в своих интересах. Поэтому, вопреки русскому предложению, англичане дали своему комиссару Лемсдену указание при разграничении руководствоваться только политическими

¹ А. Н. Маслов. Завоевание Ахал-Теке, СПб, 1887, стр. 191.

² Фаиз Мухаммед хан. Сирадж-ат-таварих, т. III, Кабул, 1913, стр. 423.

³ П. М. Лессар. Юго-западная Туркмения (земли сарыков и сараров), СПб, 1885, стр. 63.

⁴ М. Н. Тихомиров. Присоединение Мерва к России, М., 1960, стр. 170.

¹ Посол Великобритании Торнтон министру иностранных дел Гирсу 9 августа 1884 г., Афганское разграничение..., ч. II, стр. 93.

² ЦГИА УзССР, ф. 11, оп. 3, д. 607, л. 147.

³ Афганское разграничение..., ч. II, стр. 93—94.

отношениями племен, отвергая значение географическо-этнографических условий.

В Петербурге было получено известие, что назначенный британским правительством комиссар по определению северо-западной границы Афганистана Лемсден прибыл в Тегеран и, пробыв там непродолжительное время, отправился в Сарахс, где примерно 25 октября должны встретиться оба комиссара¹.

Русское правительство тормозило выезд своего комиссара на место назначения, мотивируя задержку то заболеваниями генерала Зеленого, то трудностями зимнего перехода по пустыням Средней Азии и т. п. И, наконец, оно предложило отложить встречу комиссаров до 13 января будущего 1885 года с тем, чтобы встреча обоих комиссаров состоялась не в Сарахсе, а в Пули-Хатуне — несколько южнее².

Министр иностранных дел России Гирс сообщил в Лондон мнение своего правительства: «Когда начались переговоры между Россией и Англией, Старый Сарахс, находящийся на правом берегу Теджена, против персидского укрепления того же имени, был совершенно необитаем. Но с тех пор в Старом Сарахсе поселились 2300 семейств, то есть более 10 тысяч душ туркмен-саларов. Поэтому, желая предупредить как смуты среди этой массы туркмен, так и столкновения между ними и населением левого берега реки, мы считаем необходимым отправить туда 200 казаков и приступить к устройству новой колонии. С одной стороны, при таких обстоятельствах появление отряда иностранных войск в Старом Сарахсе может произвести лишь неблагоприятное влияние с точки зрения сохранения устроенного нами в этой местности порядка. С другой стороны, мы не знаем, не встретит ли Персидское правительство неудобства в присутствии на левом берегу Теджена военных конвоев обоих Комиссаров, численность которых превысит, по всей вероятности, 400 человек. Выбор Пули-Хатуна для съезда Комиссаров устранил бы эти неудобства...»³.

¹ Афганское разграничение..., ук. соч., ч. II, стр. 99—101.

² Там же.

³ Министр иностранных дел Гирс — русскому послу в Англии Стаалю, 26 сентября 1884 г., Афганское разграничение..., стр. 103—105.

Англия не согласилась с предложением России и в меморандуме от 30 сентября 1884 года категорически отвергла русское предложение. Она считала, что слишком поздно изменять английское решение, а что касается конвоя английского комиссара, который состоит из 200 человек кавалерии и 200 человек пехоты, то он уже находится по пути к Герату. Относительно места съезда комиссии, английское правительство изъявило свое согласие на встречу в Сарахсе и теперь не считало возможным избрать какой-нибудь другой пункт и «надеется, что русское Правительство останется при состоявшемся между обоими правительствами соглашении и поручит своему Комиссару прибыть своевременно в Сарахс, дабы работы могли быть начаты до наступления зимы»¹.

Учитывая сложившиеся обстоятельства, русское правительство предложило английским властям без промедления приступить к определению зоны разграничения, то есть того территориального пространства, в пределах которого должна быть проведена демаркационная линия, съемка и описание которой должны лечь в основу дальнейших переговоров между обоими правительствами, если бы комиссары не пришли к соглашению относительно демаркационной черты.

Начальник Азиатского департамента Зиньев вместе с русским комиссаром разграничения генералом Зеленым 1 октября 1884 года посетили британского посла в Петербурге. Переговоры между ними не привели к соглашению, англичане продолжали отстаивать свою позицию.

Русскому правительству не оставалось ничего более, как направить 9 октября 1884 года правительству Великобритании меморандум, в котором указывалось, что генерал Зеленый не имеет возможности встретиться со своим британским коллегой раньше 15 января. Так как британское правительство односторонне нашло необходимым довести численность английского конвоя до 400 человек, то и русским правительством принимаются меры к тому, чтобы довести конвой своего представителя до такой же цифры. Обращалось внимание Англии на необходимость

¹ Афганское разграничение..., стр. 105—107. Посол Великобритании в Петербурге русскому министру иностранных дел 30 сентября 1884 г.

заранее определить обязанности комиссаров и пределы зоны обследования. Учитывая особенности местности, в условиях которой придется действовать комиссии, единственным способом избежать разногласий, которые могут возникнуть между обоими комиссарами и повлечь за собой приостановку работы, является такое заблаговременное точное определение круга их действий¹.

Англичане признали рациональность русского предложения об определении зоны разграничения, пределы которой не нарушались бы при начертании границы. Однако они остались при своем мнении, констатируя, что определение такой зоны разграничения должно быть предоставлено на усмотрение обоих комиссаров, тем более, что английский комиссар должен предварительно посоветоваться с представителем афганского эмира.

Русское правительство, желая ускорить разрешение спорных вопросов, поручило генералу Зеленому составить проект зоны разграничения на основании имеющихся данных. Генерал Зеленый горячо взялся за это и вскоре представил записку, в которой, в частности, предлагал, чтобы «... северная граница зоны, исходя из пункта на правом берегу Герируда, находящегося против Дуалет-Абада, направлялась бы по прямой линии к Мургабу и, пересекши реку эту выше Имам-Бахша... и в этом отношении течение реки Герируда служило бы западной границей зоны.

Что же касается южной ее границы, то таковая, имея равным образом исходный пункт на правом берегу Герируда, направлялась бы по естественной линии — горной цепи, замыкающей с севера долину Герата, до истоков рек Кушка и оттуда вниз по течению этой реки до Чихиль-Духтера. От этого пункта южная граница направлялась бы вдоль пределов поселений Джемшидиев и Фируз-Кухиев до афганского форта Бала-Мургаб, откуда она прошла бы по течению рек Кайсора и Сангалака и вдоль окраин округа Андхой равным образом и Ходжа-Салеху на Аму-Дарью»².

¹ Меморандум русского министерства иностранных дел послу Великобритании в Петербурге 9 октября 1884 г. Афганское разграничение..., ч. II, стр. 113.

² Афганское разграничение..., ч. II, стр. 133—135.

14 ноября 1884 года Гирс сообщил об этом послу Великобритании Торнтону. Кроме того, записка Зеленого была передана Торнтону с просьбой направить ее на обсуждение английского правительства. Гирс указывал, что русское правительство не может не опасаться значительного вооружения афганцев на северных окраинах Герата и прибытия туда английского конвоя, численность которого намного превышала численность русского конвоя, о которой было предварительно условлено с английским послом. В ноте подчеркивалось, что только с этой причиной и было связано учреждение русского передового поста в Пули-Хатуне. Категорически опровергая утверждения англичан о том, что захват Пенде афганцами явился лишь прямым и неизбежным следствием занятия Пули-Хатуна русскими войсками, русское правительство утверждало, что занятие Пенде афганцами носит совершенно другой характер. Если даже туркмены-сарыки, живущие в Пенде, платили дань афганским властям, тем не менее этот район никогда не был занят афганскими войсками до этого, и его население всегда было независимым. В то же время родичи туркмен Пенде в Иолатане и Чарбаре уже подчинились русским властям. Поэтому русское правительство настаивало на присоединении пендинского оазиса с его населением туркменами-сарыками к владениям России.

Англичане, лицемерно заявляя о своей готовности дружелюбно разрешить вопрос о русско-афганской демаркации, стремились осуществить свои агрессивные планы в Средней Азии. Английская комиссия по разграничению была организована с таким расчетом, чтобы вызвать русско-афганский конфликт. Если бы английские империалисты не таили агрессивных планов и стремились бы помочь афганцам установить точную государственную границу мирным путем, то им не нужно было укомплектовывать английскую комиссию по разграничению исключительно офицерами англо-индийских войск и сопровождать ее таким многочисленным конвоем. Английская комиссия по разграничению состояла из 35 человек, большинство из которых было офицерами. В их числе находился полковник Стюарт. Офицерам было поручено основательно изучить новую границу в стратегическом и тактическом отношении и указать афганскому правительству, где и какие именно строить укрепления и содержать

там войска. Имелось в виду, что эти позиции будут снабжены английским оружием.

Трудно было поверить в мирный исход переговоров по разграничению, когда английская комиссия явилась на чужую территорию в сопровождении такого многочисленного отряда. Между тем, в начале переговоров англичане заверили, что конвой английского комиссара будет состоять из четырехсот человек. Английская печать писала по этому поводу, что правительство уверяло эмира, что английская миссия не будет превышать 600 человек и эмир согласился взять на себя обеспечение безопасности всей комиссии при проходе через афганские территории при условии, что командующий отрядом полковник Риджуэй будет во время марша во всем подчиняться доверенному офицеру эмира. Однако, когда офицер прибыл в лагерь английской комиссии, он обнаружил вместо 600 человек вооруженный отряд в 1000 человек с соответствующим количеством лагерной прислуги. Естественно, что афганское правительство не дало своего согласия принять такой большой отряд. После переговоров с афганцами англичане отобрали из состава отряда 800 человек и оставили их при английской комиссии, после чего по распоряжению Риджуэя военные грузы на 600 верблюдах были отправлены в Герат¹.

Кроме собственного вооруженного конвоя комиссии, эмир приказал правителю Герата предоставить для сопровождения комиссии 400 кавалеристов и 200 человек пехоты. Таким образом английская комиссия по разграничению превратилась в большой вооруженный отряд, представляющий собой на границе русских владений серьезную военную угрозу. Английский комиссар генерал Лемсден в беседе с афганским представителем Кази-Сад-адином заявил, что «вопрос о Герате и защита афганской границы зависит от Англии и находится в руках ее комиссии» и «... Афганистану необходимо строить военные укрепления в важных стратегических пунктах на афганской границе»².

После этого, действительно, с помощью англичан в Афганистане был создан ряд военных укреплений в пограничных районах — Пенде, Мургаб, Меручак и Андхой.

¹ Фаиз Мухаммед-хан. Сирадж-ат-таварих, т. III, Кабул, 1913, стр. 440.

² Там же, стр. 447.

Английская комиссия по разграничению вела среди населения Пенда, Иолотана и других мест активную антирусскую пропаганду. Зная нравы английских колонизаторов, Абдурахманхан предупреждал своих сановников в том, что комиссия Лемсдена везет с собой много ценностей, шелковых тканей, парчи, а также винтовок, пистолетов, биноклей, часов для «подарков» туркменам-сарыкам, живущим в Пенде, и саларам, живущим на Мургабе, и призывал по возможности препятствовать попыткам англичан подкупать туркмен¹.

Очевидно, сами афганцы опасались, как бы подкупленные туркмены не выступили не только против русских, но с помощью англичан и против афганцев.

Английский комиссар Лемсден во время своего пребывания в Афганистане занимался подкупом и вербовкой шпионов среди туркмен и афганцев, которых засылал не только в Мерв и Асхабад, но также в Бухару и Хиву.

5 января 1885 года из Бухары и Ширабада сообщили, что в Бухаре появились туркмены-сарыки из Пенда с английскими денежными знаками². Английские офицеры таким образом щедро раздавали деньги тем, кто готов был им служить.

Во время взятия царскими войсками Геок-Тепе и Мерва жители Пенда были склонны присоединиться к России³. Как писал П. М. Лессар: «В случае появления русских в Денде они будут встречены в высшей степени сочувственно громадным большинством населения оазиса»⁴.

Настроение сарыков было известно и англичанам. Поэтому, чтобы привлечь симпатии туркмен на свою сторону, генерал Лемсден предложил гератскому правителю освободить их от непосильных налогов. Он отметил: «в противном случае они могут перейти на сторону русских»⁵. Английская комиссия по разграничению в Пенде

¹ Фаиз Мухаммед-хан, Сирадж-ат-таварих, т. III, Кабул, 1913, стр. 447.

² ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 3, д. 607, л. 65.

³ М. Н. Тихомиров. Присоединение Мерва к России. М., 1960.

⁴ П. М. Лессар. Юго-западная Туркмения (земли сарыков и саларов), СПб, 1885, стр. 20—21.

⁵ Фаиз Мухаммед-хан..., т. III, стр. 450.

вела тактику заигрываний и подкупов. Газета «Пайонир» писала: «Золотой ключ сделался, по-видимому, эмблемой установившейся и традиционной британской политики. Удержит ли он ворота Герата запертыми... Не русские, а мы разыграли двойную игру с пограничной комиссией. Власти, которые ответственны за посылку Питера Лемсдена, знали наперед, что он не найдет русской миссии на границе, и они не желали, чтобы он нашел ее»¹.

Эти факты подтверждают стремление английских империалистов использовать в своих агрессивных целях удобный момент. Им было хорошо известно, что русский комиссар еще не выехал из Петербурга, но англичане направили к месту встречи свою комиссию в сопровождении конвоя, в несколько раз превышающего количество солдат, допустимое по соглашению с русским правительством. До приезда русского комиссара, под видом исследовательских работ, начались военные приготовления, усилилась антирусская пропаганда. Официальная англо-индийская пресса подогревала эти настроения. 14 января 1885 года газета «Пайонир» писала «...Почему бы нам не придерживаться более смелой политики относительно этой части территории эмира (Герата — Ф. Ю.), которая в настоящее время исследуется сэром П. Лемсденом и его партией. Поэтому нужно всемерно воспользоваться ростом английского престижа на Герируде и Мургабе».

Далее газета демагогически утверждала, что «вопрос об укреплении Герата уже рассматривался и был на некоторое время отложен лицами, контролировавшими наши отношения с Афганистаном, но теперь, когда офицеры наши находятся на месте (в Афганистане — Ф. Ю.) и когда жители страны желают оказать нам свое содействие к охранению владений эмира. Поэтому инициатива должна принадлежать Индии...»²

Английские агрессоры не ограничивались только словами. Об этом свидетельствует официальное донесение из Бухары русскому министру иностранных дел 2 декабря 1884 года, в котором говорится, что в Герат прибыли 500 англичан, которые считаются передовым отрядом

английских войск и, по-видимому, готовятся к походу на Мерв. Пять человек из них осматривали Чер-Вилает и уехали через Пенде в Герат. Англичане предложили афганцам создать отряд в Чер-Вилаете и построить казармы в Анджое. Эмир афганский согласился на это и англичане обещали предоставить ему деньги и вооружение¹.

Приведенные факты красноречиво доказывают истинную сущность английской политики в вопросе демаркации. Лемсден на пути в Афганистан, в Тифлисе 15 сентября 1884 года имел беседу с генералами Дондуковым и Зеленым. Он уверял, что Теджен только ниже Саракса выходит из Гератской провинции и что туркмены-сарыки Пенда свыше 60 лет являются данниками эмира².

Такие заявления английской комиссии по разграничению и ее действия серьезно тревожили русские власти в Средней Азии. Вести о занятии афганцами оазиса Пенд и о подготовке афганских войск к передвижению в направлении Мерва заставили русское правительство немедленно принять необходимые меры для обеспечения безопасности туркменского населения и русских владений в Средней Азии. С этой целью командующий войсками Кавказского военного округа (в это время Закаспийская область входила в округ — Ф. Ю.) признал необходимым укрепить двумя батальонами пехоты и двумя казачьими сотнями войска, расположенные между рекой Мургабом и Герирудом³.

Вслед за этим русское правительство получило новое сообщение из Асхабада о том, что афганский отряд в 150 всадников занял Зульфугарский проход и что поставлен афганский пост в Сары-Язы. Министр иностранных дел Гирс 27 января 1885 года сообщил об этом русскому послу в Лондоне Стаалу и поручил ему обратить внимание английского правительства на действия афганских властей, как противоречащие соглашению 1873 года⁴.

Английское правительство вместо того, чтобы удовлетворить законные требования России, обвинило самую Россию в агрессии. Лемсден донес из Бала-Мургаба,

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 3, д. 607, стр. 53.

² А. Д. Шеманский. Бой на Кушке 18 марта 1885 г., СПб., 1904, стр. 22.

³ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 3, д. 607, л. 85.

⁴ Переговоры между Россией и Англией. Ук. сб., ч. II, стр. 153.

¹ Туркестанский сборник, т. 380, «Новое время», № 3281, 1885 г.

² Там же.

что отряд русской кавалерии численностью в 100 всадников прорвался через афганские аванпосты и расположился в Аймак-Джаре, в трех милях на юг от Сары-Язы. Кроме того, сообщено, что, по слухам, русский офицер с отрядом текинцев занял Зульфугарский проход. Английское правительство немедленно послало ноту, которая заканчивалась предупреждением: «если всему этому не будет немедленно положен конец, это может привести к самым серьезным последствиям». Нота указывала, что просьба русского правительства не может быть удовлетворена, так как «мы не можем предложить афганцам очистить те территории»¹.

Русское правительство было вынуждено защищать свои интересы, чтобы не допустить дальнейших действий, которые могли бы нанести ущерб русским интересам и угрожать безопасности среднеазиатских владений России. Командующий войсками Закаспийской области получил приказ выдвинуть к району Пенда передовые посты. При этом для предупреждения осложнений, русским передовым постам было приказано избегать столкновений с афганскими войсками².

* * *

6—8 марта 1885 года русский отряд был сосредоточен в Аймак-Джаре. Разведка сообщила, что в афганском лагере более 3000 солдат.

12 марта русский отряд заночевал в Уруш-Душуне, а на другой день расположился бивуаком, всего в 4—5 верстах от афганцев. Афганцы кавалерийским отрядом и пехотой при двух орудиях заняли левый берег Кушки.

В Пенде в это время находилась группа членов английской пограничной комиссии, однако они не препятствовали продвижению афганцев вниз к левому берегу Кушки. Это подтверждают английские авторы, в частности Дж. Макмуни, который пишет, что афганские войска «...без разрешения перешли на спорный левый берег Кушки»³.

¹ Переговоры между Россией и Англией. Ук. сб., ч. II, стр. 155.

² То же, стр. 152. Меморандум русского правительства английскому послу в Петербурге.

³ Maemun, George. *Afghanistan From Darins to Amanullah* London, 1929, p. 213.

По сообщению Туркестанского генерал-губернатора, английские офицеры из пограничной комиссии вместо того, чтобы принять меры к ликвидации конфликта, посетили провинцию Чер-Вилает в Афганском Туркестане, где производили смотр афганским войскам и советовали местным властям укрепить некоторые пункты на левом берегу Аму-Дарьи. Один офицер переправился с вооруженным конвоем через реку на бухарскую территорию около Келифа¹.

Английские агенты всячески доказывали эмиру, что движение русских к Кушке явится нарушением конвенций, за что «русские будут привлечены к ответу»². Перемещение афганских войск к месту, где река Кушка впадает в Мургаб, было заранее обдумано и подготовлено. В случае отступления русских войск могли возникнуть волнения в только что занятых туркменских областях и особенно в Мерве, где оставались еще недовольные присоединением Мерва к России. Конные афганские разъезды дошли почти до Имам-Бабы на Мургабе, оказавшись в непосредственном соседстве с плотиной, переправляющей эту реку³.

13 марта афганский отряд без предупреждения начал продвигаться за Кушку, устанавливая на русском фланге посты, рыть укрепления.

14 марта русские получили письмо от капитана Иэта, назначенного английским комиссаром по разграничению наблюдателем в районе Пенде. Иэт писал, будто командующий афганскими войсками в Пенде передал ему, что с ним хочет встретиться какой-то русский начальник. По поручению генерала Комарова, подполковник генерального штаба Закржевский ответил, что никто из русских начальников такого желания не высказывал, но что если капитану Иэту угодно, Закржевский выедет навстречу в 5 часов дня. Свидание состоялось в назначенное время. Со стороны англичан на нем присутствовали: капитан Иэт, капитан Лассе, доктор Оуэн и двое индийцев, со стороны русских — Закржевский.

¹ Афганское разграничение..., ч. II, стр. 156 (Письмо министра иностранных дел Гирса русскому послу в Лондоне Стаалю 24/II-1885 г.).

² В. Прасолов. Мургабский поход 1885 г. СПб., 1910, стр. 29.

³ М. Н. Тихомиров. Присоединение Мерва к России, М., 1960, стр. 171.

Англичане, упомянув о соглашении, состоявшемся между обоими правительствами, которое дает им возможность говорить откровенно, заявили, что им с каждым днем становится труднее поддерживать порядок Пенде, особенно в связи с возможностью столкновения русских с афганцами, и пытались выяснить намерения русских.

Закржевский заявил, что он не имеет никаких полномочий от своего командования и высказал свое личное мнение, что из самого хода событий англичанам должно быть ясно, что русские не имеют никаких намерений нападать на афганцев.

15 марта капитан Иэт снова прислал Закржевскому письмо с приложением копии телеграммы английского министра иностранных дел Гренвилла комиссару Лемсдену о соглашении между русским и британским правительствами относительно того, что войска обеих сторон не должны продвигаться дальше занимаемых позиций до определения границы.

Закржевский ответил, что командующий Закаспийским отрядом русских войск «...вовсе не имеет намерения начинать враждебные действия против афганцев, если они не вынудят его к тому, чтобы перейти в наступление; но он считает безусловно необходимым просить афганцев отодвинуть свои посты, которые, продолжая двигаться вперед, ставят его в необходимость принять серьезные меры, чтобы заставить их отойти, и, таким образом, уменьшить вероятность столкновения. Если афганцы пожелают убрать свои аванпосты с левого берега Кушки, равно как и с правого берега Мургаба, то он может положительно отвечать за их безопасность, так как ни одному русскому солдату не будет дозволено перейти через Кушку»¹. Несмотря на миролюбивое предложение русского командования, англичане не приняли никаких мер против продвижения афганских войск на левый берег Кушки и Мургаба.

Русская разведка донесла, что англичане вербуют ополченцев для войны с русскими среди туркмен-сарыков, живущих в Пенде, причем каждому завербованному они обещали платить по 2 рупии в день.

¹ Переговоры между Россией и Англией. Ук. сб., ч. II, стр. 311. Письмо Закржевского Иэту от 16 марта 1885 г.

17 марта афганцы растянули цепь своих войск перед русскими аванпостами до самой реки Мургаб. Между солдатами обеих сторон началась перебранка¹.

Капитан Иэт еще 15 марта сообщил подполковнику Закржевскому, что «афганцы получили приказ от эмира — если (русские — Ф. Ю.) только сделают попытку заставить их освободить занимаемые позиции — открыть огонь»².

Английские представители действительно вели непосредственные переговоры с русскими военными властями. Английский комиссар в англо-русской комиссии по разграничению генерал Лемсден писал, что он «находится в невозможности побуждать афганцев к дальнейшим уступкам, угрожая возможным разрывом отношений между Россией и Англией»³.

Создававшаяся обстановка и вызывающее поведение афганских разъездов по отношению к русским постам заставили генерала Комарова 17 марта 1885 года послать командующему афганскими войсками Темур Шах-хану Наиб-Салару письмо.

Комаров писал: «...Требую, чтобы сегодня до вечера все подчиненные вам военные чины до единого возвратились в прежние стоянки свои на правый берег р. Мор (Кушка), чтобы посты ваши на правом берегу Мургаба не спускались ниже соединения рек. Переговоров и объяснений по этому вопросу не будет. Вы обладаете умом и проницательностью и, вероятно, не допустите, чтобы я свое требование привел в исполнение сам»⁴.

К вечеру того же дня был получен ответ афганского командующего Темур-Шах-хана Наиб-Салара: «Сегодняшнее письмо Ваше относительно отступления и движения батальона, караулов и проч. мною получено. Так как я получил от гератского Наиб-Уль-Хукуме (правителя — Ф. Ю.) инструкцию и приказание во всех отношениях советоваться с господином капитаном-бехадуром Иэт, назначенным со стороны генерал-бехадура Пите-

¹ В. Прасолов. Мургабский поход 1885 г., СПб., 1910, стр. 63.

² Переговоры между Россией и Англией. Ук. сб., ч. II, стр. 309. Письмо Иэта Закржевскому от 15 марта 1885 г.

³ М. Алиханов-Аварский. Закаспийские воспоминания. «Вестник Европы», Октябрь, 1904, стр. 471.

⁴ Афганское разграничение..., стр. 313. (Письмо Комарова Темур-Шан-хану Наиб-Салару от 17 марта 1885 г.)

ра Лемсдена, комиссара пограничной комиссии, то, согласно этому приказанию гератского Наиб-Уль-Хукуме, я дал прочесть письмо ваше капитану Иэт... Да будет известно, что я обязан душою и сердцем исполнять последовавшие от эмира приказания и что я ни под каким видом не могу противодействовать повелениям моего государя»¹.

Письмо афганского командования совершенно четко вскрывает провокационную линию поведения английских офицеров, явно стремившихся вызвать конфликт между русскими и афганцами. Генерал Комаров принял решение на следующий день утром очистить левый берег Кушки демонстративным маневром всего мургабского отряда. Отряд должен был выступить из лагеря в 5 часов утра. Были даны строгие указания провести маневр без единого выстрела, пока не будет получено личного приказа командующего или пока противник первым не откроет огонь.

Перед выступлением генерал Комаров вторично направил письменное предупреждение афганскому командованию, в котором писал: «Ответ ваш получен. В видах сохранения дружественно-соседских отношений считаю необходимым объяснить, что маловажные изменения передовых постов и разъездов я, в силу данной мне моим правительством задачи, могу допускать только в виде исполнения сегодняшнего письма моего, в коем объяснены мои предложения. Хотя советники, о которых вы пишете, видимо, стараются разорвать дружественные наши отношения, при всем том я повторяю, что если только не будут удалены на ту сторону р. Кушка караулы и посты, то обстоятельство это не повлечет за собою хороших последствий, в чем, после сего вторичного письма своего, я слагаю с себя всякую ответственность. Да поможет вам господь в разрешении этого дела и установлении, вместо вражды, дружественно-соседских отношений, дабы не пришлось раскаяться в том, что вы слушались бесполезных советов посторонних лиц. Выбор между дружбою и враждою зависит от вас самих»².

Несмотря на вторичное предупреждение, афганцы, увидев маневры русских войск, не только не очистили бе-

рег, а 18 марта в 6 часов 16 минут утра с афганской стороны раздался первый выстрел, через 10 секунд — второй, а вслед за ним последовала частая стрельба. Подполковник Алиханов подал русскому отряду команду открыть огонь, завязалась перестрелка. Конная атака афганцев была отбита¹.

Бой шел в самом Таш-Кепри. Афганцы не выдержали и беспорядочной массой стали отступать к Кушке. Но преследовать их генерал Комаров запретил, желая доказать, что его целью является очищение левого берега реки².

Капитан Иэт, как рассказывали, наблюдал всю эту картину с высоты минарета у дороги в аул Эрден; при нем находились другие чины английской комиссии с конвойным взводом бенгальских улан.

Подполковник Алиханов переправился через Кушку со своими казаками, чтобы занять афганский лагерь. Капитан Прасолов с сотней казаков побывал в Кала-и-Море, где находился лагерь английской пограничной комиссии. Вернувшись 23 марта, Прасолов сообщил, что в этом пункте расположились лагерем англичане и лагерь рассчитан на 600—700 человек. По рассказу очевидцев — туркмен, живших против этого лагеря в ауле Сухта, 19 марта англичане быстро снялись и отправились вверх по Кушке³.

Очистив от афганцев весь район, русские войска возвратились на левый берег Кушки.

Причиной инцидента под Таш-Кепри была не угроза Индии со стороны России, как стараются до сих пор «доказать» англичане, и тем более не враждебное отношение России к Афганистану, а «дележ» добычи между такими империалистическими хищниками, как Англия и Россия. В этом «Кушкинском инциденте» участвовали с обеих сторон очень небольшие силы. Афганцы насчитывали 2600 всадников и 1900 пехотинцев. Русский отряд состоял из 1500 человек. Тем не менее этот инцидент был невероятно раздут английской прессой. В русской литературе также встречается ошибочное толкование причин столкновения. Некоторые авторы пишут, что «путь на Ге-

¹ Афганское разграничение..., стр. 315 (Письмо Комарова Те-мур-Шах-хану Наиб-Салару от 17 марта 1885 г.).

² Афганское разграничение..., стр. 315—317.

¹ В. Прасолов. Мургабский поход 1885 г., СПб., 1910, стр. 73—74.

² Бой на Кушке 18 марта 1885 г., СПб., 1908, стр. 39.

³ В. Прасолов..., стр. 73—74.

рат был якобы открыт для царских войск». Ошибочность таких утверждений доказывают нижеследующие факты: русское командование после поражения афганских войск не продвигало войска дальше и не преследовало афганцев. Русский отряд, очистив всю спорную территорию от афганских войск, возвратился в свой лагерь. Русское правительство тут же приняло меры к урегулированию отношений с афганскими властями.

25 марта 1885 года генерал Комаров посылает письмо Темур-Шах-хану Наиб-Салару: «После добрых пожеланий считаю необходимым уведомить Вас, что попавшие из состава вверенных Вам войск в плен люди, снабженные продовольствием и деньгами на дорожные расходы, освобождены и отправлены на места своего жительства; что семнадцать человек раненых приняты в госпиталь на лечение и, по мере выздоровления, будут освобождены и отправлены к Вам и что все убитые похоронены с помощью мусульман, согласно правилам шариата. Что касается всего этого, то Вы можете быть спокойны, ибо я с самого начала вовсе не имел намерения входить в столкновение и воевать, а лишь домогался исполнения моего справедливого требования, расположил лагерь по сию сторону реки, оставаясь с подданными и войсками афганскими всегда в добрых и дружественных отношениях без всяких враждебных целей»¹.

Об этом письме афганское командование доложило своему правительству.

Когда разыгрался инцидент на Таш-Кепри, англо-индийские власти пригласили афганского эмира для срочных переговоров в город Равальпинди, где его принял вице-король Индии Дюфферин. Как указывает Абдурахман-хан, в первой же беседе 21 марта 1885 года вице-король спросил эмира: «Я вам писал об укреплении Герата. Скажите мне ваше искреннее мнение, а также, какие меры думаете предпринять для этого?» Эмир осведомился, какими же войсками должен он укреплять Герат, и вице-король ответил, что если эмиру нужны для этой цели войска, англичане дадут их. Эмир ответил, что он не советовался по этому вопросу со своим народом².

Беседы между эмиром и вице-королем показывают, что англичане намеревались, укрепив Герат, под видом помощи Афганистану раздуть русско-афганский инцидент на Кушке в пожар войны против России.

Однако Абдурахман-хан не согласился на английскую «помощь». Он понимал, что, если англичане под видом защиты афганских интересов будут вести войну против России и окажутся победителями, они не откажутся от захвата Афганистана и присоединения его к своей индийской колонии. Если же победителем в этой войне окажется Россия, то опять будет страдать Афганистан. Инцидент при Таш-Кепри заставил афганского эмира сделать соответствующие выводы. Афганцы еще не забыли тех издевательств, которые терпели от англичан. Абдурахман-хану было хорошо известно, что народ не поддержит его. Поэтому эмир не решался принять английскую военную помощь.

В беседе с вице-королем Абдурахман-хан заявил: «Лично я питаю к вам полное доверие, но этого доверия нет у населения Афганистана; может, оно явится потом, когда страх исчезнет из сердца афганцев»¹. Об ответе эмира Дюфферин сообщил английскому правительству и при второй встрече 23 марта он заявил эмиру, что его правительство удивлено отказом эмира допустить на афганскую территорию английские войска для совместной борьбы против России в то время, когда афганцы собственными силами не в состоянии противостоять ей.

Абдурахман-хан считал, что лучше всего этот спорный вопрос разрешить мирным путем. Вести войну из-за территории Пенда с сильным противником и ссорить между собой два других дружественных государства не следует. Английское правительство, заявил эмир, должно дать указание своему комиссару по разграничению уступить территории туркмен-сарыков России и мирно закончить разграничительные работы².

Такие заявления эмира свидетельствовали о том, что агрессивная политика англичан в Средней Азии серьезно беспокоила афганцев. Им становилось все яснее, что

¹ Письмо Комарова Наиб-Салару от 25 марта 1885 г. Афганское разграничение..., стр. 319.

² Автобиография Абдурахман-хана. СПб, 1902, стр. 169.

¹ Автобиография Абдурахман-хана. СПб., 1901, стр. 168.

² Фаиз Мухаммед-хан. Сирадж-ат-таварих, т. III, Кабул, 1913, стр. 460.

англичане, провоцируя их на конфликт с Россией, преследуют лишь свои интересы.

Вице-король вместо обсуждения способов улучшения русско-афганских отношений заявил эмиру, что Англия готова вести вместе с Афганистаном войну против России на суше и на море¹. Абдурахман-хан и теперь не согласился с английским предложением, что помешало осуществлению английских планов нападения на Среднюю Азию.

Перед отъездом эмира из Индии вице-король подарил ему 35 000 винтовок с патронами, дальнебойную батарею и обещал ему помогать в случае надобности².

Все эти факты показывают, что англичан совершенно не интересовал вопрос о точном установлении афганской государственной границы. Один из английских государственных деятелей, лорд Розбери, в беседе с немецким посланником в Лондоне откровенно заявил: «Для нас менее важно, пройдет пограничная черта на несколько миль севернее или южнее, чем настроение эмира Афганистана. Если эмир будет недоволен русскими действиями и он обратится к нашей помощи, чтобы охранить его от территориальных захватов со стороны России, то мы не можем не помочь ему»³. Иначе говоря, русско-афганский пограничный инцидент был удобным предлогом для борьбы против России в Средней Азии. Поэтому лорд Розбери так оценивал будущую войну Англии и России из-за Афганистана: «Если дойдет дело до борьбы, то она будет, следовательно, вестись за преобладающее господство в Афганистане, естественно, однако, не ограничится этой страной, а распространится на все доступные нам части России. Я полагаю, что султан с радостью воспользуется таким случаем, чтобы присоединиться к нам против России..., а провести турецкую диверсию на русской границе, которая бы задержала большую часть русской армии, было бы для Англии очень желательным вытяжным пластырем»⁴.

Такое мнение принадлежало не только лорду Розбе-

¹ Фаиз Мухаммед-хан. Спразж-ат-таварих, т. III, Кабул, 1913, стр. 461.

² Автобиография Абдурахман-хана, Ук. соч., т. II, стр. 168.

³ Die Dreibund mächte und England, Berlin, 1927, op. B. 4. §. 111—112.

⁴ Die größe Politik., op. cit.

ри. Оно исходило из агрессивных планов английских империалистов. Нетрудно привести ряд неоспоримых фактов, разоблачающих агрессивные планы Англии. Коварство английской политики по отношению к России, и, в частности, провокации вокруг русско-афганского разграничения, могут быть легко доказаны также на основе анализа полуофициального документа — двухтомного труда генерал-квартирмейстера англо-индийской армии Мак-Грегора, опубликованного в 1884 году под названием «Оборона Индии».

Книги были напечатаны в Индии секретно, но перехвачены в свое время русской разведкой и изданы в Петербурге в 1891 году Главным штабом.

В начале своего «труда» Мак-Грегор повторяет избитые версии о русской угрозе Индии. И, затем, отбросив условности и забыв, что в руках его не сабля, а перо, бравый генерал приступает к делу и начинает бойко перекраивать карту России. Он предлагает английскому правительству — продолжать «дипломатическое заигрывание с Россией», — немедленно отправить комиссию для демаркации русско-афганской границы и под предлогом этих мероприятий срочно провести следующее: образовывать против России коалицию из Англии, Германии, Австрии, Турции, Персии, Туркестана, Афганистана и Китая, предложив каждому государству вознаграждение за его помощь известную часть русской территории¹.

Мак-Грегор предлагал передать Австро-Венгрии и Германии польские, прибалтийские, западно-белорусские территории, входившие в состав России, а Персии — Закаспий и часть Закавказья. При этом Мак-Грегор тут же оговаривается, что если Персия не присоединится к антирусской коалиции, то ее надо в свою очередь расчленить на 4 части, передав Азербайджан и Курдистан Турции в награждение за участие в антирусской коалиции, Мекран и часть Хорасана передать Афганистану.

Не забывает Мак-Грегор и о Кавказе, где он предлагает, отделив его, конечно, от России, создать два государства — христианское (грузино-армянское) и мусульманское, состоящее из остальной части Кавказа.

¹ Мак-Грегор. «Оборона Индии», ч. I, Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1891, стр. 207.

«...Есть еще другая часть,— писал Мак Грегор,— где можно обрезать Россию. Это к северу от Китая и от Кашгара; китайскую границу следует безусловно исправить в этих направлениях»¹.

Что касается среднеазиатских ханств — Бухары и Хивы, а также уже включенного в состав России Коканда, то Мак-Грегора предлагал вновь отделить их от России и восстановить в прежних границах, передав часть их территории — Шугнан и Рушан — Афганистану².

Таковы «скромные» планы Мак-Грегора. Для осуществления их он призывал немедленно перейти к действиям. Он считал, что английские военные атташе в Петербурге должны резко усилить свою разведывательную деятельность. Кроме того, «мы желали бы иметь тайных английских агентов в Тифлисе, Баку, Астрахани, Оренбурге, Ташкенте, Самарканде, Оше, Асхабаде и Красноводске»³.

Особое внимание уделил автор Средней Азии: «Другая мера, которую мы предложили бы, состоит в отправлении туземных лазутчиков в Хиву, Бухару, Коканд, Кашгар, Гиссар, Кабул, Каратегин и к мервским туркменам, чтобы вызвать восстание против России. Первоначально они должны основательно познакомиться с истинными чувствами вождей и народа этих стран; убедившись в нерасположении к России, агентам необходимо изыскать личные средства для возбуждения и организации восстания, направленного против России»⁴.

Таков обширный план генерала Мак-Грегора. Генерал-квартирмейстер англо-индийской армии — третий человек в Индии после вице-короля и командующего войсками. Совершенно очевидно, что не подлежавшая оглашению работа Мак-Грегора была планом-максимумом английских захватчиков, который маскировался всевозможными дипломатическими переговорами и, в частности, переговорами о разграничении.

Мы привели лишь часть документов, но и они красноречиво свидетельствуют о явно агрессивной политике английских империалистов в Средней Азии. За три ме-

сяца до Таш-Кепринского инцидента, 26 января 1885 года в газете «Пайонер» была опубликована статья, призывающая ассигновать за счет индийского бюджета полмиллиона рупий для превращения Герата в базу британского наступления на Среднюю Азию. Под предлогом демаркации афганских границ английские империалисты стремились к захвату стратегически-важных территорий Средней Азии — на дарбазо-памирской границе ханств Шугнана и Рушана, а на северо-западной границе Афганистана — исконно туркменских земель оазиса Пенде и имеющего стратегическое значение Зулфугарского прохода. Овладение афганцами этими жизненно-важными стратегическими районами прежде всего нужно было англичанам для осуществления агрессивной политики против России. Шугнан и Рушан на дарбазо-памирской границе являлись удобными подступами к одному из важных политических и экономических центров среднеазиатских владений русского царизма — Ферганской долине и владениям бухарского эмира.

Оазис Пенде и Зулфугарский проход — стратегические подступы к Закаспийской области.

Россия в свою очередь стремилась еще сильнее укрепиться в Средней Азии. В. И. Ленин очень метко охарактеризовал англо-русские отношения того времени. Он писал: «В 1885 году Россия была на волосок от войны с Англией потому, что делили (грабили) Среднюю Азию»¹.

Ясно теперь, почему в английских правительственных кругах сторонники агрессивной политики в Средней Азии развернули в январе 1885 года деятельную кампанию за более активную политику в отношении укрепления Герата, где находился генерал Лемсен. Выше мы уже приводили сообщение англо-индийской газеты, утверждавшей, что нужно воспользоваться ростом английского престижа на Герируде, а также упоминали о встрече вице-короля Индии с афганским эмиром Абдурахман-ханом, во время которой вице-король предложил эмиру совместную борьбу против России. Если бы английское правительство не преследовало никаких агрессивных целей в Средней Азии, то зачем ему нужно было вести двойную политику в вопросе разграничения, активно

¹ Мак-Грегора. «Оборона Индии»..., стр. 209.

² Там же.

³ Там же, стр. 202.

⁴ Там же, стр. 204.

¹ В. И. Ленин. Тетради по империализму, стр. 620.

укреплять Герат и разворачивать военные приготовления, тогда как русское правительство не угрожало Афганистану и, конечно, не думало угрожать Индии.

Поражение афганских войск во время спровоцированного англичанами инцидента при Таш-Кепри на Кушке следует расценивать как провал английской агрессивной политики в Средней Азии.

После инцидента при Таш-Кепри Россия дала понять афганскому эмиру, что русская политика отнюдь не враждебна в отношении Афганистана. По указанию русского правительства эмиру Афганистана через бадахшанского правителя было направлено частное письмо, в котором было сказано: «в русско-афганском конфликте виновны только англичане, Россия же дружественно относится к Афганистану»¹.

---

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 3, д. 607, л. 202.

УСТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ
РОССИЕЙ И АФГАНИСТАНОМ
В 1887 ГОДУ

После инцидента при Таш-Кепри русское правительство, разъяснив правительству Великобритании обстоятельства, заставившие пойти на применение оружия, вновь поставило вопрос о разграничении. 31 марта 1885 года русскому послу в Англии Стаалю было поручено встретиться с министром иностранных дел Гренвиллом.

2 апреля Стааль известил по телеграфу министра иностранных дел Гирса, что он дважды встретился с Гренвиллом, причем при последнем свидании присутствовал министр по делам Индии лорд Кимберли. После обмена мнениями оба министра пришли к выводу, что главным условием соглашения с Россией является удаление русских войск со спорной территории. Лорд Кимберли заявил, что сохранение Зульфагарского прохода за Афганистаном является обязательным условием соглашения между обоими государствами. Взамен англичане готовы уступить России оазис Пенд¹.

Гирс 4 апреля сообщил Стаалю решение своего правительства. 1. Россия не считает возможным допустить отступление своих войск от занимаемой ими линии, но предлагает, что для облегчения работ по разграничению передовые русские посты могут быть передвинуты на время работы комиссии. 2. Русское правительство согласию на обмен Зульфагара на Пенд, поэтому граница должна начаться на Герируде несколько севернее Зульфагара, пройти южнее Ак-Рабата до Егры-Гека возле Кехриз-Суме и дальше, в соответствии с прежним проектом. 3. По мере продвижения работ по разграничению, соответ-

---

¹ Афганское разграничение..., ч. II, стр. 233.

ствующие стороны должны будут выставлять на границе посты, которые будут следить за соблюдением порядка на своих территориях; 4. Конвой комиссаров должен быть сокращен до 100 человек с каждой стороны и не должен увеличиваться без взаимного соглашения комиссаров.

Этим решением русское правительство продемонстрировало свое желание избежать всяких осложнений и свою предупредительность по отношению к Англии тем, что воздержалось от занятия Пенда¹.

Однако прямой и благожелательный ответ русского правительства и на этот раз не удовлетворил англичан.

7 апреля английское правительство, приостановив начатые переговоры о разграничении, вновь подняло шумиху вокруг инцидента при Таш-Кепри, заявляя, что им якобы получены новые сообщения от английского комиссара, которые противоречат сообщениям генерала Комарова. Ввиду этого англичане настаивали, чтобы Россия согласилась подвергнуть беспристрастному обоюдному расследованию столкновение при Таш-Кепри.

Настаивая под разными предлогами на расследовании инцидента при Таш-Кепри, англичане стремились замаскировать провал своих агрессивных планов в Средней Азии, возложив всю вину за этот инцидент на Россию. Снова вокруг ташкепринского столкновения началась длительная переписка.

Царские власти ответили, что желание британского правительства ближе ознакомиться с причинами, вызвавшими столкновение, вполне естественно, но русское правительство не может понять практического значения предлагаемого расследования. В докладе, представленном генералом Комаровым, положение изображено вполне ясно и виновником столкновения отнюдь не является русский командующий. «Вместе с тем надо отметить, что мы не намерены входить в рассмотрение образа действия, — говорилось в ноте, — которого английские офицеры держались ввиду этих осложнений. Тем не менее, мы не можем не пожалеть о том, что они не сочли возможным сказать свое содействие представлениям, с которыми командующий русскими войсками обратился к афганскому

генералу, каковое обстоятельство, без всякого сомнения, предупредило бы столкновение»¹.

В меморандуме английскому послу в Петербурге сообщалось, что генерал Комаров вынужден был принять военные меры, так как афганские войска перешли на левый берег р. Кушка и укрепились там, не обращая внимания на предупреждения русского командования. Генерал Комаров не получил никаких указаний от правительства России относительно военных действий против Афганистана и не намерен был вторгаться в Пенд, что доказывается уже тем, что русские войска, отразив вооруженные действия афганцев, вновь перешли на левый берег р. Кушка и заняли прежние позиции. Если бы Россия ставила перед собой задачу захвата Афганистана или объявления войны Англии из-за Индии, она продолжала бы военные действия.

Как сообщала газета «Новое время», в начале апреля 1885 года одна из лондонских газет раскрыла истинный характер и цели английской пограничной комиссии. Миссия генерала Лемсдена, — писала эта газета, — была с самого начала позорной интригой, придуманной и выдвинутой индийским министром в Лондоне и секретариатом иностранных дел в Калькутте, с целью поддеть русских на удочку выставкой военной силы и системой подкупа». Газета утверждала далее, что «столкновение между афганцами и русскими явилось результатом поведения Лемсдена и его подчиненных, которое неизбежно должно было вызвать раздражение русских и дерзость афганцев, и что главная ответственность за эту войну и ее ужасные последствия, если война действительно произойдет, ляжет на Англию, а не на Россию. Английский парламент не обсуждал вопроса о направлении этой миссии, и премьер-министр наотрез отказался что-либо сообщить о ней...»².

Это сообщение «Нового времени» является лишним доказательством ответственности англичан за конфликт при Таш-Кепри при работах по разграничению. Если бы русские в этот момент проявили слабость и не смогли предотвратить военную провокацию при Таш-Кепри и ес-

¹ Афганское разграничение..., т. II, стр. 233—235.

¹ Афганское разграничение..., ч. II, стр. 249—251. (Письмо министра иностранных дел Гирса послу России в Лондоне Стаалу от 9 апреля 1885 г.)

² Туркестанский сборник, т. 308, «Новое время» № 328, 1885 г.

ли бы эмир Абдурахман-хан согласился с предложением англичан, то Англия непременно открыла бы себе путь к осуществлению агрессивных планов в Средней Азии.

Об этом, в частности, свидетельствует заявление одного из лидеров оппозиции в английском парламенте — Рандольфа Черчилля. В беседе с германским тайным советником В. Бисмарком, находившимся в Лондоне, он указал, что поскольку Зульфагарский проход имеет большое стратегическое значение для России, а Герат является ключом к Индии, то «он, Черчилль, ни минуты не колебался бы вести войну из-за Герата и убежден, что русские были бы разбиты наголову... Англия ...имеет в качестве объектов нападения Владивосток и Черное море..., а туркмен можно легко возмутить»¹.

Это заявление официального лица еще и еще раз характеризует агрессивную политику англичан, направленную против России в Средней Азии.

Русское правительство отклонило английские домогательства, отказалось расследовать причины инцидента у Таш-Кепри и отдать под суд Комарова. Император Александр III заявил: «...признавая себя единственным судьей в вопросе о том, насколько действия генерала Комарова сообразны с его повелениями..., не может допустить следствия над означенными действиями. Ввиду этого всякое дальнейшее рассмотрение дела представляется праздным и бесплодным»².

К апрелю 1885 года обстановка на Среднем Востоке и в Средней Азии обострилась. Английская дипломатия пыталась получить согласие турецкого правительства на пропуск английского флота через проливы в Черное море, чтобы угрожать русскому черноморскому побережью. Россия добилась отказа султана от пропуска английского флота. Попытка английских правящих кругов оказать на Россию на Черном море, сделать ее более уступчивой на Аму-Дарье и Мургабе — провалилась³.

В этих условиях англичанам пришлось серьезно продумать свою дальнейшую тактику в русско-афганском

разграничении. 16 апреля 1885 года русское правительство предложило временную нейтрализацию оазиса Пенд впредь до разрешения всего пограничного вопроса¹. Англичане были вынуждены заявить о своем согласии с русскими предложениями.

23 апреля английское министерство иностранных дел сообщило русскому послу в Лондоне о желании Англии без промедления возобновить переговоры о русско-афганском разграничении.

Британский министр выразил пожелание, чтобы после определения пограничной черты в Лондоне соглашение было оформлено как конвенция и просил высказать мнение русского правительства по этому поводу. Он заверил, что генерал Лемсден будет сразу же отозван, так как разграничительная комиссия больше не будет иметь прежнего значения после того, как решение по главным пунктам примут оба кабинета. Руководство английской комиссией можно будет возложить на полковника Риджуэя, уже находящегося в ее составе².

Русское правительство не согласилось с английским предложением. Гирс писал 25 апреля послу в Лондоне, что заключение такой конвенции считает преждевременным, так как русские не имели возможности произвести исчерпывающие исследования за пределами линии русских постов от Герируда до Мургаба, тогда как англичане подробно исследовали всю пограничную зону от Герируда до Аму-Дарьи. Следовательно, при переговорах в Лондоне может быть лишь достигнуто соглашение о главных пунктах границы, а подробности должны быть определены комиссарами на месте. Вопрос о демаркационной линии между озером Сары-Куль и Ходжа-Салехом также может потребовать направления специальной комиссии. «Поэтому пока, — утверждал Гирс, — следует ограничиться подписанием протокола относительно соглашения по главным пунктам русско-афганской границы между Герирудом и Аму-Дарьей»³.

После обмена мнениями между английским и русским правительствам начались переговоры об установлении точной демаркационной черты. 25 апреля 1885 года посол в Лондоне сообщил министру иностранных дел,

¹ Частное письмо тайного советника Вильгельма фон Бисмарка государственному канцлеру Бисмарку от 19 августа 1885 г.

² Афганское разграничение..., ч. II, стр. 263.

³ История дипломатии, т. II, М., 1945, стр. 74.

¹ Афганское разграничение..., ч. II, стр. 273.

² Там же, стр. 279.

³ Там же, стр. 272—281.

что английское правительство предлагает следующую границу:

«Пограничная черта будет иметь начало на Герируде в пункте, лежащем севернее Зульфагара и определенном таким образом, чтобы Зульфагарский проход оставался за афганцами. От этого пункта она пройдет между Ак-Рабатом и Кехриз-Суме и направится к Ислиму, где перейдет на правый берег Егри-Гека, оставляя Ислим вне афганской территории. Отсюда пограничная черта направится по гребню холмов, окаймляющих правый берег Егри-Гека и, оставляя Чемени-Бид вне афганской границы, таким же образом будет следовать по гребню холмов, окаймляющих правый берег Кушки до Хауз-Хана. Отсюда граница пойдет почти по прямой линии до Бенди-Надира, находящегося в 12 верстах ниже Меручака и имеющего остаться за Россией. Что же касается разграничения на востоке от Пенда до Ходжа-Салеха, то ввиду недостаточности имеющихся об этой стране сведений, английские министры предлагают предоставить Комиссии провести граничную черту в пределах зоны, северной границей которой служила бы линия, проведенная в 30 верстах от той, которую мы сами предложили. При этом подразумевается, что граница будет проведена таким образом, чтобы за афганцами оставались обработанные земли и сообразно справедливости были определены границы пастбищ, принадлежащих племенам, находящимся под властью как России, так и Афганистана. Северная граница зоны должна пройти севернее Дукчи и оттуда направиться прямо к Ходжа-Салеху»¹.

Русское правительство с некоторыми оговорками согласилось с предложением английской стороны.

В течение апреля и первой половины мая продолжались переговоры, связанные с уточнением отдельных деталей демаркации. Особое место в этих переговорах занимал Зульфагарский проход, который англичане по политическим и стратегическим соображениям стремились включить в пределы Афганистана. Английское правительство рассчитывало этим после провала пендинской авантюры оправдаться перед английской общественностью, так и перед афганскими правящими кругами.

¹ Афганское разграничение..., ч. II, стр. 283.

Русские власти соглашались уступить часть Зульфагарского ущелья; однако в то же время, чтобы обезопасить свою территорию от угрозы со стороны Англии в будущем, они командировали военных топографов для съемки и составления точной карты ущелья. К августу съемка была закончена и русские дипломаты предложили раздел Зульфагарского прохода¹.

* * *

Русское правительство предложило созвать съезд комиссаров в Мургабе, в крайнем пункте, занятом русскими властями, определить границы Пенде, а затем продолжать разграничение по направлению к Зульфагару. На организацию русского отдела комиссии и переезд его на место работ требовалось около двух месяцев.

Английское правительство настаивало на том, чтобы комиссары съехались в Зульфагаре и начали работы оттуда. В этом случае оно не возражало против занятия Россией части оазиса Пенде в районе, примерно 6 миль от слияния Кушки с Мургабом. Россия ответила согласием, но поставила условие, чтобы район русской оккупации в Пенде был расширен до Пенде-Надира.

29 августа 1885 года протокол был подписан, причем в него вошли все оговорки, предложенные русским правительством 25 августа: район оккупации распространяется до Пенде-Надир, а территория от Пенде-Надира до афганской границы объявляется нейтральной.

В протоколе о разграничении, подписанном со стороны России русским послом в Англии Стаалем, а со стороны Англии министром иностранных дел Солсбери 10 сентября 1885 года, русско-афганская граница между Герирудом и Аму-Дарьей определялась следующим образом:

1. Граница, имея исходный пункт на Герируде в двух верстах ниже Зульфагарской башни, направится к пункту К по линии, обозначенной на приложенной к протоколу карте.

От пункта К граница направится к гребню высот, окаймляющих с севера второе ущелье, где сходятся дороги из Адам-Елана, Кунгруели и Ак-Рабата. Далее граница будет следовать по вершине хребта до пункта

¹ Афганское разграничение..., ч. II, стр. 371.

Р. обозначенного на приложенной к протоколу карте № 2. Затем она примет юго-восточное направление, почти параллельное дороге на Ак-Рабат, пройдет между соляными озерами и находящимися на юге от Ак-Рабата и севернее Суме-Кехриза и, оставляя Суме-Кехриз афганцам, направится на Ислим, где граница перейдет на правый берег Егри-Гека, оставляя Ислим вне афганской территории. Далее граница будет следовать по вершинам холмов, окаймляющих правый берег Егри-Гека, оставляя Чемени-Буд вне афганской границы. Таким же образом она направится по вершинам холмов, окаймляющих правый берег Кушка, до Хауз-Хана. От Хауз-Хана граница направится почти по прямой линии к пункту на Мургабе, на севере от Меручака, определенному таким образом, чтобы за Россией оставались обрабатываемые сарыками земли и их пастбища.

Под условием применения того же принципа, как к туркменам, подданным России, так и к подданным эмира Афганистана, граница на востоке от Мургаба направится по черте, проведенной по северной стороне долины Кайсара и по западной стороне долины Сангалака (Аби-Андхой) и, оставляя Андхой на востоке, примкнет к Ходжа-Салеху на Оксусе (Аму-Дарье).

Разграничение пастбищ, принадлежащих населению обеих сторон, будет предоставлено комиссарам. В случае же, если бы между ними не состоялось соглашения, разграничение будет произведено обоими кабинетами на основании карт, изготовленных и подписанных комиссарами.

2. На основании состоявшегося соглашения русское правительство, с одной стороны, и английское правительство — с другой, назначают немедленно Комиссаров, которые приступят к рассмотрению и обозначению на месте подробностей афганской границы, определенной в предшествовавшей статье.

Конвои Комиссии будут состоять не более чем из 100 человек с каждой стороны и никакое увеличение не может быть допустимо помимо соглашения между комиссарами.

Комиссары съедутся в Зульфагаре через два месяца со дня подписания настоящего Протокола и немедленно приступят к проведению границы согласно предшествующим постановлениям.

Разграничение начнется от Зульфагара и, тотчас после съезда комиссаров и начала работ, нейтрализация Пенда будет ограничена округом, заключающимся между чертою, проведенною с севера от Пенде-Надири до Бурджи-Хана, и чертою, проведенною с юга, от Меручака до Хаузи-Хана, причем русские и афганские посты будут расположены: первые в Пенде-Надири, а вторые — в Меручаке.

3. При определении границы, упомянутые Комиссары, сообразуясь насколько возможно, с описанием ее, изложенным в настоящем Протоколе, а равно с обозначенными на приложениях к оному картам пунктами, будут принимать, как следует, в соображение условия местностей, а также потребности и благосостояние местных населений.

4. По мере того, как будут продвигаться работы по разграничению, обе стороны будут иметь право учреждать по границе посты.

5. На основании соглашения, упомянутые Комиссары по окончании возложенных на них работ изготовят и подпишут карты, которые они и сообщат своим Правительствам»¹.

Ознакомившись с южной частью своих владений, русское правительство пришло к убеждению, что точную и бесспорную государственную границу нужно определить по этнографическим признакам так, чтобы однородные племена не оказались разделенными на две части. В данном случае речь шла о туркменских племенах — сарыках, которые на основании соглашения 1873 года не считались подвластными Афганистану, тогда как племена джемшидов, хезаров входили в состав владений эмира.

25 сентября 1885 года русскому комиссару по разграничению Кульбергу было предложено прибыть в Зульфагар, откуда не позже 24 октября должно было начаться разграничение. Осуществляя разграничение, русский комиссар должен был прежде всего принять во внимание географические и этнографические условия, справедливо разделить пахотные земли, пастбища и воды, чтобы предупредить всякие недоразумения на этой почве и,

¹ Афганское разграничение..., ч. II, стр. 379—381.

наконец, «... вести границу преимущественно по водоразделам крупнейших и малых речных бассейнов, а не по рекам, которые в этих местах не образуют ни естественных, ни политических границ»¹.

В указанное время комиссары обоих правительств начали работы по разграничению и определению пограничной черты от Герируда до пункта, лежащего примерно в 60 верстах к западу от Аму-Дарьи. Но в сентябре 1886 года комиссия, не выполнив полностью возложенных на нее задач, вынуждена была прекратить работы.

* * *

Причиной преждевременного прекращения работ комиссии по разграничению послужили разногласия, возникшие между обоими комиссарами по поводу нарезки границы по Аму-Дарьинскому побережью, где между бухарскими и афганскими владениями была установлена черта, не соответствовавшая условиям русско-английского соглашения 1873 года.

По соглашению, Ходжа-Салех должен считаться крайним западным пунктом афганских владений на Аму-Дарье, а фактическая граница проходила западнее — между селением Босага, принадлежавшим Бухаре, и афганским селением Хамнаб.

Отсутствие точных данных привело к тому, что в лондонский протокол от 10 сентября 1885 года были включены в афганские территории те земли, которые русские всегда считали независимыми. Желая исправить допущенную ошибку в проведении пограничной черты, русское правительство дало строгое указание своему комиссару полковнику Кульбергу ни в коем случае не соглашаться на предложение английского комиссара Риджуэя и настаивать на точном соблюдении соглашения 1873 года².

Вследствие создавшейся путаницы комиссары не могли прийти к соглашению относительно амударьинского побережья и разъехались, не приняв никакого решения.

В начале 1887 года английское правительство обратилось к России с предложением закончить разграничение

на основе материалов, собранных комиссией. Русские не возражали против этого, но поставили условие, чтобы переговоры были возобновлены в Петербурге.

Английский комиссар полковник Риджуэй прибыл в Петербург. С русской стороны переговоры вел начальник Азиатского департамента Зиновьев. На совещании выяснилась невозможность найти на Аму-Дарье географические пункты установленной границы. Полковник Риджуэй настаивал на своей прежней точке зрения, а Зиновьев пунктуально держался смысла соглашения 1873 года и, ссылаясь на лондонский протокол, утверждал, что английское правительство использует незнание русскими местности и все спорные места соглашения решает в свою пользу и в ущерб русским подданным — туркменам-сарыкам.

Английский комиссар утверждал, что комиссия вообще не отыскала указанного в соглашении поста Ходжа-Салех и, по его мнению, этому посту должно соответствовать селение Ислим на Аму-Дарье, находящееся будто бы у бывшей переправы. Следовательно, граница должна быть проведена несколько западнее этого селения.

Зиновьев, опираясь на тот факт, что комиссия обнаружила два селения под названием Ходжа-Салех (Зиарате-Ходжа-Салех и Сераи-Ходжа-Салех), предложил провести границу к западу от обоих пунктов. Английский уполномоченный не соглашался на такое разграничение, тем более, что каналы, орошающие земли западнее Ходжа-Салеха, имели свои истоки около Келифа¹.

Теперь становится ясным, что при определении границы в 1872—1873 годах, в особенности в последнем соглашении, подписанном в Лондоне в 1885 году, были допущены серьезные упущения.

Чтобы выйти из создавшегося тупика, русское правительство дало указание Зиновьеву, чтобы он согласился на присоединение всего спорного участка побережья Аму-Дарьи к Афганистану при условии, что будет изменена южная граница оазиса Пенде и в границы русских владений будут включены все земли по рекам Кушке, Кашану и Мургабу, а также все каналы, которыми пользовались туркмены-сарыки до разграничения. Это было

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 3, д. 638, л. 24.

² Там же, д. 676, лл. 187—188.

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 3, д. 676, л. 190.

удобно, так как эти земли еще не были заняты афганцами.

Однако Риджуэй считал такую уступку чрезмерной. Он мог согласиться только на уступку пространства по левому берегу Мургаба, равного площади земель, обрабатывавшихся тукментами-сарыками, которые, по его вычислениям, составляли около 8 кв. верст. В случае, если русское правительство не согласится на это, Риджуэй предлагал передать спорный вопрос на разрешение избранного обеими сторонами посредника.

Русское правительство не могло серьезно отнестись к этому предложению. Зиновьев получил указание категорически отвергнуть предложение английского представителя и заявить ему, что «русское правительство никогда не согласится на передачу в арбитраж вопроса, с которым связаны весьма существенные интересы, оценить которые может только само русское правительство»¹.

После такой категорической постановки вопроса английский представитель Риджуэй прекратил переговоры и уехал в Лондон за новыми инструкциями. Когда он снова вернулся в Петербург, переговоры приняли более благоприятное направление. Риджуэй согласился на большую часть русских предложений. Русское правительство со своей стороны не стало настаивать на возвращении России левого берега Кушки, где уже раньше был построен афганский форт, а также Меручака, где тоже было афганское укрепление. Все остальные предложения были приняты английским уполномоченным.

В результате этого к русским владениям в оазисе Пенд была присоединена территория, примерно равная 2000 кв. верст, в пределы которой входили плодородные земли, все орошавшие их каналы и лучшие в Закаспийской области пастбища².

После того, как было достигнуто соглашение относительно русско-афганской границы, 10 июля 1887 года представителями обеих сторон был подписан протокол, на основании которого было установлено следующее описание русско-афганской государственной границы: «...уклоняясь от прежней границы, проведенной Комиссией, у пограничного столба № 19, поставленного несколько

ниже Ислима, она направляется к месту слияния Могура с Кушкой и подымается затем по тальвегу реки этой до пункта, расположенного несколько ниже Чи Духтаран, оттуда переходит на водораздел, проходящий несколько ниже Чингурака в северо-восточном направлении. Следуя по этому водоразделу, граница пересекает долину Кушки несколько выше Туршаека и, пройдя некоторое расстояние в том же северо-восточном направлении, поворачивает к Мургабу, к которому примыкает несколько выше слияния Кайсара с этой рекой. От этого пункта граница спускается по тальвету Мургаба и переходит на правый его берег в пункте, расположенном в трех линиях на севере от форта Меручак, оттуда направление ее совпадает с направлением прежней границы. Граница от Гечи-Кума, до которого дошла проведенная Комиссией черта, направляется к Аму-Дарье, а на самой Аму-Дарье сохранена существующая граница между селениями Босага и Хамиаб с включением в нашу территорию всех каналов, орошавших земли первого из этих селений»¹.

Таким образом была окончательно установлена северо-западная граница Афганистана, или граница между русской Закаспийской областью и Афганистаном.

* * *

В северо-восточной части, примыкающей к Памиру, граница Афганистана все еще оставалась неопределенной. По существующему англо-русскому соглашению 1873 года, северо-восточной границей афганского государства была признана Аму-Дарья от озера Сары-Куль. Несмотря на это англичане пытались отодвинуть границу на север и приобрести важную стратегическую позицию за Гиндукушским хребтом на Памире. В действительности на этой окраине Афганского Туркестана вплоть до 1884 года вопрос о пределах владений афганского эмира был нерешенным и спорным, а для его уточнения не хватало точных географических и этнографических данных. Определить точные границы, например, таких областей, как Куляб, Дарваз, памирские ханства, без основательных исследований было невозможно.

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 3, д. 676, л. 191.

² Там же, л. 192.

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 3, д. 676, лл. 192—193.

Англичане и здесь действовали так же, как в Пенде до завершения разграничения. В Бухару начали поступать сообщения о предстоящей отправке в этот район англо-индийских войск.

25 апреля 1886 года русский политический агент Чарыков сообщил в Бухаре, что прибытие хотя бы небольшого англо-индийского отряда в Бадахшан неизбежно укрепит намерение афганского эмира удержать за собой Шугнан и Рушан и «возбудит в туземном населении ожидание войны между русскими и англичанами»¹.

Кроме того, появление индийского отряда могло послужить сигналом для враждебных элементов перейти к открытым враждебным действиям, а предотвратить войну в этом отдаленном районе было труднее, чем на Мургабе.

Серьезность положения на северо-восточной границе Афганистана усугублялась еще тем, что англичане снабжали бадахшанские войска оружием. Мы уже писали, что Абдурахман-хан в 1886 году получил от англичан 35 000 ружей, из которых 7000 были отправлены в Бадахшан и Чер-Вилает. Одновременно начались работы по проведению телеграфной линии из Кабула в Чер-Вилает.

Кроме того, по сообщению Чарыкова, в середине июня 1886 года около 200 англичан были приняты с почетом начальником Бадахшанского округа. Сначала англичане исследовали все дороги и перевалы, а затем отправились в Вахан и Шугнан, Таш-Курган и Мазари-Шериф². Они развернули в этих местах широкую разведывательную деятельность и в качестве «помощи» афганцам занялись усилением военных укреплений на русско-афганской границе. Англичане проводили съёмочные работы и создали укрепленные пункты севернее Гиндукуша и Аму-Дарьи (в Герате, Балхе, Аккуше — возле Келифа, Ханабада, Янги-Кургана и других местах)³.

Подозрительное поведение английских колонизаторов в северо-восточной части Афганистана все более тревожило русское правительство, и оно, получив сведения о движении английского отряда в Бадахшан, через своего посла в Лондоне запросило правительство Англии о его

намерениях в этих краях. Последовал лицемерный ответ, что никаких войск в Бадахшан послано не было. Однако англичане не могли опровергнуть данные о неподобающей деятельности ее офицеров в северном Афганистане¹.

Если бы английское правительство действительно стремилось к нормализации отношений между обеими странами при определении границы северного Афганистана, то ему не было бы необходимости повторять в Бадахшане те же провокации, какие оно уже предприняло в Гератской провинции.

Снова началось бряцание оружием. Британская печать и парламентарии в один голос заявляли, что только победоносная война против России может явиться удовлетворением и возмещением за урон, нанесенный престижу Британской империи в глазах народов Востока... Раздувая военный психоз, премьер-министр Англии Гладстон требовал выделить 11 млн. фунтов стерлингов на военные расходы². Однако напряженная обстановка в Европе, обострение англо-французских и англо-германских противоречий из-за раздела Африки и Юго-Восточной Азии лишили Англию союзников против России. Все это в небольшой степени способствовало положительному разрешению русско-афганского разграничения. Закончилось крахом попытки английского империализма под маркой демаркации толкнуть Афганское государство на военный конфликт с Россией и «загребая жар чужими руками» получить в Афганистане и Средней Азии новые колонии.

Когда в 1888 году в северном Афганистане вспыхнуло восстание, направленное против власти Абдурахман-хана, английское правительство поспешило использовать этот удобный случай для исполнения своих агрессивных планов. Для вторжения в Афганистан были подготовлены и сосредоточены крупные вооруженные силы.

Как сообщил военный губернатор Самаркандской области Ефимович, англичанами было поручено Люб-хану (главарю восстания) поднять народ против эмира Абдурахман-хана³. Вскоре восстание было подавлено.

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 1, д. 4, л. 52.

² ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 3, д. 4, л. 81.

³ Там же, л. 75.

¹ ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 3, д. 4, л. 76.

² Н. А. Халфин. Провал Британской агрессии в Афганистане (XIX в. — начало XX в.). М., 1959, стр. 139.

³ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 686, л. 137.

Тогда английские империалисты активизировали агентурную деятельность в районе Памира. Через Памир они стремились проникнуть в Ферганскую долину и в Кашгар. Англичане, искусственно создав «Памирскую проблему», старались опять поссорить Афганистан с Россией. «Англичане стремились всячески понудить эмира отправить экспедицию на Памир и вовлечь его в ссору с Россией, но эмир наотрез отказался от этого, говоря, что он ни в коем случае не двинет войска против русских, в особенности из-за такой отдаленной и бесплодной горной местности, как Памир»¹.

В 1892 году царское правительство твердо решило положить конец хозяйничанью англичан на перешедшей к России территории и направило в этот район военный отряд полковника Ионов. Памир был очищен и здесь была установлена русская военная база (Памирский пост) и с того времени этот район был прочно закреплен за Россией.

Через год английское правительство направило в Кабул специальную миссию во главе с Мортимером Дюранда для переговоров об урегулировании англо-афганских отношений и достижения договоренности по «Памирскому вопросу».

Переговоры вскрыли резкие разногласия между афганским и английским правительствами. Английские дипломаты настаивали на передаче южной части бекства Вахана Афганистану. Этим они старались создать «прокладку» между русскими землями в Средней Азии и английскими в Индии. Эмир, не желая создавать новые возможности для английских провокаций, направленных на ухудшение русско-афганских отношений, отказался принять этот район в состав Афганистана.

Слухи о возможном отторжении обширной части афганской территории, населенной афганскими племенами, вызвали возмущение среди афганцев. Абдурахман-хан, опираясь на поддержку народа, оказывал упорное сопротивление требованиям английских империалистов.

В северной Индии происходила концентрация британских войск, английские газеты публиковали множество статей о необходимости «воздействия» на несговорчивого эмира.

После долгих споров, подчиняясь силе, Абдурахман-хан был вынужден согласиться на новое направление границы между британскими владениями в Индии и Афганистаном. Британия овладела важнейшей частью территории восточно-афганских племен.

В ноябре 1893 года было подписано соглашение об Индо-Афганской границе, которая проходила по так называемой «линии Дюранда». После памирского разграничения в 1895 году Афганистану отошла часть Дарвиза на левом берегу Пянджа, а Рушан, Шунган и часть Вахана отошли к России. А часть Вахана выше слияния рек Памира и Пянджа была присоединена к Афганистану и образовала узкий клин афганской территории на северо-востоке, отделявший русские владения на Памире от северо-западной границы Индии. «Этим соглашением были твердо установлены границы России на протяжении около 2400 км. от стыка Афганистана с Ираном в Зульфугарском проходе до стыка границ Афганистана и Китая у пика Повало-Швыйковского»¹.

* * *

В этот период Афганистан продолжал оставаться слаборазвитой, в экономическом отношении отсталой страной. Его производительные силы были ослаблены в ходе английской агрессии, а также в результате хищнической эксплуатации Афганистана империалистами.

Английские колонизаторы руководствовались девизом: «Разделяй и властвуй». Абдурахман-хан так характеризует взаимоотношения Афганистана с Англией: «При моем деде Дост-Мухаммед-хане, в минуты слабости государства англичане постарались извлечь выгоду из этих обстоятельств и отрезали некоторые страны от моих владений и подчинили их своему протекторату. При эмире Шер-Али-хане и Якуб-хане англичане опять отняли у Афганистана долину Курам, Хайберский проход, часть Пишина и многие другие местности. Даже во время моего царствования, несмотря на мое горячее сопротивление, во время правительства лорда Ланнсдоуна, англичане прогнали моих чиновников из Булунд-Келя, Визирри-

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, л. 753, л. 102.

¹ А. Х. Бабаходжаев, Провал английской агрессивной политики в Средней Азии (1917—1920), Ташкент, 1955, стр. 19.

стана и многих других мест; сделали они это при помощи английских пушек, которые обращены были против меня; затем они построили на моей территории железнодорожную станцию вопреки моему запрещению и не имея также разрешения моего народа. Хотя все эти вопросы были улажены миссией Дюранда и мне было дано соответствующее вознаграждение..., я считаю все-таки уместным напомнить моим читателям все эти факты, чтобы показать им, что Англия никогда не упускала случая урезать что-нибудь от Афганистана. В этом отношении наши друзья англичане отняли от нас больше, чем отняла Россия...»¹.

Выдержка из автобиографии эмира Абдурахман-хана хорошо характеризует английскую колониальную политику в Афганистане.

Английские империалисты, не добившись полного захвата Афганского государства, все же под разными предлогами изолировали афганский народ от внешнего мира и добились установления своего контроля над внешней политикой Афганистаном. Надо отметить, что английские колонизаторы не отказались от агрессивных планов уничтожения Афганистана как самостоятельного государства, но на пути к достижению своей цели они встретили много препятствий.

Упорное и героическое сопротивление свободолюбивого афганского народа, ухудшение международной обстановки, особенно на Ближнем и Среднем Востоке, неудачная и бессмысленная война с бурами в Южной Африке, появление в Европе сильного соперника английских империалистов — германского империализма, — все это мешало осуществлению планов английских колонизаторов.

В такой обстановке английские правящие круги искали сильных союзников. С этой целью они резко изменили свое отношение к царской России и, стремясь улучшить свои отношения с ней, пошли на некоторые уступки в области внешней политики, стараясь использовать общность интересов русского царизма и английского империализма.

Все эти обстоятельства безусловно сыграли определенную роль в афганской политике Англии конца XIX

века, которая почти не изменилась и в начале XX в. Английские колонизаторы продолжали политическое и экономическое закабаление Афганистана различными методами: дипломатическими интригами, военным нажимом, навязыванием неравноправных кабальных договоров, стремлением усилить английское влияние среди правящих кругов, наводнением английскими товарами рынков Афганистана и т. д. Афганистан втягивался в мировой капиталистический рынок, как зависимая сфера сбыта и поставщик колониального сырья для заводов и фабрик империалистов.

Идеи Великого Октября и декреты Советского правительства — о мире, о земле, о равенстве и суверенности всех народов, об отмене всех и всяких имущественных, национальных и прочих привилегий и ограничений — оказали могучее революционизирующее влияние на колониальный Восток.

В Афганистане развернулось мощное движение против реакции, против английских колонизаторов за национальное освобождение, возглавляемое Аманулла-ханом — сторонником младо-афганского движения.

3 марта 1919 года Аманулла-хан сообщил вице-королю Индии лорду Чемсфорду о происшедших в Афганистане событиях. Он писал, что «независимое и свободное правительство Афганистана» готово заключить с Англией равноправные соглашения, что Афганистан отныне не считает себя зависимым государством, не считает себя связанным теми договорами, которые оно было вынуждено подписать ранее.

Однако англо-индийское правительство не торопилось отвечать. Чемсфорд обходился полным молчанием посылкой Амануллы-хана.

27 марта 1919 года первым из всех других государств официально признала независимость и суверенитет Афганистана Советская Россия. Правительство Афганистана в ответ установило дружественные отношения с Советским правительством и одним из первых признало Советскую Россию.

7 апреля 1919 года эмир Аманулла-хан направил послание В. И. Ленину, предлагая установить между Афганистаном и Советской Россией «союз и дружбу». Он писал «...Вы, с другими товарищами — друзьями человечества, заботитесь о всемирном мире и благе и провозг-

¹ Автобиография Абдурахман-хана, т. II, стр. 316—317.

ласили принцип свободы и равноправия народов всего мира, посему ныне, впервые, во имя жаждущего прогресса афганского народа, я счастлив, что шлю Вам это дружеское послание независимого свободного Афганистана»¹.

13 апреля 1919 года Афганский дурбар (собрание народа) утвердил заявление эмира Амануллы-хана о провозглашении полного суверенитета страны.

В ответ на это английские колонизаторы 3 мая 1919 года, воспользовавшись пограничным инцидентом, спровоцировали новую войну против Афганистана. Свободолюбивый афганский народ, как один, встал на защиту своей независимости. Он вел ожесточенную борьбу против английских колонизаторов. Военная обстановка складывалась в пользу афганских патриотов.

В это время начался разгром английских интервенционных войск. Под влиянием освободительных идей Октября, начались открытые выступления индийского народа против английских колонизаторов. В такой обстановке третья агрессивная война английских империалистов против свободолюбивого афганского народа не имела успеха, как и во время предшествующих нападений английских колонизаторов на Афганистан.

В разгар освободительной войны афганский народ получил послание В. И. Ленина, направленное в ответ на письмо эмира Афганистана. В. И. Ленин от имени русского народа передал привет независимому афганскому народу, героически отстаивавшему свою свободу от иностранных поработителей.

Дружественное послание вождя трудящихся Советской России имело большое морально-политическое значение для успеха в упорной борьбе с агрессорами.

Между обоими государствами произошел обмен дипломатическими миссиями. Представители Советского Туркестана, прибыв в Кабул, официально от имени всей Советской страны предложили оказать афганскому народу военную помощь против империалистической экспансии. Дружественные отношения Советской России с независимым афганским государством оказали суще-

ственное влияние на ускорение переговоров между англичанами и афганцами.

8 августа 1919 года было заключено соглашение о перемирии. 28 февраля 1921 г. в Москве был заключен договор о дружбе между Советской Россией и Афганистаном.

Договор предусматривал полное равноправие сторон, невмешательство во внутренние дела друг друга и уважение их территориальных прав. Советская Россия обязывалась оказывать материальную помощь Афганистану и предоставить ему возможность транзитных перевозок, что было особенно важно в связи с английской блокадой Афганистана.

В январе 1921 года английское правительство направило в Кабул своего чрезвычайного уполномоченного Генри Добса, пытавшегося сорвать заключение советско-афганского договора. Когда это не удалось, Добс предложил «подарить» Афганистану огромное количество вооружения и выплачивать эмиру ежегодно крупную «субсидию» при условии аннулирования договора и высылки из Кабула представителей Советской России¹. Однако попытки английских империалистов нарушить дружественные отношения между Советской Россией и Афганистаном не увенчались успехом. С тех пор год от года нерушимая дружба между Советским Союзом и Афганистаном крепнет и развивается.

Никита Сергеевич Хрущев в марте 1960 года на митинге, организованном в столице Афганистана по случаю его приезда, говорил:

«Советский Союз — это великая страна, с огромной территорией, населением в 212 миллионов человек. Афганистан — страна сравнительно небольшая, но в отношениях между нашими государствами никогда не сквозило ни одной ноты превосходства большого над малым. Наоборот, наши отношения — убедительный пример искреннего, равноправного сотрудничества большого и малого государств.

Мы дорожим нашими дружескими отношениями, дорожим тем, что они крепки на протяжении существования

¹ Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. 1 (1917—1920 гг.). М., 1944, стр. 288.

¹ А. Х. Бабаходжаев. Провал английской антисоветской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-факто и де-юре. Ташкент, 1957, стр. 38.

Советского государства и вашего государства, которое завоевало независимость в борьбе против колонизаторов и империалистических хищников... Это сочувствие и дружеское понимание советский народ и советское правительство подкрепляет конкретными делами. Мы оказываем и будем оказывать Афганистану разнообразную помощь для строительства различных предприятий, дорог и культурного благосостояния афганского народа, причем, мы делаем это так, как добрый сосед помогает соседу...

...Афганский народ может быть уверен, что в своих усилиях по дальнейшему развитию страны, в своей борьбе за укрепление политической и экономической независимости он всегда будет чувствовать крепкую поддержку советского народа»¹.

В ответ на дружеские слова главы Советского государства афганские руководители заявили: «...Чувства нашего народа, которые они проявили, встречая вас, — наших советских друзей, еще раз подтверждают, что дружба наших народов является основой для дальнейшего развития наших добрых отношений...

Независимость Афганистана была признана Советским правительством, во главе которого стоял ваш великий государственный деятель Ленин. Наша страна также признала Советское правительство сразу же после его образования. С этого момента начали развиваться дружественные отношения»².

С момента политической независимости Афганистаном обе стороны — СССР и Афганистан, до настоящего времени находятся в дружественных отношениях и вместе борются за мир во всем мире. Советский Союз, выполняя свой интернациональный долг, оказывает Афганистану настоящую экономическую и техническую помощь.

¹ «Счастье и мир народам». Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в Индии, Бирме, Индонезии и в Афганистане, М., 1960, стр. 290—296.

² Там же, стр. 298.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. Накануне присоединения Средней Азии к России, особенно в 40 годах XIX в., усилилось проникновение Англии на Средний Восток, в Среднюю Азию и Западный Китай.

Английские правящие круги стремились установить и усилить свое влияние в Иране, Афганистане, в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах, рассматривая их территории не только как рынок сбыта и источник сырья, но и как плацдарм для наступления на юго-восточные границы России.

2. По мере укрепления английских позиций в Индии усиливалась английская агрессия на Среднем Востоке и в Средней Азии; правящие круги Англии использовали Индию как плацдарм, а ее людские ресурсы — как «пушечное мясо».

Для прикрытия своих захватнических устремлений на Среднем Востоке и в Средней Азии английские правящие круги выдвинули тезис о необходимости «обороны Индии», которой якобы угрожала Россия. Английский империализм и буржуазная историография в течение столетия пользуются этой фикцией для оправдания английской агрессии на Востоке.

3. Обострение англо-русских противоречий в Европе и на Ближнем Востоке к середине XIX века нашло свое выражение в подготовке английским капитализмом антирусской коалиции и в спровоцированной Крымской войне. Английская агентура с помощью турок на Востоке стремилась создать антирусский блок в Средней Азии из Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств и направить их против России.

4. Стремление английских агрессоров превратить среднеазиатские ханства в британскую колонию и в плацдарм для дальнейшего наступления против России вызывало серьезнейшее противодействие русского правительства, которое в свою очередь готовилось к завоеванию Средней Азии.

5. После присоединения Средней Азии царской Россией там был установлен колониальный режим, трудящиеся испытывали двойное бремя угнетения и эксплуатации.

В то же время присоединение Средней Азии к России нанесло решающий удар феодальной ограниченности и замкнутости края и прекратило кровавые феодальные междоусобицы, которые ложились тяжелым бременем на трудовое население края. Средняя Азия втянулась в сферу влияния более прогрессивно развивающегося капиталистического хозяйства России и вместе с нею в систему мировой капиталистической экономики.

После присоединения Средней Азии к России стало усиливаться развитие капиталистических отношений, что способствовало значительному росту местной национальной промышленности.

Однако присоединение Средней Азии к России имело большое прогрессивное значение главным образом потому, что оно соединило судьбы народов Средней Азии с судьбой великого русского народа. С присоединением Средней Азии к России был открыт путь для проникновения в Среднюю Азию передовой русской культуры, демократических и революционных идей.

Средняя Азия объединилась с Россией, которая становилась центром мирового революционного движения. У народов Средней Азии появился могучий союзник и друг в лице русского рабочего класса, возглавившего борьбу всех народов царской России за социальное и национальное освобождение.

6. Присоединение Средней Азии к России и неудача английских агрессивных планов в Средней Азии способствовали новому обострению англо-русских противоречий.

7. В 1869 году английские империалисты попытались применить новый ход колониальной политики — они предложили России создать «нейтральную» зону между русскими и английскими владениями в Средней Азии.

Стремясь к мирному урегулированию своих отношений с Англией, русское правительство согласилось с этим. Однако вскоре выяснилось, что английские империалисты под видом создания «нейтральной зоны» стремились отрезать Восточную Бухару, часть Хивинского ханства, левобережье Аму-Дарьи от России и превратить эти земли в свой протекторат. Русская дипломатия, в свою очередь, предложила включить в «нейтральную зону» весь Афганистан, заявив, что он находится вне сферы влияния русского правительства. Это предложение, конечно, не удовлетворило английское правительство.

8. В октябре 1872 года правящие круги Англии сделали новую попытку расширить свое влияние на территории севернее Аму-Дарьи. С этой целью английское правительство предложило России заключить соглашение о северных границах Афганистана, включив в них Бадахшан, Вахан. Русское правительство отклонило английское предложение, считая необходимым признать Бадахшан и Вахан независимыми как от Афганистана, так и от Бухары, что не устраивало англичан.

В 1873 году, в связи с обострением международного положения в Европе и подготовкой к присоединению Хивы, русское правительство решило пойти на соглашение с Англией по среднеазиатским вопросам ценой некоторых уступок. Поэтому в конце 1873 года было достигнуто англо-русское соглашение, признавшее зависимость Бадахшана, Вахана и ханств левобережья Аму-Дарьи от Афганистана.

Английские колонизаторы, поддерживая стремления афганских феодалов, присоединив земли левобережья Аму-Дарьи, пытались отвлечь внимание правящих кругов Афганистана от английской агрессии на его северо-восточных рубежах.

Происки английских колонизаторов на афганских границах и в самом Афганистане в течение 70-х годов вызывали все возрастающее недовольство не только народных масс, но и правящих кругов страны. В ответ на бесцеремонное вмешательство англо-индийских властей во внутренние дела Афганистана Шир-Али-хан с 1877 года начал готовиться к оборонительной войне против английских захватчиков.

С целью срыва подготовительных мероприятий афганцев и организации межфеодальной борьбы внутри стра-

ны, английские колонизаторы всемерно использовали высшее турецкое духовенство, агентуру турецкого султана.

10. Разгром турецких войск в 1877—1878 годах, Сен-Стефанский мирный договор привели к значительному усилению русского влияния на Балканах, к резкому обострению англо-русских и австро-русских противоречий в Юго-Восточной Европе.

11. Английская империалистическая историография пытается доказать, что основной причиной англо-афганской войны было прибытие в Кабул русской миссии во главе со Столетовым. Это является очередной фальсификацией английских колонизаторов. В действительности, английские империалисты много лет готовились к захватнической войне против Афганистана, рассчитывая закабалить его и использовать его как плацдарм для агрессии против Средней Азии.

12. Английская агрессия в Афганистане вызвала мощный подъем народно-освободительного движения, народы Афганистана, не желая добровольно надеть на себя цепи рабства, вели против английских оккупантов героическую борьбу, что вынудило последних после смерти Шир-Али-хана пойти на компромиссное соглашение с новым эмиром — Абдурахман-ханом и вывести свои войска из страны. Англия признала его эмиром Афганистана.

В результате второй англо-афганской войны (1878—1879 гг.) английские империалисты установили свой протекторат над Афганистаном.

13. Английские империалисты готовясь к новому этапу агрессии в Средней Азии использовали соглашение с Абдурахман-ханом. Их агентура, действуя через Герат и персидский Хорасан, начала проявлять большую активность в Туркмении. Они организовали разбойничьи шайки и, снабдив оружием и деньгами, рассылали их во все стороны оазиса, чтобы вызвать возмущение народа против России.

В этот же период — в 1883 году — афганские власти под давлением англичан, в нарушение русско-афганского соглашения 1873 года, присоединили Шугнан и Рушан.

14. Русское правительство в 1884 году повторило свое, сделанное в 1882 году, предложение о проведении англо-русских переговоров относительно полной демаркации русско-афганской границы.

Английские империалисты, дав формальное согласие, в то же время рассматривали англо-русские переговоры о демаркации как ширму, за которой они готовили новую агрессию. С этой целью проводилась концентрация англо-индийских войск на северо-западных рубежах Индии, усиливалась шпионская диверсионная деятельность в Средней Азии. Генерал-квартирмейстер индийской армии Мак-Грегор разработал план войны с Россией, предусматривавший отсечение Средней Азии и расчленение всей страны.

Русское правительство считало, что предстоящее разграничение должно являться дополнением к соглашению 1873 года, и предложило начать определение афганской границы от Ходжа-Салеха, признанного на основании указанного соглашения крайним пунктом владений афганского эмира.

Однако английское правительство не согласилось с этим и заявило о том, что его наиболее существенные интересы связаны с западной частью афганской границы, примыкающей к р. Герируд. Поэтому комиссары должны определить исходный пункт названной границы на Герируде и от этого пункта направиться к Ходжа-Салеху.

Русское правительство, избегая осложнений, согласилось начать работы по разграничению от Герируда.

15, 30 июля 1884 года русское правительство официально заявило английскому правительству о том, что «для успеха его политики все племена туркмен-сарыков, живущие от Иолотани до пограничных постов Афганистана, должны быть подчинены влиянию русских властей и Абдурахман-хан должен отказаться от всяких притязаний на расширение своих владений за счет территории туркмен-сарыков, не являющихся подданными Афганистана».

Однако английские колонизаторы стремились под маркой демаркации русско-афганской границы осуществить свои агрессивные планы в Средней Азии. Поэтому они провоцировали афганского эмира Абдурахман-хана на захват туркменских земель с целью вызвать русско-афганский конфликт. В этом случае англичане пришли бы на помощь афганцам и приступили бы к осуществлению своих агрессивных планов. Именно такие цели преследовала английская комиссия по разграничению, выехавшая в Афганистан.

16. Всемерно затягивая переговоры о разграничении, английские империалисты толкали афганцев на развязывание конфликта в районе Пендинского оазиса. В результате 18 марта 1885 года в Пендинском оазисе произошло спровоцированное английским империализмом вооруженное столкновение русских и афганских войск.

Англо-индийское правительство срочно пригласило Абдурахман-хана в Раульпинди, предложило начать серьезные военные действия против России в Средней Азии, укрепить Герат и заявило, что будет поддерживать его своими военными силами и снабжать деньгами и оружием.

Абдурахман-хан не желал войны. Он согласился уступить России Пенде и этим решить вопрос афганского разграничения мирным путем.

Столкновение при Таш-Кепри вызвало резкое обострение англо-русских отношений. «Россия на волосок от войны с Англией»¹, указывал В. И. Ленин.

Разгром афганских войск при Таш-Кепри был серьезным ударом по агрессивным планам английского империализма в Средней Азии.

Напряженная обстановка в Европе, обострение англо-французских и англо-германских противоречий из-за раздела Африки и Юго-Восточной Азии лишили Англию союзников против России.

Со своей стороны русское правительство также стремилось к мирному урегулированию конфликта.

В этих условиях в 1885—1887 годах были завершены англо-русские переговоры о русско-афганском разграничении. Была установлена русско-афганская граница.

---

¹ В. И. Ленин. Тетради по империализму, стр. 620.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Произведения классиков марксизма-ленинизма

1. Маркс К. Восточный вопрос. Сочинения, т. XI, ч. I. Партиздат, 1933.
2. Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии (1664—1858 гг.). Госполитиздат, 1947.
3. Маркс К. Договор с Персией. Сочинения, т. XI, ч. I. Партиздат, 1933.
4. Энгельс Ф. Англия и Россия в Афганистане. Сочинения, т. XI, ч. I, Партиздат, 1933.
5. Энгельс Ф. Россия в Средней Азии. Сочинения, т. XI, ч. I, Партиздат, 1933.
6. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. Сочинения, т. XVI, ч. II, Партиздат, 1936.
7. Маркс К. и Энгельс Ф. Британское владычество в Индии. Сочинения, т. IX, Партиздат, 1932.
8. Маркс К. и Энгельс Ф. Ост-Индская компания. ее история и результаты. Сочинения, т. IX, Партиздат, 1932.
9. Маркс К. и Энгельс Ф. Будущие результаты британского господства в Индии. Сочинения, т. IX, Партиздат, 1932.
10. Маркс К. и Энгельс Ф. Восстание в Индии. Сочинения, т. IX, ч. I, Партиздат, 1933.
11. Маркс К. и Энгельс Ф. Действительно спорный пункт в Турции. Сочинения, т. IX, Партиздат, 1932.
12. Маркс К. и Энгельс Ф. Крымская кампания. Сочинения, т. X, Партиздат, 1933.
13. Энгельс Ф. Афганистан. Сочинения, т. XI, ч. I, Партиздат, 1933.
14. Маркс К. и Энгельс Ф. Лондонская газета «Таймс», Лорд Пальмерстон. Сочинения, т. XII, ч. II.
15. Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Сочинения, т. 3.
16. Ленин В. И. Пятидесятилетие издания крепостного права. Сочинения, т. 17.
17. Ленин В. И. Тетради по империализму. Госполитиздат, 1939.
18. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Сочинения, т. 22.

19. Ленин В. И. Горючий материал в мировой политике. Сочинения, т. 15.

Статьи и речи руководителей Коммунистической партии
и Советского правительства

20. Хрущев Н. С. Речь на совещании работников хлопководства республик Средней Азии, Закавказья и Казахстана в Ташкенте, М., 1955.

21. Хрущев Н. С. Речь во время пребывания в Индии, Бирме и Афганистане, М., 1955.

Архивные источники

Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР. Фонд КТГГ, оп. 3, дело 148, 296, 345, 346, 389, 406, 424, 451, 607, 609, 638, 676.

Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР. Фонд КТГГ, оп. 1, дело 2, 4, 9, 11, 22, 23, 35, 39, 40, 42, 43, 48, 60, 61, 62, 65, 67.

Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. Сборник документов, СПб, 1886.

Литература (советский период)

1. Алексеев П. Аграрный вопрос в Афганском Туркестане. М., 1933.

2. Арбеков П. Захват Мерва. «Туркменоведение», 1931, № 1—2.

3. Бондаревский Г. Л. Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближнем Востоке (1888—1903).

4. Байкова Н. В. Англо-Кашгарский торговый договор 1874 г., Ташкент, 1949 (рукопись диссертации). Институт истории АН УзССР.

5. Бабаходжаев А. Х. Провал английской антисоветской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-факто и де-юре (1921—1924 гг.). Ташкент, 1957.

5. Бабаходжаев А. Х. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке, М., 1962.

7. Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана, Ленинград, 1925.

8. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, Ленинград, 1927.

9. Бартольд В. В. История изучения Востока в России и Европе, изд. 2, М., 1925.

10. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, Ленинград, 1928.

11. Бартольд В. В. Таджики. Исторический очерк «Таджикистан»; Сборник статей, Ташкент, 1925.

12. Бартольд В. В. Мир-Али-Шир и политическая жизнь. Изд. АН СССР, Л., 1928.

13. Беляковский С. К. Афганистан. Военно-географическое управление штаба РККА, М., 1932.

14. Вавилов Н. И. и Букинич Д. Д. Земледельческий Афганистан, Л., 1929.

15. Ганковский Ю. В. Империя Дурани. Очерки административной и военной системы, М., 1958.

16. Ганковский Ю. В. Миссия Богдана Асланова в Афганистане в 1764 г., «Советское востоковедение», № 2, 1958.

17. Гордон Л. Р. Аграрные отношения в Северо-Западной пограничной провинции Индии. АН СССР, М., 1953.

18. Гордон Л. Р. Борьба Афганистана против английской агрессии в XIX в. Очерки по новой истории стран Среднего Востока, изд. МГУ, 1952.

19. Гордон Л. Р. Социально-экономический и общественный строй афганских племен Индии во второй половине XIX в. «Вопросы истории» № 3, 1950.

20. Гуревич Н. М. Внешняя торговля Афганистана, М., 1959.

21. Дубинский А. М. Индия, Китай и Япония в 40—60-х годах XIX века, М., 1949.

22. Дипломатический словарь, т. I, М., 1948; т. II, М., 1950.

23. Демидов А. П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности в Туркестане. М., 1926.

24. История народов Узбекистана, т. 2, Ташкент, 1947.

25. История Казахской ССР, М., 1943.

26. История дипломатии, т. II, М., 1945.

27. История международных отношений и внешней политики (1870—1887 гг.), М., 1957.

28. Индия и Афганистан. Очерки истории и экономики. М., 1958.

29. История Туркменской ССР. Ашхабад, 1957.

30. Ивайов М. С. Очерк истории Ирана, М., 1952.

31. Иноятов Х. Ш. Октябрьская революция в Узбекистане, М., 1958.

32. Кушева Е. Н. Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-х годах XIX в. Исторический сборник № 3, т. II, III, 1920.

33. Кастальская К. История англо-русского соперничества в Средней Азии в первой половине XIX в. до 1947 г. «На зарубежном Востоке» № 2, 1954.

34. Кисляков Н. А. Очерки по истории Каратегина. Душанбе, 1954.

35. Лавров Н. М. Турция и Иран в 1870—1918 гг., М., 1949.

36. Моинч. Афганский Туркестан. «Новый Восток» № 16—17, 11926.

37. Новая история в документах, тт. I—2, М., 1934.

38. Ниялло-Азиз. Классики марксизма-ленинизма об Афганистане. «Известия АН УзССР» № 6, 1949.

39. Попов А. Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм. «Исторические записки» № 7, 1940.

40. Попов А. Л. Из истории завоевания Средней Азии. «Исторические записки» № 9, 1940.
41. Потемкин Ф. В. Англия 1815—1848 гг., М., 1949.
42. Пикулни М. Г. Афганистан. Ташкент, 1956.
43. Рейснер И. М. Независимый Афганистан, М., 1929.
44. Рейснер И. М. Роль афганцев в Индии в XVIII в. Записки Тихоокеанского института, т. II, М.—Л., 1949.
45. Рейснер И. М. К вопросу о складывании афганской нации. «Вопросы истории» № 7, 1949.
46. Рейснер И. М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев, М., 1954.
47. Рейснер Л. Афганистан. Избр. произвед., М., 1958.
48. Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия, М., 1949.
49. Ремез И. А. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Ташкент, 1929.
50. Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России. Ашхабад, 1946.
51. Снесарев А. Е. Афганистан. 1921.
52. Станишевский А. В. Афганистан, М., 1940.
53. Современный Афганистан. АН СССР, Институт востоковедения, М., 1960.
54. Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России, М., 1960.
55. Фадеев А. Мюрализм как орудие агрессивной политики Турции и Англии, «Вопросы истории» № 9, 1950.
56. Фуркат З. Избранные произведения, Ташкент, 1951.
57. Халфин Н. А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке, Ташкент, 1957.
58. Халфин Н. А. Русско-бухарские взаимоотношения по поводу припамирских бекств после англо-русского разграничения 1895 г. на Памире, рукопись, Ташкент, 1947.
59. Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии, М., 1960.
60. Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в.— начало XX в.), М., 1959.
61. Хасанов А. Присоединение северных киргизов к России. «Вопросы истории» № 7, 1950.
62. Шихмурадов О., Чугаев А. Против проявлений национализма в освещении вопросов истории. «Большевик» № 23, 1951.
63. Штейнберг. История британской агрессии на Среднем Востоке, М., 1951.

Дореволюционная литература

1. Арендаренко Г. А. Досуги в Туркестане 1874—1889 г., СПб., 1889.
2. Алиханов М. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883.
3. Алиханов М. Закаспийские воспоминания, «Вестник Европы», октябрь, 1904.

4. Белльго. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873—1874 гг. Перевод с англ. СПб., 1877.
5. Бурхан-уд-дин-хани Кушберги. «Каттаган и Бадашхан». Ташкент, 1916.
6. Венюков М. И. Россия и Восток, СПб., 1887.
7. Венюков М. И. Путешествие Вуда к истокам Аму-Дарьи. «Русский инвалид» № 40, 1873.
8. Венюков М. И. Мелкие государства по верховьям Окса. «Русский инвалид» № 60, 1876.
9. Венюков М. И. Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них. СПб., 1868.
10. Венюков М. И. Краткий очерк английских владений в Азии, СПб., 1875.
11. Венюков М. И. Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россией и Индией. СПб., 1879.
12. Вамбери А. История Бухары или Трансаксонии с древнейших времен до настоящего по восточным обнаруженным и неопубликованным рукописным историческим источникам. Перевод А. И. Павловского, т. I и II, СПб., 1873.
13. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии, из Тегерана через Туркменскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 г. с научной целью по поручению Венгерской Академии в Пеште. М., 1867.
14. Внешняя политика Англии в среднеазиатском вопросе. «Вестник Европы» № 2, СПб., 1875.
15. Гартевельд В. Н. Среди сыпучих песков и отрубленных голов, М., 1914.
16. Гродеков Н. И. Война в Туркмении, тт. I, II, III, VI. «Отчет по ревизии Туркменского края произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Краевое управление». СПб., 1910.
17. Галкин А. Исхак-хан и афганская смута в 1888 г. «Военный вестник». СПб., 1889.
18. Заорская В. В., Александров К. А. Промышленные заведения Туркестанского края, вып. I, 1915.
19. Игнатьев Н. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. СПб., 1897.
20. Корнилов. Кашгария или Восточный Туркестан. Ташкент, 1903.
21. Летц. Роль Афганистана в среднеазиатском вопросе и возможности войны в Туркестане из-за Индии. Ташкент, 1906.
22. Лессар П. М. Юго-западная Туркмения (земли сарыков и саларов), СПб., 1885.
23. Лякоств. Россия и Великобритания в Центральной Азии. Ташкент, 1908.
24. Логофет Д. И. Переправы на Аму-Дарье и Пяндж. «Туркестанские ведомости» № 106, 1906.
25. Маслов А. Н. Завоевание Ахал-Теке. СПб., 1887.
26. Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб., 1879.
27. Небоисин Г. П. Статистическое обозрение о внешней торговле в России, ч. 2. 1850.
28. Небольский Г. И. Очерки торговли России со Средней Азией, кн. X, СПб., 1855.

29. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирза-Шемси Бухары. Изд. текст В. В. Григорьевым. Казань, 1861.

30. Прасолов В. Мургабский поход 1885 г. СПб., 1910.

31. Попов А. Н. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом, СПб., 1853.

32. Путята. Очерк экспедиции ГШ кап. Путята в Памир, Сарыкол-Вахан и Шугнан в 1883 г. «Сборник материалов по Азии», вып. 10, СПб., 1884.

33. Романовский Д. Н. Заметки по среднеазиатскому вопросу, СПб., 1868.

34. Риджуэй. Новая афганская граница капитана Риджуэй. Перевод с англ. («Сборник материалов по Азии»), вып. 29, СПб., 1888.

35. Семенов-Тяньшанский. Россия, т. 19, Туркестанский край, СПб., 1913.

36. Стремоухов Н. Отношения России и Англии в Средней Азии. «Семейное чтение», № 9, 1888.

37. Субботин. Россия и Англия на среднеазиатских рынках, СПб., 1885.

38. Серебрянников А. Г. «Сборник материалов по Азии», вып. 70, 1896. Очерки Шугнана.

39. Серебрянников А. Г. Памир. Краткий очерк. «Ежегодник Ферганской области», т. I, «Новый Маргелан», 1902.

40. Столкновения Англии с афганскими пограничными племенами. «Живая старина», выпуск I—II, СПб., 1900.

41. Татищев. Внешняя политика императора Николая I, СПб., 1886.

42. Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии, СПб., 1875.

43. Терентьев М. А. Россия и Англия в борьбе за рынки, СПб., 1876.

44. Тернер Ф. Г. Движение внешней торговли России с 1853 г. по 1856 г. СПб., 1856.

45. Тагаев Б. А. Памирские походы 1892—1895 гг. Десятилетие присоединения Памира к России, СПб., 1902.

46. Тагаев Б. А. Русские над Индией. Очерки и рассказы из боевой жизни на Памире. СПб., 1900.

47. Тагаев Б. (Рустам-Бек). В заоблачной стране. О памирских походах 1892—1895 гг., М., 1904.

48. Федоров М. П., Риттих П. А. Соперничество торговых интересов на Востоке. «Афганский вопрос», на правах рукописи, 1905.

49. Ханыков Н. Описание Бухарского ханства, СПб., 1843.

50. Хилков. Сборник князя Хилкова, СПб., 1879.

51. Ханство Кундуз. «Сборник материалов по Азии», вып. 15 (из донесения члена экспедиции капитана Бернса), СПб., 1885.

52. Хрулев С. Проект устава товарищества для развития торговли со Средней Азией, СПб., 1863.

53. Шеманский А. Д. Бой на Кушке 18 марта 1885 г. СПб., 1904.

54. Шеманский А. Д. Значение английских горных экспедиций на северо-западной границе Индии, «Средняя Азия», кн. № 1.

55. Южаков С. Н. Афганистан и сопредельные страны, СПб., 1885.

56. Яворский И. Л. Путешествие по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. СПб., 1880.

Периодическая литература, газеты и журналы

1. Английский миссионер в русской Азии. Газ. «Новое время» № 3433. Туркестанский сборник, т. 389 (стр. не нумерованы — Ф. Ю.).

2. Вуд в Бадахшане. «Русский мир» № 1289, 1873. Туркестанский сборник, т. 75, стр. 147.

3. Выступление депутата в палате общин. Туркестанский сборник, т. 196, стр. 107.

4. Европейские и среднеазиатские дела в английской палате лордов. Газета «Голос», 1874 г. Туркестанский сборник, № 129, стр. 174.

5. Завоевание Меймене. Туркестанский сборник, т. 221, стр. 44.

6. Из письма в редакцию «Новое время», 1885, «Новое время» № 3289. Туркестанский сборник, т. 380.

7. Кашгарский посланник в Турцию. «Русский мир», № 143—144, 1873. Туркестанский сборник, т. 75, стр. 148.

8. Миссия генерала Лемсдена. Туркестанский сборник, т. 376.

9. Нарушение Якуб-беком торгового соглашения с Россией. Газ. «Биржевые ведомости», Туркестанский сборник, т. 75, стр. 100.

10. О русской стратегии. Газ. «Голос» № 230, 1874. Туркестанский сборник, т. 75, стр. 141.

11. Переписка между Англией и Россией по поводу экспедиции против туркмен. Газ. «Биржевые ведомости» № 77, 1874. Туркестанский сборник, т. 74, стр. 124.

12. По вопросу разграничения, «Новое время» № 3281, 1885. Туркестанский сборник, т. 380, стр. 90.

13. Россия в Средней Азии. Газ. «Новое время» № 1312, 1877. Туркестанский сборник, т. 248, стр. 65—66.

14. Русские у ворот Герата. «Новости» № 99, 1885, Туркестанский сборник, т. 376.

15. Русско-афганское разграничение. Газ. «Новое время» № 233, 1887. Туркестанский сборник, т. 409 (стр. не нумерованы — Ф. Ю.).

16. Среднеазиатская тревога. «Неделя» № 23, 1884. Туркестанский сборник, т. 395 (стр. не нумерованы — Ф. Ю.).

17. Среднеазиатский вопрос (Переписка между Англией и Россией). Газ. «Биржевые ведомости» № 79, 1874. Туркестанский сборник, т. 74, стр. 128.

18. Через Афганистан. «Новое время» № 3194, 1880. Туркестанский сборник, т. 241 (стр. не нумерованы — Ф. Ю.).

19. Юго-западная Туркмения. Газ. «Новое время» № 3158, 1884. Туркестанский сборник, т. 376 (стр. не нумерованы — Ф. Ю.).

Сборники и воспоминания

1. Архипов. Военная рекогносцировка равнинной части Бухарского ханства. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. X, стр. 194. Издание военно-ученого комитета Главного штаба. СПб., 1884.

2. Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXXIII, стр. 8. Издание военно-ученого комитета Главного штаба, СПб, 1888.

3. Военский К. Новая афганская граница Риджуя. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXIX, стр. 87. Издание военно-ученого комитета Главного штаба, СПб, 1888.

4. Галкин. Современное состояние вооруженных сил в Восточном Туркестане. 1885. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXIV, стр. 1. Издание военно-ученого комитета Главного штаба, СПб, 1886.

5. Гольдич. Географическая заметка Афганской пограничной комиссии. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XX, стр. 60. Издание военно-ученого комитета Главного штаба, СПб, 1886.

6. Гродеков. Поездка из Самарканда через Афганистан в Герат (1878). Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. V, стр. 5. Изд. военно-ученого комитета Главного штаба. СПб, 1883.

7. Калитин. Записки о мервских туркменах. 1883. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. VI, стр. 122. Издание военно-ученого комитета Главного штаба. СПб, 1883.

8. Клем В. Современное состояние торговли Бухары. Сборник географических, топографических, и статистических материалов по Азии, вып. XXXIII, стр. 1. Издание военно-ученого комитета Главного штаба. СПб, 1888.

9. Комаров. Краткие статистические сведения о племенах эрсари, обитающих по левому берегу Аму-Дарьи от сел. Бассаги до Чарджуя. 1886. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXV, стр. 278. Издание военно-ученого комитета Главного штаба. СПб, 1887.

10. Кузьмина-Караваева. О введении русского управления в Атеке. 1885. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXI, стр. 110. Издание военно-ученого комитета Главного штаба, СПб, 1886.

11. Лемсен П. Сообщение о Королевском географическом обществе в Лондоне (из газеты «Таймс» 1885 г.). Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XV, стр. 244. Издание военно-ученого комитета Главного штаба. СПб, 1885.

12. Лессар П. М. Юго-западная Туркмения (земли сарасов и саларов), 1884. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XII, стр. 1. Издание военно-ученого комитета Главного штаба, СПб, 1884.

13. Лилиталь. Кухистан с северную частью Гиссарского бекства, 1887. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXXVI. Издание военно-ученого комитета Главного штаба, СПб, 1888.

14. Макаров. Записка о реке Атрек. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XV, стр. 140. Издание военно-ученого комитета Главного штаба. СПб, 1885.

15. Маллесон. Герат — житница и сад Центральной Азии. 1880. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XVI, стр. 51. Издание военно-ученого комитета Главного штаба, СПб, 1885.

16. Матвеев. Краткий очерк Бухары. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXXVI, стр. 1. Издание военно-ученого комитета Главного штаба. СПб, 1888.

17. Матвеев. Поездка по бухарским и афганским владениям (1877). Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. V, стр. 1. Издание военно-ученого комитета Главного штаба, СПб, 1883.

18. Мельницкий Ю. Статистические данные о Закаспийской области. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXIX, стр. 102. Издание военно-ученого комитета Главного штаба, СПб, 1888.

19. Петров. О дорогах из Чарджуя в Керки по левому берегу Аму-Дарьи. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXI, стр. 102, XVIII, XIX. Издание военно-ученого комитета Главного штаба. СПб, 1886.

20. Покотило. Очерк Бухарских владений на левом берегу Пянджа. 1886. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXV, стр. 267. Издание военно-ученого комитета Главного штаба, СПб, 1887.

21. Проекты экспедиций в Индию, предложенные Наполеоном Бонапартом императорам Павлу и Александру I в 1800 и 1807—1808 гг. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXIII, стр. 1. Издание военно-ученого комитета Главного штаба. СПб, 1886.

22. Путята. Очерк экспедиции в Памир, Сарыкал, Вахан, Шурган, 1883. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. X, стр. 1—40. Издание военно-ученого комитета Главного штаба. СПб, 1883.

23. Стюарт. Долина Герата и персидская граница от Герируда до Сейстана. 1885. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXI, стр. 158. Издание военно-ученого комитета Главного штаба. СПб, 1886.

24. Торнтон Т. С. Белуджистан и новая индийская провинция. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXXIII, стр. 54. Издание военно-ученого комитета Главного штаба. СПб, 1888.

25. Ханыков Н. Извлечение из его сочинения о южной части Средней Азии. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XVI, стр. 209. Издание военно-ученого комитета Главного штаба. СПб, 1885.

26. Хиден С. Через Персию, Месопотамию и Кавказ. 1887. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXXIII, стр. 84. Издание военно-ученого комитета Главного штаба. СПб, 1888.

27. Чарыков Н. В. Описание поездки по берегам р. Тедена — Герируда. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XIII, стр. 138. Издание военно-ученого комитета Главного штаба. СПб, 1884.

28. Чихачев П. Записка о возможности осуществления Российской экспедиции в Индию. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXIII, стр. 105, Издание военно-ученого комитета Главного штаба, СПб, 1886.

29. Мак-Грегор. Оборона Индии, ч. I, II. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. X, стр. 1—211. Издание военно-ученого комитета Главного штаба. СПб, 1891.

Иностранная литература

1. Автобиография Абдурахман-хана, эмира Афганистана, т. I—2, 1901.

2. Бартон Вильям. Северо-западная Индия, пер. с англ., Лондон, 1933.

3. Бернс А. Путешествие в Бухару, ч. 1, 2, 3. Пер. с англ., 1848.

4. Smith V. The Oxford History of India From the Earliest

5. Wolff I. Narrativ of a mission to Bokhara in the Years 1843—1845 of Ascertaining the Fate of Colonel Stoddart and Captain Conolly. New York, 1845.

6. Balfour, Betty, Lady The History of Lord Zytton's Indian Administration, 1876—1880. Compiled from Letters and Official Papers, London, New and Bombay, 1899.

7. Hadderton William. Anglo—Russian Concerning Afghanistan. 1837—1907. Hions, 1937.

8. Робертс. Россия и Англия в Афганистане. «Русская старина».

9. Рейхтер. Россия и Англия в Центральной Азии. Пер. с франц.

10. Рупр. Англо-русское соперничество в Азии в XIX веке. Пер. с франц. 1924.

11. Фаиз-Мухаммед-хан. «Сирадж-ат-таварих» (Светильник истории), ч. I, 2, 3. Кабул, 1913.

12. Шейэ. Современная Индия, ч. II, пер. с фран. 1913.

13. Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX веке, М., 1958.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Происки английских колонизаторов на пути к соединению Средней Азии к России	13
Глава II. Английские происки в период установления афгано-бухарской границы в 1872—1873 годах	56
Глава III. Фальсификация английской колониальной политики в Афганистане в 70—80 годах XIX в.	72
Глава IV. Провал английских агрессивных планов в Средней Азии в период русско-афганского разграничения в 80-х годах XIX в.	117
Глава V. Установление государственной границы между Россией и Афганистаном в 1887 году	153
Краткие выводы	175
Список использованных источников и литературы	181

Фатима Ходжамбердыевна Юлдашбаева
**ИЗ ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В АФГАНИСТАНЕ И СРЕДНЕЙ АЗИИ
(70—80 гг. XIX в.)**

Редактор Н. С. Гиммельфарб.
Техредактор Т. Аббасов
Корректор Р. Маринич.

* * *

Сдано в набор 18/V-1963. Подписано к печати
21/XI-1963. Формат $84 \times 108/32$. Печ. л. 6,0. Усл. печ.
л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,7. Тираж 2000. Индекс с/з.
Р.14016. Государственное издательство Узбекской
ССР. Ташкент, Павои, 30. Договор № 95—62.

* * *

Типография № 3. Главиздата Министерства
культуры УзССР, Ташкент, Ленинград-
ская, 15. Зак. № 331. Цена 45.